

ВЕСТНИК ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2308-8117

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

4 (27) 2019

Учредитель: АНО ВО «Гуманитарный университет»
(г. Екатеринбург)

Адрес редакции: 620049, г. Екатеринбург,
ул. Студенческая, д. 19
E-mail: ektbriogu@mail.ru

Адрес издателя: 620049, г. Екатеринбург,
ул. Студенческая, д. 19

Выходит 4 раза в год

Журнал включен в Российский индекс
научного цитирования (РИНЦ)

Распространяется бесплатно

Редакционная коллегия

Главный редактор

Закс Л. А., д-р филос. наук, профессор

Заместители главного редактора

Мясникова Л. А., д-р филос. наук, профессор (*направление «Философские науки»*)

Мицек С. А., д-р экон. наук, доцент (*направление «Экономические науки»*)

Семятко А. П., д-р юрид. наук, профессор (*направление «Юридические науки»*)

Члены редколлегии

Козлова О. А., д-р экон. наук, профессор

Мицек Е. Б., д-р экон. наук, доцент

Светлов Н. М., д-р экон. наук, профессор

Тарасьев А. М., д-р физ.-мат. наук, профессор

Хмелькова Н. В., д-р экон. наук, доцент

Архипов С. И., д-р юрид. наук, профессор

Балакшин В. С., д-р юрид. наук, профессор

Глушкова С. И., д-р полит. наук, доцент

Курченко В. Н., д-р юрид. наук, профессор

Незнамова З. А., д-р юрид. наук, профессор

Семякин М. Н., д-р юрид. наук, профессор

Брандт Г. А., д-р филос. наук, доцент

Зайцев П. Л., д-р филос. наук, профессор

Коркунова О. В., д-р филос. наук, доцент

Круглова Т. А., д-р филос. наук, доцент

Перцев А. В., д-р филос. наук, профессор

Редакционный совет

Болдыгин Г. В., канд. филос. наук, основатель Гуманитарного университета,
почетный профессор ГУ

Красовский А. А., д-р наук (Вена-Лаксенбург, Австрия)

Палокангас Т., д-р наук, профессор (Хельсинки, Финляндия)

Родригез-Бланко В., профессор (Гилфорд, Великобритания)

Руденко В. Н., д-р юрид. наук, профессор, академик РАН

Руткевич А. М., д-р филос. наук, профессор (г. Москва)

Степанов С. А., д-р юрид. наук, профессор

Чжу Б., д-р наук, профессор (Пекин, Китай)

THE REVIEW OF THE LIBERAL ARTS UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

4 (27) 2019

ISSN 2308-8117 (Vestnik Gumanitarnogo universiteta)

Frequency: 4 times a year

Publisher: Liberal Arts University – University for Humanities
(Ekaterinburg)

Editorial address: 620049, Ekaterinburg,
19, Studencheskaya st.
E-mail: ektbriogu@mail.ru
Publisher: 620049, Ekaterinburg,
19, Studencheskaya st.

Distributed free of charge

Editor-in-Chief

L. A. Zaks, Doctor of Philosophical Sciences, Prof.

Deputy Editors-in-Chief

L. A. Myasnikova, Doctor of Philosophical Sciences, Prof. ("Philosophical sciences" branch)

S. A. Mitsek, Doctor of Economic Sciences, Associate Prof. ("Economic Sciences" branch)

A. P. Semitko, Doctor of Legal Sciences, Prof. ("Legal sciences" branch)

The editorial board

Kozlova O. A., Doctor of Economic Sciences, Prof.

Mitsek E. B., Doctor of Economic Sciences, Associate Prof.

Svetlov N. M., Doctor of Economic Sciences, Prof.

Taras'ev A. M., Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Prof.

Khmelkova N. V., Doctor of Economic Sciences, Associate Prof.

Arkipov S. I., Doctor of Legal Sciences, Prof.

Balakshin V. S., Doctor of Legal Sciences, Prof.

Glushkova S. I., Doctor of Political Sciences, Associate Prof.

Kurchenko V. N., Doctor of Legal Sciences, Prof.

Neznamova Z. A., Doctor of Legal Sciences, Prof.

Semyakin M. N., Doctor of Legal Sciences, Prof.

Brandt G. A., Doctor of Philosophical Sciences, Associate Prof.

Zaitsev P. L., Doctor of Philosophical Sciences, Prof.

Korkunova O. V., Doctor of Philosophical Sciences, Associate Prof.

Kruglova T. A., Doctor of Philosophical Sciences, Associate Prof.

Pertsev A. V., Doctor of Philosophical Sciences, Prof.

The editorial council

Boldygin G. V., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Prof,

founder of Liberal Arts University – University for Humanities, Professor Emeritus

Krasovskii A. A., PhD (Doctorat) (Vienna-Laxenburg, Austria)

Palokangas T., PhD (Doctorat), Prof. (Helsinki, Finland)

Rodriguez-Blanco V., Professor (Guildford, Great Britain)

Rudenko V. N., Doctor of Legal Sciences, Prof., Academician of the Russian Academy of Sciences

Rutkevich A. M., Doctor of Philosophical Sciences, Prof. (Moscow)

Stepanov S. A., Doctor of Legal Sciences, Prof.

Zhu B., PhD (Doctorat), Prof. (Beijing, China)

Содержание

Экономика	5
<i>Мицек С. А., Мицек Е. Б.</i> Экономика Российской Федерации в 2018 году: текущее положение и перспективы на будущее	6
<i>Мицек С. А., Мицек Е. Б.</i> Основные результаты эконометрической модели экономики Российской Федерации в версии 2019 года	28
<i>Головчин М. А.</i> Востребованность работника «нового типа» и его компетенций в российской экономике	100
Юриспруденция	113
<i>К 95-летию со дня рождения С. С. Алексеева</i> <i>Семитко А. П.</i> Механизм правового регулирования С. С. Алексеева как реализация системного подхода	114
<i>Семитко А. П.</i> «Невидимая рука» дискриминации. Социологический этюд	127
<i>Гаген С. Я., Янчаркова Ю.</i> «Ты цыган, но мы тебя все равно любим». К вопросу о дискриминации в чешском обществе (на примере отношения к «цыганским» детям дошкольного возраста)	128
<i>Султанов А. Р.</i> Ложь и правовая определенность	154
Философия	161
<i>Бакеева Е. В.</i> «Ужас конкретности»: к философии поступка М. К. Мамардашвили	162
<i>Коркунова О. В.</i> Антропологические воззрения А. Маслоу: концепция человека	169
<i>Архипова Ю. В.</i> Визуализация и ее роль в современном политическом дискурсе (на примере российского и австрийского политического дискурса)	177
<i>Суворов Д. В.</i> Русская классическая музыка: западничество, славянофильство, интегрализм	183
Требования к оформлению и порядку представления статей в журнал «Вестник Гуманитарного университета»	191

Contents

Экономика	5
<i>Mitsek S. A., Mitsek E. B.</i> The Economy of the Russian Federation in 2018: Current Situation and Future Prospects.....	6
<i>Mitsek S. A., Mitsek E. B.</i> An econometric model of the Russian Federation, version 2019: the main results.....	28
<i>Golovchin M. A.</i> The demand for the “new type” employee and his competencies in the Russian economy.....	100
Юриспруденция	113
<i>Semitko A. P.</i> To the 95th anniversary of the birth of S. S. Alekseyev The S. S. Alekseev’s mechanisms of legal regulation as the realization of a system approach.....	114
<i>Semitko A. P.</i> An “invisible hand” of discrimination. A sociological sketch.....	127
<i>Gagen S. Ya., Yancharkova Yu.</i> «You are Gypsy but we love you in any case». To the Question of Discrimination in Czech society (illustrated by attitudes to so-called gypsy pre-school-age orphans).....	128
<i>Sultanov A. R.</i> A lie, and legal certainty.....	154
Философия	161
<i>Bakeeva E. V.</i> The Terror of Specificity: Regarding M. K. Mamardashvili’s Philosophy of the Act	162
<i>Korkunova O. V.</i> The anthropological views of A. Maslow: the concept of man	169
<i>Arkipova Yu. V.</i> Visualization and its role in the modern political discourse (by the example of the Russian and Austrian political discourse).....	177
<i>Suvorov D. V.</i> Russian classical music: a pro-Western, pro-Slavic, and pro-Integrity stance.....	183
Submission Requirements for «LAU Vestnik» authors	191

|| ЭКОНОМИКА

Экономика Российской Федерации в 2018 году: текущее положение и перспективы на будущее

Данная статья посвящена макроэкономическому анализу экономики России в 2018 г., который свидетельствует о том, что повышение темпов роста экономики страны обусловлено увеличением объема экспорта за счет повышения экспортных цен.

Отмеченная макроэкономическая стабильность, а также рост производства, смягчение денежной политики и консервативная фискальная политика страны явились факторами увеличения положительного сальдо платежного баланса и достижения профицита бюджета.

Основными проблемами являются стагнация совокупной производительности факторов производства и недостаточный уровень инвестиций в основной капитал, что отрицательно влияет на темпы роста экономики страны. Решению этих проблем могут послужить экономические реформы и развитие цифровой экономики России.

Ключевые слова: экономика России; экономический рост; денежная политика; совокупная производительность; цифровая экономика.

Введение

В нашей статье будет проанализирована динамика основных макроэкономических переменных России за 2018 г. и дана попытка ее объяснения. Другой нашей задачей является оценка взаимосвязи этих показателей и определение их роли в будущем развитии нашей страны.

Методологией исследования служит, во-первых, инструментарий макроэкономического странового анализа [6; 5; 4; 3; 2]. Также мы использовали выводы наших исследований [9; 16] и исследований других авторов в области макроэкономики. Основными источниками статистических данных для нас служили сайты Федеральной службы государственной статистики [10] и Банка России [1]. Также были использованы данные Всемирного банка [6; 7; 5; 4; 3; 2; 18] и ООН [18].

Оценка текущего состояния экономики России

В 2018 году ВВП России вырос на 2,3 %. Много это или мало? Много, если учесть, что в предыдущие четыре года роста почти не было. Мало, если сравнивать Россию с другими странами. Мы отстаем от мирового развития, и это видно из таблицы 1, а Китай с его 6,5 % ежегодного роста грозит оторваться от нас навсегда [2, с. 34].

Таблица 1

Темпы роста экономики России и других стран в 2018 г.¹

<i>Показатель</i>	<i>Темп роста, %</i>
Россия	2,3
Мир	3,0
Развитые страны	2,2
Китай	6,5

* **Сергей Александрович Мицек**, д-р экон. наук, доцент, заведующий кафедрой финансов и кредита, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

E-mail: sergey.mitsek@gmail.com

** **Елена Борисовна Мицек**, д-р экон. наук, профессор кафедры менеджмента и маркетинга, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

E-mail: emitsek@mail.ru

¹ Источник: [2, с. 34].

Замедление темпов роста экономики России показывает и рис. 1. Поэтому, если мы не хотим остаться на обочине мирового развития, эти темпы должны быть выше.

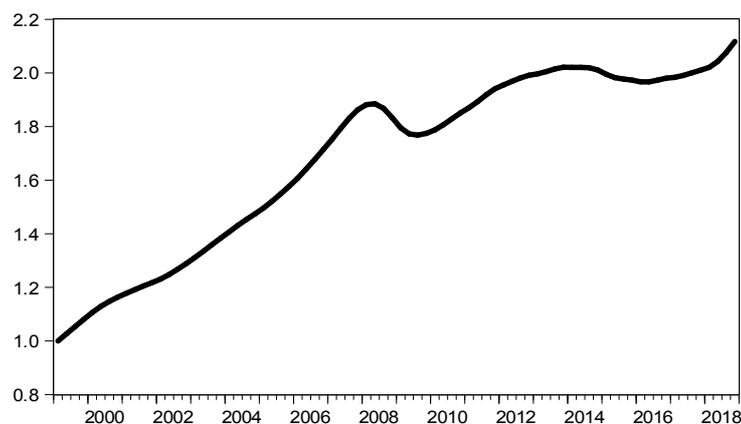


Рис. 1. Индекс физического объема ВВП России, Q1 1999 = 1; сглажено фильтром Ходрика – Прескотта, $\lambda = 6,25^2$

Каковы причины относительного улучшения экономической ситуации в России в 2018 году? Как показывает таблица 2, главная причина – быстрый рост экспорта.

Таблица 2

Индексы физического объема элементов использования валового внутреннего продукта (в процентах к предыдущему году)³

Показатель	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Валовой внутренний продукт	103,7	101,8	100,7	97,5	100,3	101,6	102,3
расходы на конечное потребление	106,5	104,1	100,9	92,2	98,9	103,0	101,9
домашних хозяйств	107,9	105,2	102,0	90,6	98,1	103,2	102,2
государственного управления	102,6	100,9	97,9	96,9	101,4	102,5	100,9
некоммерческих организаций, обслуживающих домашние хозяйства	99,0	98,8	100,0	97,0	101,0	100,7	104,6
валовое накопление	104,4	94,4	93,9	87,7	98,4	106,5	101,5
валовое накопление основного капитала	105,0	101,3	98,2	88,8	100,7	105,5	102,3
экспорт	101,4	104,6	100,5	103,7	103,2	105,0	106,3
импорт	109,7	103,5	92,7	74,9	96,4	117,4	103,8

Экспорт занял рекордно высокую долю в экономике России (табл. 3)⁴, именно он стал локомотивом ее роста в последние годы (табл. 2, рис. 2)⁵.

² Источник: [10а], расчет авторов.

³ Источник: [10а].

⁴ Подобные тенденции – увеличение доли экспорта в ВВП сегодня особенно характерны для стран со средним и низким уровнем дохода, см. [14].

⁵ Тот факт, что экспорт традиционно оказывает положительное влияние на совокупную факторную производительность экономики, подтверждается многочисленными исследованиями, например см. [12, с. 1312–1344].

Таблица 3

Структура использования валового внутреннего продукта России, %⁶

Показатель	2013	2014	2015	2015*)	2016*)	2017	2018
Валовой внутренний продукт	100,0						
расходы на конечное потребление	71,5	71,4	70,1	70,2	71,5	70,8	66,9
домашних хозяйств	52,6	53,1	52,0	52,2	52,8	52,3	49,0
государственного управления	18,5	17,9	17,7	17,7	18,3	18,1	17,6
некоммерческих организаций, обслуживающих домашние хозяйства	0,4	0,4	0,4	0,4	0,4	0,4	0,4
валовое накопление	23,1	22,2	21,9	22,4	23,5	24,2	23,0
валовое накопление основного капитала	21,8	21,2	20,3	20,8	21,9	22,3	21,3
изменение запасов материальных оборотных средств	1,4	1,0	1,6	1,6	1,5	1,8	1,7
чистый экспорт	5,4	6,4	8,0	8,1	5,2	5,3	10,0
экспорт	25,8	27,1	28,6	28,7	25,7	26,1	30,9
импорт	20,4	20,6	20,6	20,6	20,6	20,7	20,9
статистическое расхождение	0,0	0,0	0,0	-0,7	-0,1	-0,3	0,1

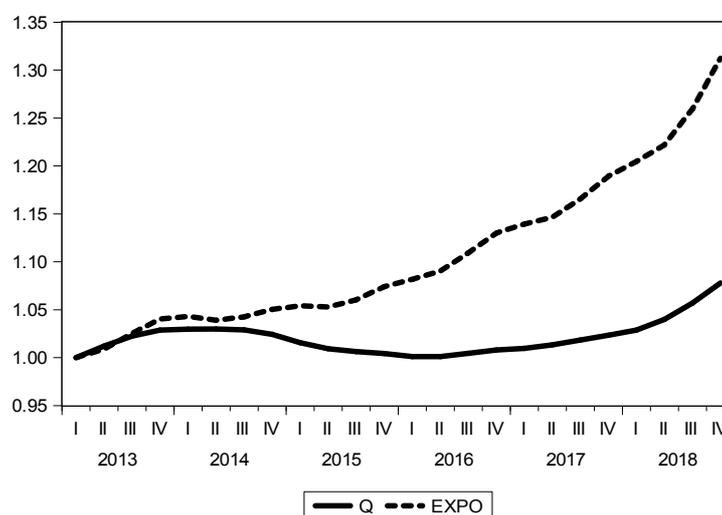


Рис. 2. Индексы физического объема ВВП (Q) и экспорта (EXPO), Q1 2013 = 1; сглажено фильтром Ходрика – Прескотта, $\lambda = 6,25^7$

Чем объясняется такая динамика российского экспорта? Во-первых, значительным ростом экспортных цен (рис. 3), которые повышались заметно быстрее цен общероссийских (табл. 4).

⁶ Источник: [10а], расчет авторов.

⁷ Источник: [10а], расчет авторов.

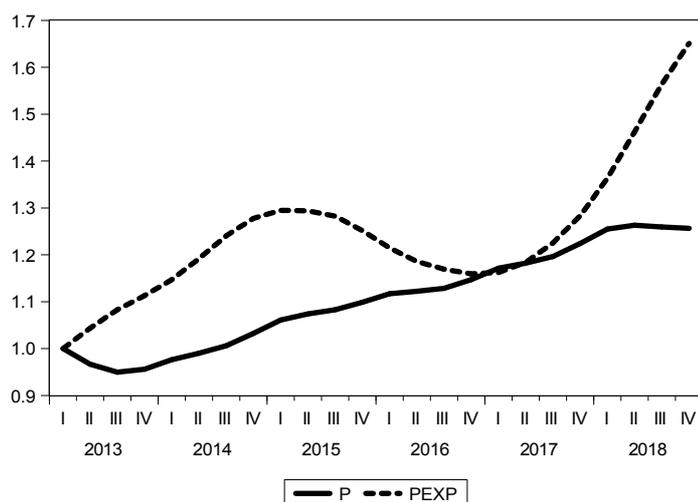


Рис. 3. Рублевый индекс дефлятора ВВП (P) и экспортных цен (PEXP), Q1 2013 = 1; сглажено фильтром Ходрика – Прескотта, $\lambda = 6,25^8$

Таблица 4

**Индексы-дефляторы элементов использования
валового внутреннего продукта (в процентах к предыдущему году)⁹**

Показатель	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Валовой внутренний продукт	109,1	105,4	107,5	108,0	103,2	105,3	110,0
расходы на конечное потребление	108,2	107,1	107,2	112,1	106,5	103,0	104,5
домашних хозяйств	106,7	106,0	107,1	113,8	106,8	102,8	103,1
государственного управления	112,5	110,5	107,1	107,5	105,6	103,3	108,3
некоммерческих организаций, обслужи- вающих домашние хозяйства	111,0	105,2	111,9	112,5	108,5	109,7	108,6
валовое накопление	108,7	107,1	110,8	118,1	110,2	103,5	105,5
валовое накопление основного капитала ¹⁾	108,0	107,0	107,6	113,4	108,1	103,4	105,1
экспорт	107,2	98,4	113,0	107,4	90,0	103,2	125,5
импорт	104,7	104,5	118,2	140,0	107,0	91,9	109,3

На какие товары российского экспорта цены повышались прежде всего? Во-первых, на энергетические товары, в том числе на нефть (рис. 4), а также на металлы, включая алюминий и медь (рис. 5).

⁸ Источник: [10а], расчет авторов.

⁹ Источник: [10а].

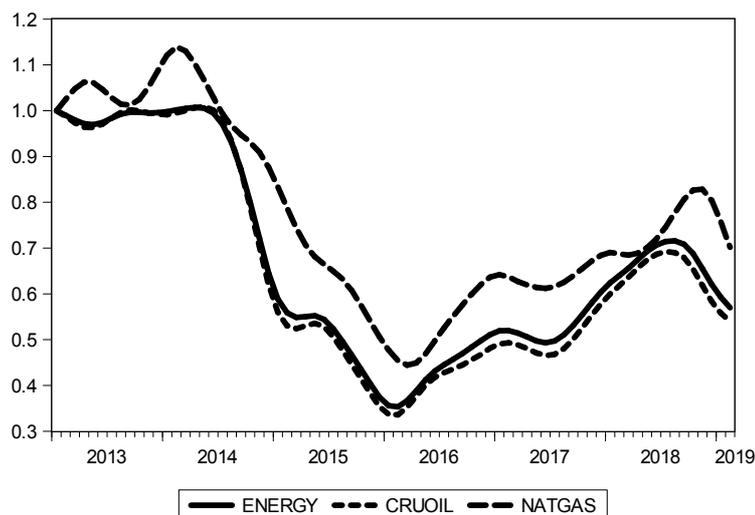


Рис. 4. Долларовый индекс мировых цен на энергетические товары (ENERGY), сырую нефть (CRUOIL) и природный газ (NATGAS), январь 2013 = 1; сглажено фильтром Ходрика – Прескотта, $\lambda = 6,25^{10}$

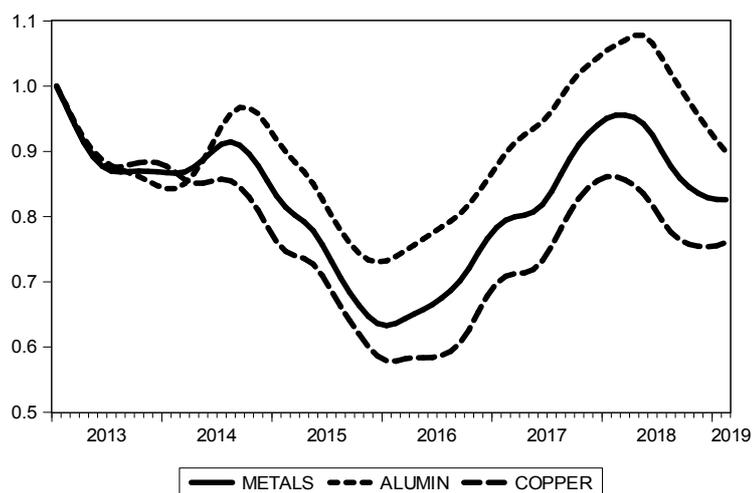


Рис. 5. Долларовый индекс мировых цен на металлы (METALS), алюминий (ALUMIN) и медь (COPPER), январь 2013 = 1; сглажено фильтром Ходрика – Прескотта, $\lambda = 6,25^{11}$

Цены на нефть росли, несмотря на рост добычи основными игроками – Саудовской Аравией, Россией и США. Причины тому – хаос в Венесуэле, обостряющийся конфликт США с Ираном, уверенный рост экономики Китая.

Цены других наших экспортных товаров не показали столь же быстрого роста (рис. 6–9 и табл. 5). Исключение составила лишь пшеница, мировые цены на которую также заметно выросли как результат многолетнего роста спроса на продовольствие, в основном со стороны развивающихся стран с их растущим средним классом¹².

¹⁰ Источник: [19], расчет авторов.

¹¹ Источник: [19], расчет авторов.

¹² Еще одна возможная причина роста цен – конкуренция за сельскохозяйственную продукцию со стороны производителей биотоплива.

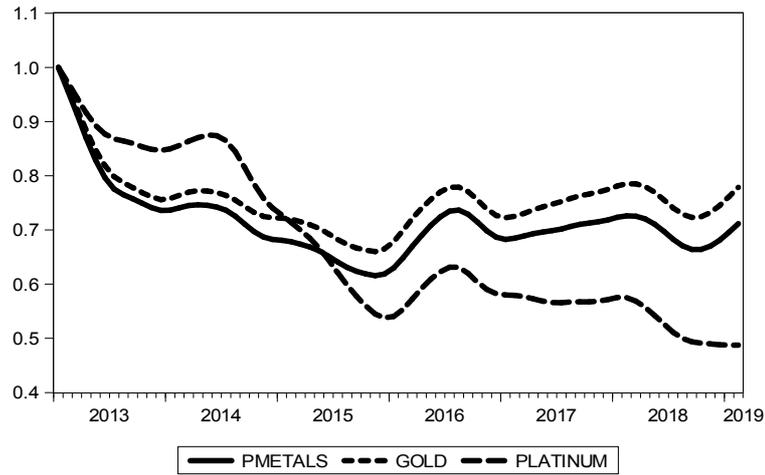


Рис. 6. Долларовый индекс мировых цен на драгоценные металлы (PMETALS), золото (GOLD) и платину (PLATINUM), январь 2013 = 1; сглажено фильтром Ходрика – Прескотта, $\lambda = 6,25^{13}$

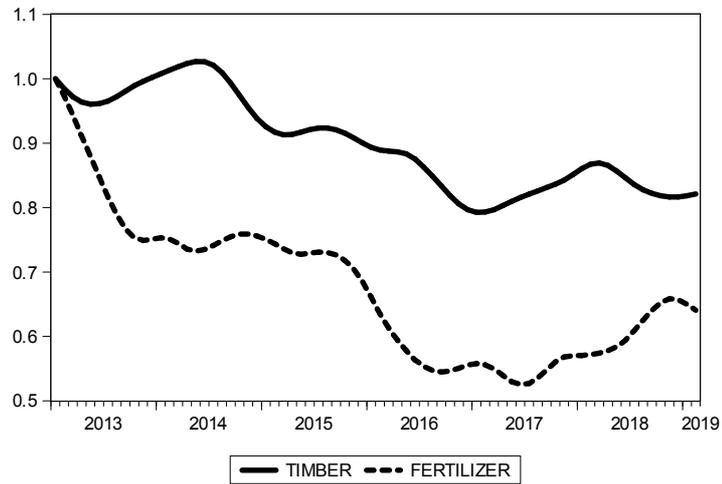


Рис. 7. Долларовый индекс мировых цен на древесину (TIMBER) и удобрения (FERTILIZER), январь 2013 = 1; сглажено фильтром Ходрика – Прескотта, $\lambda = 6,25^{14}$

¹³ Источник: [19], расчет авторов.

¹⁴ Источник: [19], расчет авторов.

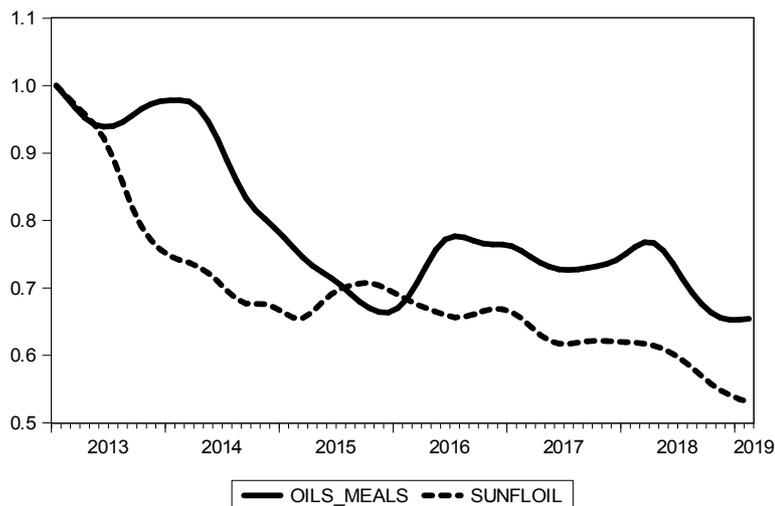


Рис. 8. Долларовый индекс мировых цен на масла (OILS_MEALS) и подсолнечное масло (SUNFLOIL), январь 2013 = 1; сглажено фильтром Ходрика – Прескотта, $\lambda = 6,25^{15}$

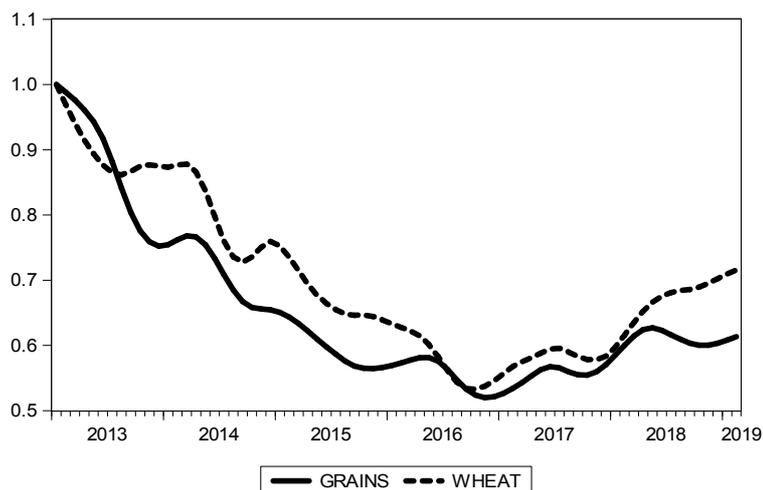


Рис. 9. Долларовый индекс мировых цен на зерновые (GRAINS) и пшеницу (WHEAT), январь 2013 = 1; сглажено фильтром Ходрика – Прескотта, $\lambda = 6,25^{16}$

Таблица 5

Рост мировых цен на российские экспортные товары, долларовый эквивалент, 2018 год к 2016-му и к 2013-му¹⁷

Группа или товар	2018 к 2016, ±%	2018 к 2013, ±%
Энергетические товары	+58	-32
В том числе:		
Нефть сырая – в среднем	+60	-34
Уголь - в среднем	+57	+24
Природный газ	+44	-27
Продовольствие	+1	-21
В том числе:		

¹⁵ Источник: [19], расчет авторов.

¹⁶ Источник: [19], расчет авторов.

¹⁷ Источник: [19], расчет авторов.

Масличные	-4	-26
Зерновые	+10	-31
Из них Пшеница	+21	-30
Древесина	-2	-14
Минеральные удобрения	+6	-28
Металлы	+33	+0
В том числе:		
Алюминий	+31	+14
Железная руда	+19	-48
Медь	+34	-11
Драгоценные металлы	+0	-16
В том числе:		
Золото	+2	-10
Платина	-11	-41
Серебро	-8	-34

В итоге, благодаря росту мировых цен, стоимость нашего товарного экспорта в долларовой эквиваленте выросла на 25 % в 2018 году по сравнению с 2017-м.

Вторая причина роста экспорта – это *снижение курса рубля* (рис. 10), что способствовало увеличению рублевых поступлений от экспорта и одновременно приводило к удорожанию импорта. В итоге чистый экспорт вырос до рекордного за последние 10 лет значения в 10 % ВВП в 2018 году.

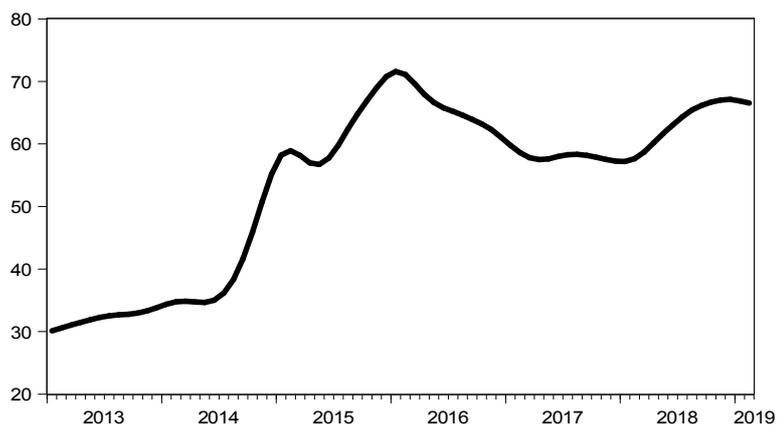


Рис. 10. Курс доллара, январь 2013 – февраль 2019; сглажено фильтром Ходрика – Прескотта, $\lambda = 6,25^{18}$

В чем были причины падения рубля?

Их несколько. Во-первых, *санкции*, во-вторых, *валютные интервенции* Банка России, который с января по август активно покупал валюту и пополнял международные резервы (рис. 11), чему способствовали рост экспорта и замедление импорта.

¹⁸ Источник: [1b], расчет авторов.

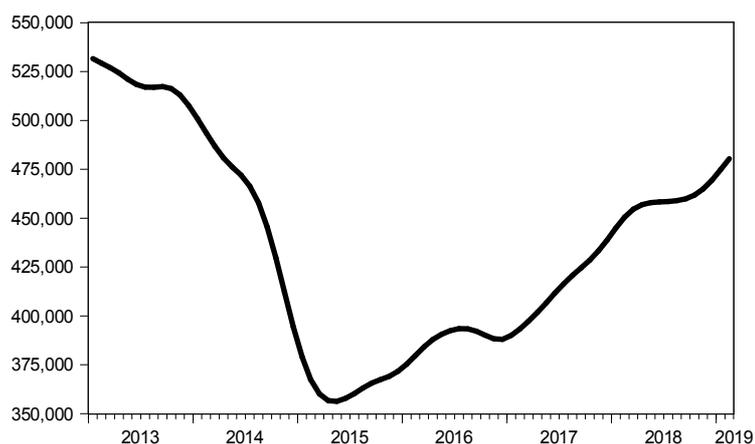


Рис. 11. Международные резервы Российской Федерации, млн долл.; январь 2013 – февраль 2019; сглажено фильтром Ходрика – Прескотта, $\lambda = 6,25^{19}$

Одновременно Банк России смягчал денежную политику (рис. 12) и снижал ключевую ставку. Затем, когда возник риск роста инфляции, он вновь ужесточил ее, прекратил валютные интервенции и повысил ключевую ставку.

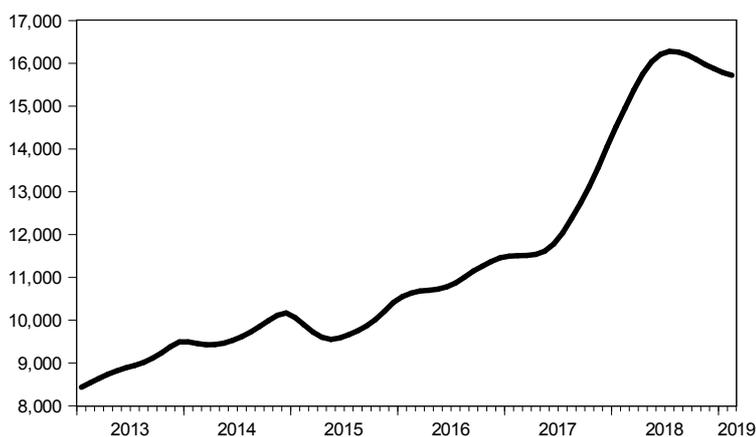


Рис. 12. Денежная база Российской Федерации, млрд руб.; январь 2013 – февраль 2019; сглажено фильтром Ходрика – Прескотта, $\lambda = 6,25^{20}$

Третья причина ослабления рубля – *отток капитала* из России (рис. 13), вызванный как снижением прямых иностранных инвестиций (ПИИ) из-за падения интереса к российским активам, отчасти также вызванного санкциями, так и продажей российских ОФЗ иностранцами.

Еще одна причина оттока капитала – погашение долгов вследствие ограничения доступа российского частного сектора на мировые рынки капитала.

¹⁹ Источник: [1с], расчет авторов.

²⁰ Источник: [1а], расчет авторов.

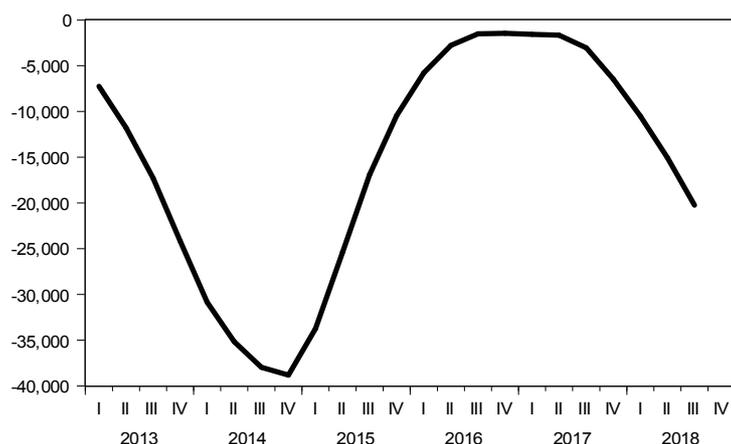


Рис. 13. Отток капитала из России, млн долл.; Q1 2013 – Q4 2018; сглажено фильтром Ходрика – Прескотта, $\lambda = 6,25^{21}$

Четвертая причина падения рубля – *ослабление наших позиций* на мировых рынках после 2013 года.

Несмотря на рост последних двух лет, цены на большинство наших экспортных товаров по-прежнему заметно ниже уровня 2013 г. (это видно из предыдущих рисунков и таблицы 5), равно как и объем нашего экспорта в *долларовом эквиваленте* (табл. 6).

Исключения составили лишь древесина, зерновые и «прочие товары», их экспорт в 2017 году превысил уровень 2013 года. По сравнению с 2015-м также вырос экспорт железа и стали, драгоценных камней и меди

Таблица 6
Динамика экспорта основных товаров из России, млн долл.²²

Товар	2017	2015	2013	Рост 2017/13, ±%	Рост 2017/15, ±%
Нефть и минеральное топливо	211 993	216 101	372 036	-43	-2
Железо и сталь	18 762	15 220	20 070	-7	+23
Прочие товары	14 146	10 797	11 647 ²³	+21	+31
Драгоценные камни и металлы	11 048	7 875	14 301	-23	+40
Промышленное оборудование	8 541	8 677	8 868	-4	-2
Древесина	7 902	6 313	7 330	+8	+25
Зерновые	7 527	5 652	4 752	+58	+33
Удобрения	7 217	8 852	9 121	-21	-18
Алюминий	6 673	7 060	7 125	-6	-5
Медь	4 709	4 460	4 964	-5	+6
Электрические машины и приборы	4 321	3 458	4 977	-13	+25
Весь экспорт товаров	353 547	341 419	521 835	-32	+4
Весь экспорт услуг	57 730	51 616	70 123	-18	+12
Весь экспорт	411 277	393 035	591 958	-31	+5

²¹ Источник: [1b], расчет авторов.

²² Источник: [18], расчеты авторов.

²³ По показателю «Прочие товары» данные приведены за 2014 год.

Что еще способствовало росту нашей экономики в 2018 году? Конечно, это восстановление мировой экономики. Так, рост мировой экономики остается стабильным и составил в среднем ежегодно более 2,8 % за период 2014–2018 гг. [3].

Также отметим, что росту нашего экспорта способствовал и хороший урожай 2017 г., и повышение *производства нефти*, которое имело место благодаря росту мировых цен и несмотря на быстрый рост производства американской нефти, которое увеличилось с примерно 5 млн баррелей в день в 2006 году почти до 11 млн баррелей в 2018-м.

Тем не менее отметим, что добыча углеводородов в России в 2018 году достигла рекордно высокого уровня: в октябре 2018 г. объем добычи нефти в России составил 11,4 млн баррелей в сутки (хотя в августе США опередили Россию как крупнейшего мирового производителя нефти) [3].

На фоне роста добычи *внутреннее потребление* нефти в России практически не менялось, составляя за последние десять лет около 3 млн баррелей в сутки²⁴, вследствие чего ее экспорт продолжал увеличиваться и возрос с 1997-го по 2017 г. в 1,8 раза.

Также в 2017 г. Россия обогнала Саудовскую Аравию и стала крупнейшим мировым *экспортером* сырой нефти и нефтепродуктов [3].

Кроме того, в 2017 г. добыча *природного газа* в России достигла рекордного уровня (640 млрд м³), в результате чего Россия стала вторым после США крупнейшим его производителем. При этом Россия является крупнейшим *экспортером* природного газа, поскольку большая часть газа, добываемого в США, потребляется внутри этой страны [3].

Таким образом, отметим, что рост цен на нефть и не-нефтяные товары способствовал тому, что *профит текущего счета* в 2018 г. вырос до 7 % ВВП по сравнению с 2,1 % за аналогичный период предыдущего года (табл. 7), что означает существенный приток валюты и пополнение международных резервов²⁵.

Таблица 7

Платежный баланс России, \$ млрд²⁶

<i>Показатель</i>	<i>2015</i>	<i>2016</i>	<i>2017</i>	<i>2018</i>
Счет текущих операций	68,8	25,5	33,3	113,8
<i>Торговый баланс</i>	<i>111,5</i>	<i>66,4</i>	<i>115,4</i>	194,5
Счет текущих операций без учета экспорта нефти и газа	-134,5	-129,6	-160,2	-147,8
Финансовый счет и счет операций с капиталом	-69,4	-11,1	-14,0	-78,2
Чистые ошибки и пропуски	2,9	-4,6	3,8	2,6
Изменение резервов: минус = рост	-1,7	8,2	-22,6	-38,2

Важной причиной стабилизации экономики России стало также смягчение *денежно-кредитной политики*, что было показано выше (рис. 12).

Валютные интервенции Банка России позволили увеличить не только международные резервы России, но одновременно денежную массу и денежную базу²⁷.

В России имеет место высокий и неудовлетворенный спрос на деньги в сочетании с низкими инфляционными ожиданиями (как следствие жесткой денежной политики в 2015–2016 гг.).

²⁴ Возможно, как результат внутренней инфляции и низких темпов роста экономики, а также мер по энергосбережению и структурных сдвигов в пользу менее энергоемких видов деятельности.

²⁵ Вырос также экспорт не-нефтяных товаров – кожи, металлов, машин и оборудования. В 2018 г. дефицит текущего счета без учета поступления от нефтегазового сектора сократился до 9,1 % ВВП по сравнению с 10,5 % годом ранее (см.: [3]).

²⁶ Источник: [3; 1b].

²⁷ С апреля 2017-го по июль 2018 г. денежная база выросла на 41 % (сглаженный график на рис. 12).

Монетизация экономики России является недостаточной: отношение денежной массы М2 к ВВП в России составляет всего лишь 45 %, тогда как в странах с развитой финансовой системой эта величина равна 150–200 % и выше²⁸. Все вместе это приводит к сильному влиянию ликвидности на рост производства и относительно слабому воздействию на инфляцию²⁹.

Наконец, экономике России помогает ее (относительная) *макроэкономическая стабильность*. Как мы видели выше, *международные резервы* росли в последние годы³⁰, они обеспечивают примерно 16 месяцев нашего импорта – неплохо по международным меркам.

Объем *внешнего долга* России (государственного и частного) составляет 29 % ВВП – гораздо меньше, чем во многих странах, а собственно *государственный долг* – лишь 15,5 % ВВП (73 % в среднем в странах ОЭСР)³¹.

Отдельно следует сказать об успехах нашего *сельского хозяйства*, что иллюстрируется рис. 14 и табл. 8. Следует, однако, помнить, что этими успехами оно во многом обязано государственной поддержке³² и отчасти санкциям, вследствие которых был сокращен импорт продовольствия.

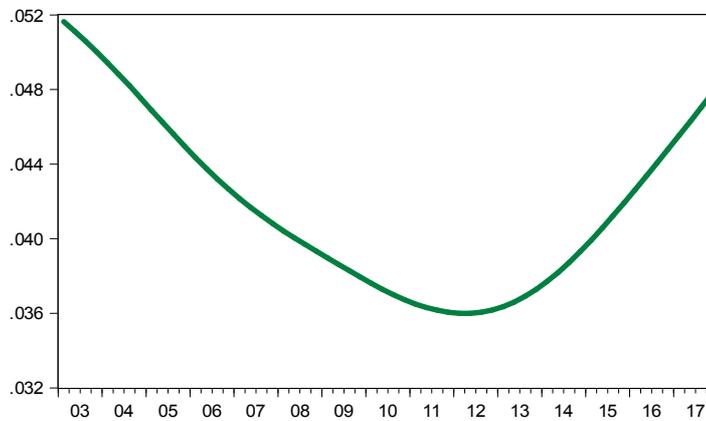


Рис. 14. Сельское хозяйство как доля ВВП России; квартальные данные, сглажены фильтром Ходрика – Прескотта, $\lambda = 1600$ ³³

²⁸ По оценкам Всемирного банка, доступ к финансам является третьим сдерживающим фактором для работающих в России предприятий, после коррупции и ставок налогообложения. Доступ к финансированию назвали сдерживающим фактором 15 % российских фирм, в Китае лишь 2 %.

Лишь 21 % российских фирм в 2016 г. имели банковский кредит или кредитную линию, тогда как в странах с высоким доходом – 43 %, в регионе ЕЦА – 39 % (см.: [6, с. 97]).

²⁹ Положительное влияние развитых финансовых институтов на совокупную факторную производительность показано во многих работах (см.: [16; 17]). С учетом показанных выше изменений в структуре ВВП России важно отметить, что экспортеры также нуждаются в банковском финансировании больше, чем фирмы, ориентированные на внутренний рынок (см.: [11]).

³⁰ Они составили \$ 461 млрд на конец 3-го квартала 2018 г. и \$ 482 млрд на 15 марта 2019 г. Отчасти этому помогли санкции, так как из-за них мы мало занимали на мировых рынках, но зато отдавали прошлые долги.

³¹ Емкость рынка государственных облигаций в России оценивается в 19 трлн руб., что дает возможность для дальнейшего заимствования (см.: [3]).

³² Краткий обзор этих мер см.: [5, с. 46].

³³ Источник: [10а], расчет авторов.

Успехи сельского хозяйства России³⁴

Показатели	2008	2017
Индекс ВВП	1,000	1,069
Индекс добавленной стоимости сельского хозяйства в неизменных ценах	1,000	1,148
	2008	2016
Сельскохозяйственный экспорт как доля совокупного экспорта, %	2,0	6,0
Индекс экспорта пшеницы, тонн	1,000	2,150 ³⁵
» » », \$	1,000	1,470
	2000	2017
Индекс производства пшеницы	1,000	2,490
» » кукурузы	1,000	8,890
» » зернобобовых	1,000	3,560
» » сахарной свеклы	1,000	3,700
» » бахчевых	1,000	3,160
» » масличных	1,000	3,690
» » подсолнечника	1,000	2,670
» » сои	1,000	10,600
» » рапса	1,000	10,140
» » мяса птицы	1,000	6,340
» » свинины	1,000	2,200

Рост цен на нефть, ослабление рубля, повышение качества налогового администрирования и консервативная бюджетная политика привели к улучшению состояния бюджета России.

Бюджет стал более сбалансированным на всех уровнях бюджетной системы, дефицит предшествующих лет сменился профицитом, а не-нефтегазовый первичный дефицит федерального бюджета заметно снизился (табл. 9).

Мерами, которые также способствовали стабилизации бюджета, были повышение НДС, пенсионного возраста, оптимизация обложения нефтяной отрасли, повышение ставок налога на табачные изделия и сокращение налоговых льгот³⁶.

Сбалансированность бюджетной системы России³⁷

Бюджет расширенного правительства (% к ВВП)		
	2017	2018
Доходы	33,7	35,9
Расходы	35,2	33,0
Первичные расходы	34,3	32,1
Сальдо	-1,5	2,9
Первичное сальдо	-0,6	3,8
Федеральный бюджет (% к ВВП)		
	2017	2018
Доходы	16,4	18,7
Нефтегазовые доходы	6,5	8,7
Не-нефтегазовые доходы	9,9	10,0
Расходы	17,8	16,1
Первичные расходы	17,1	15,3
Процентные платежи	0,8	0,8
Первичное сальдо	-0,7	3,4
Первичное не-нефтегазовое сальдо	-7,1	-5,3

³⁴ Источник: [10: а, е, f, g], расчет авторов.

³⁵ С 2015 года Россия – крупнейший мировой экспортер пшеницы (см.: [5, с. 42]).

³⁶ Последние две меры должны, как ожидается, дать дополнительный прирост налоговых поступлений в размере 2,8 % ВВП (см.: [3]).

³⁷ Источник: [2, с. 27].

Сальдо	-1,4	2,6
<i>Консолидированный региональный бюджет (% к ВВП)</i>		
	<i>2017</i>	<i>2018</i>
Доходы	11,7	11,9
Расходы	11,7	11,4
Первичные расходы	11,6	11,3
Первичное сальдо	0,1	0,6
Сальдо	0,0	0,5
<i>Внебюджетные фонды (% к ВВП)</i>		
	<i>2017</i>	<i>2018</i>
Доходы	11,6	10,5
Расходы	11,6	10,7
Сальдо	0,0	-0,2

Тем не менее, несмотря на достигнутые успехи, тревожные признаки наметились уже в прошедшем году. Так, во втором полугодии 2018 года произошло очередное падение *цен* на многие наши экспортные товары, что видно по приведенным выше рис. 3–9³⁸.

Диверсификация экспорта идет, но медленными темпами, и Россия по-прежнему сильно зависит от мировых цен на сырье, что никак не способствует устойчивости роста ее экономики. Доля России в мировом экспорте товаров и услуг составляет менее 1,5 %. Нередко даже традиционные товары российского экспорта уступают по качеству иностранным конкурентам [6, с. 110–111].

Рост *цен на нефть* не обещает быть продолжительным. Нефть, газ и другое минеральное топливо – по-прежнему основные экспортные товары России, хотя их доля и снизилась с 71,3 % в 2013-м до 59,0 % в 2018 г. российского товарного экспорта (в долларовом эквиваленте). Как отмечалось выше, росту цен на нефть препятствует быстрый рост добычи в США, а также в странах ОПЕК, несмотря на предыдущие соглашения. Политика санкций США в отношении Ирана оказалась не столь жесткой, как ожидали, что также приостановило рост цен на нефть.

Угрозу России представляет и усиление мировой нестабильности, равно как и санкции, мешающие нашему доступу к мировым рынкам капитала и технологий. Продолжался *отток капитала* из России, как было показано выше³⁹.

Угроза усиления *инфляции* заставила Банк России дважды поднимать ключевую ставку, сначала в сентябре, а затем в декабре 2018 года, что грозит новым дефицитом ликвидности и замедлением экономического роста и инвестиций в основную капитал.

Усиление инфляции во второй половине 2018 г.⁴⁰ имело место вследствие роста цен на бензин, плохого урожая (2018 года) и усиления внешнеполитической напряженности.

Рост цен на бензин повысил транспортные издержки, а усиление внешнеполитической напряженности ведет к ослаблению рубля, что повышает цены на импортные товары, а через них цены на продовольствие и коммунальные услуги.

В целом потребительская инфляция за 2018 год составила, по предварительным оценкам, 3,1 %, т. е. ниже целевого показателя⁴¹. Но дефлятор ВВП вырос на

³⁸ Исключение составили удобрения, уголь, природный газ и пшеница. Снизились цена на масличные культуры, но на пшеницу они выросли вследствие неурожая в Европе. Упали цены на нефть, драгоценные металлы, медь и древесину.

³⁹ Это проблемы не только России, но и всех развивающихся рынков (см.: [3]).

⁴⁰ Целевой показатель по инфляции был 4 %, реально она ускорилась с 2,2 % в январе 2018 г. к аналогичному периоду прошлого года до 3,5 % в октябре 2018 г.

⁴¹ Как показывают наши эконометрические оценки, инфляция в России была усилена ростом экспортных и импортных цен, дефлятора государственных закупок и ростом мировой экономики.

Анализ структуры потребительской инфляции показывает, что все большую роль в ее динамике начинает играть инфляция на непродовольственные товары и услуги.

10 %, что отразило рост экспортных цен на 25,5 % и цен на государственные услуги на 8,3 % [10b].

Еще одна серьезная угроза нашей экономике и общественной стабильности – быстрый рост *банковской задолженности граждан*. Она вышла на рекордный уровень (превысив рекорд 2014 г.). Так, в 2018 г. потребительские кредиты выросли на 22,5 % (гораздо больше, чем корпоративные кредиты). Это, в основном, необеспеченные кредиты и ипотека. Доля ипотечных кредитов, которая росла с 2014 г., сейчас составила 42,5 % всех кредитов населению (общей задолженности населения). [3]

Прогноз роста экономики России

Прогноз роста экономики России на ближайшие годы остается низким, в пределах 1,8 – 1,9 % в год (рис. 15).

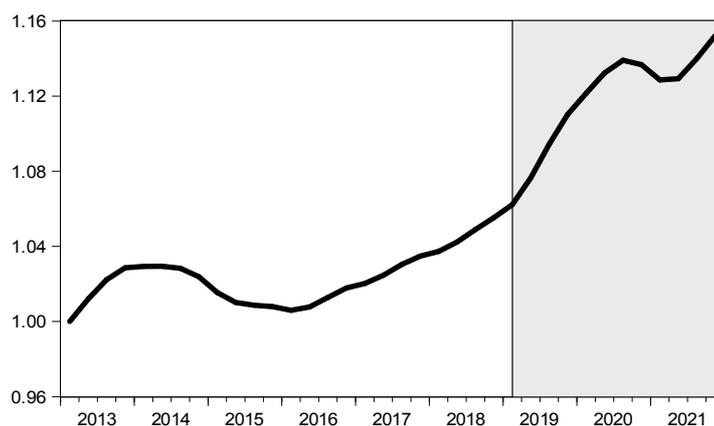


Рис. 15. Прогноз индекса ВВП по эконометрической модели: Q1 2013 = 1; Q1 2013 – Q4 2018 – факт; Q1 2019 – Q4 2021 – прогноз (затемненная зона); сглажено фильтром Ходрика – Прескотта, $\lambda = 6,25^{42}$

При этом прогноз роста *мировой экономики* остается стабильным, а Россия сильно отстает (табл. 10).

Таблица 10
Рост мировой экономики (прогноз Всемирного банка)⁴³

Показатель	2016	2017	2018	2019n	2020n
Мировая экономика	2,4	3,1	3,0	2,9	2,8
Развитые экономики	1,7	2,3	2,2	2,0	1,6
США	1,6	2,2	2,9	2,5	1,7
Еврозона	1,9	2,4	1,9	1,6	1,5
Страны с формирующимся рынком и развивающиеся экономики	3,7	4,3	4,2	4,2	4,5
Китай	6,7	6,9	6,5	6,2	6,2
Россия	0,3	1,6	2,3	1,2	1,8

Долгосрочные факторы роста экономики России

Что может помочь экономике России в долгосрочном плане?

В последние годы рост *рабочей силы* был весьма умеренным (рис. 16)⁴⁴.

⁴² Источник: [10], расчет автора [16]; среднегодовой рост ВВП России в 2019–2021 годах на рис. 15 составляет 1,9 %.

⁴³ Источник: [2, с. 24].

⁴⁴ Среднегодовой темп роста численности занятых на рис. 16 в 2014–2018 гг. составил 0,32 %, а экономически активного населения 0,15 %.

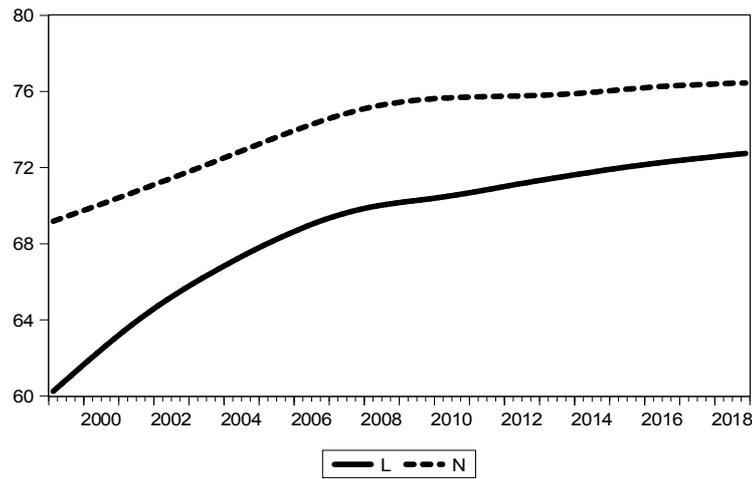


Рис. 16. Численность экономически активного населения (N) и занятых в России (L), млн чел.;
сглажено фильтром Ходрика – Прескотта, $\lambda = 1600^{45}$

В будущем его ускорение маловероятно вследствие низкой рождаемости, снижения удельного веса молодежи в совокупной численности населения и высокого уровня смертности трудоспособного населения.

По прогнозам, падение численности населения в трудоспособном возрасте произойдет со 100 млн в 2015-м до 89 млн в 2030 г. [6, с. 9].

Следовательно, ускорение долгосрочного роста экономики России возможно лишь за счет инвестиций в основной капитал и совокупной факторной производительности (СФП).

Объем *инвестиций* в России демонстрирует низкие темпы после 2013 года (рис. 17)⁴⁶, он недостаточен для значительного роста основного капитала (рис. 18)⁴⁷.

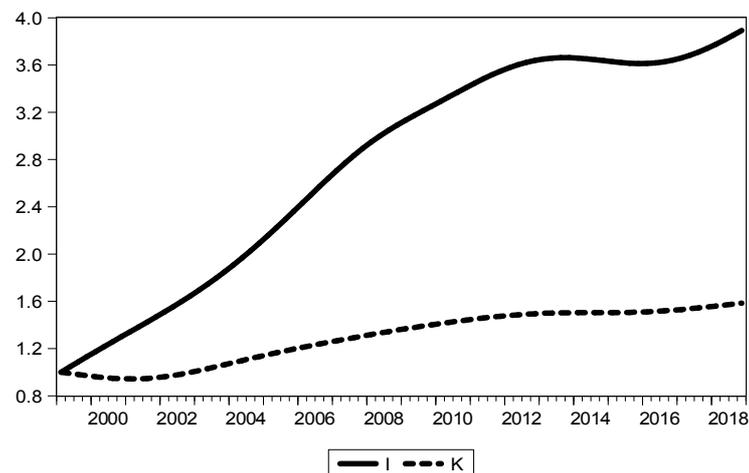


Рис. 17. Индексы инвестиций в основной капитал (I) и объема основного капитала (K) в неизменных ценах;
 $QI_{1999} = 1$; сглажено фильтром Ходрика – Прескотта, $\lambda = 1600^{48}$

⁴⁵ Источник: [10d], расчеты авторов.

⁴⁶ В неизменных ценах среднегодовой темп роста инвестиций в основной капитал на рис. 17 составляет 1,2 %, основного капитала – 1,1 %.

⁴⁷ Анализ причин низкой инвестиционной активности см. [6, с. 4–5, 32–33].

⁴⁸ Источник: [10: а, с], расчеты авторов.

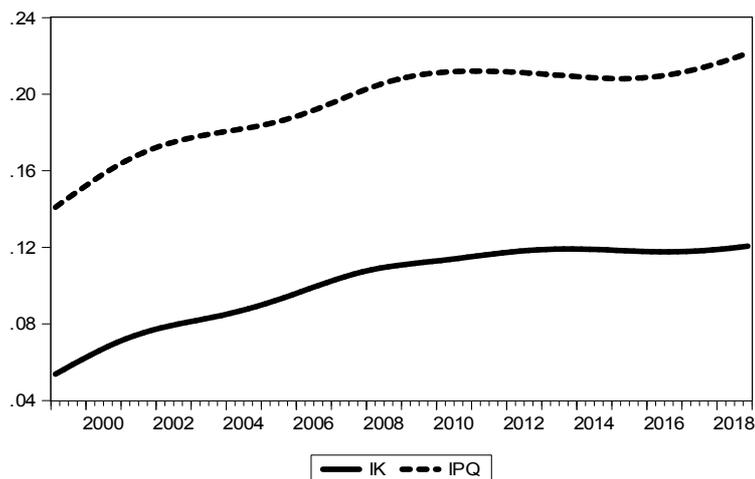


Рис. 18. Объем инвестиций по отношению к ВВП (IPQ) и к объему основного капитала (ИК); сглажено фильтром Ходрика – Прескотта, $\lambda = 1600^{49}$

По запасам *основного капитала* Россия заметно отстает от развитых экономик, но инвестирует примерно такую же долю ВВП, что грозит дальнейшим отставанием. Отметим, что желаемый уровень – 75 % ВВП, а проект Минэкономики – всего лишь 34 % к 2028 году [3, с. 64].

Однако следует заметить, что снижение инвестиций – глобальная тенденция. Всемирный банк называет такие факторы, как снижение ПИИ, ухудшение условий внешней торговли, замедление роста экономики Китая [3].

Если рассматривать динамику *совокупной факторной производительности*, то после 2013 года она также демонстрирует стагнацию (рис. 19)⁵⁰.

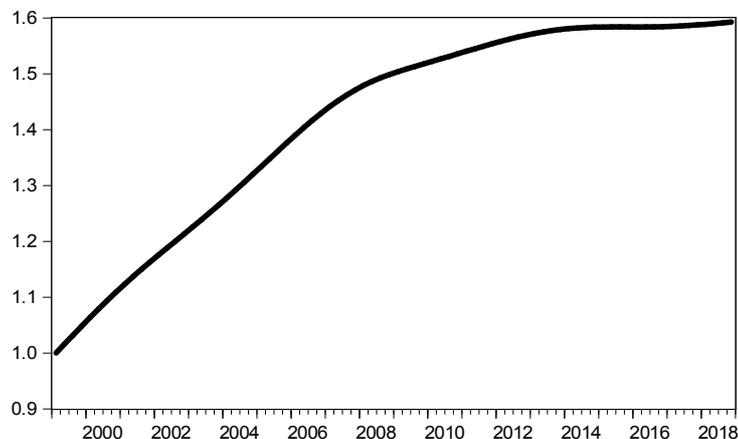


Рис. 19. Индекс совокупной факторной производительности, $QI\ 1999 = 1$; сглажено фильтром Ходрика – Прескотта, $\lambda = 1600^{51}$

Если до 2013 г. рост СФП мог быть объяснен постепенным увеличением загрузки мощностей, оставшихся от экономики СССР, структурными сдвигами в пользу более производительных отраслей и регионов⁵², то в последние годы роль

⁴⁹ Источник: [10: а, с], расчеты авторов.

⁵⁰ Возможно, это глобальные тенденции, Всемирный банк объясняет их старением населения, снижением удельного веса долгового финансирования и устареванием глобальных производственно-сбытовых цепочек (см.: [3]).

⁵¹ Источник: [10: а, с], расчеты авторов.

⁵² Подробнее об этом см.: [6, с. 3, 60–61].

этих факторов почти исчерпана, и необходимо искать новые факторы роста производительности. Санкции, отключение России от мировых рынков капитала и технологий не способствуют, конечно, ее росту⁵³.

Цифровая экономика

Главные источники роста инвестиций и совокупной факторной производительности в России лежат *за пределами экономической системы*. Мы говорили об этом ранее в наших докладах⁵⁴, и сейчас не будем подробно на них останавливаться.

Рассмотрим ту роль, которую может сыграть развитие *цифровой экономики*⁵⁵.

То, что Интернет способствует богатству народов, подтверждается многочисленными фактами и исследованиями⁵⁶.

Если же сфокусироваться на той роли, какую цифровые технологии могут сыграть непосредственно в повышении *эффективности бизнеса*, то следует выделить несколько важнейших аспектов.

1. Сокращение затрат на поиск *информации* (клиентов, покупателей, места работы или нужных товаров).

2. Устранение *информационной асимметрии*. Например, проверка кредитоспособности заемщика или партнера при заключении контрактов, или клиента при сдаче комнаты в аренду, или качества и цены товара⁵⁷.

3. Рост *эффективности* – замена рутинных и трудоемких операций. Примеры – онлайн-бронирование билетов, автоматические расчетные устройства вместо кассиров, управление запасами, онлайн государственные услуги⁵⁸.

4. *Инновации* – поисковые системы и платформы электронной торговли, цифровые платежные системы, электронные книги, потоковая музыка и социальные сети.

5. *Экономия на масштабах*: постоянные издержки на создание платформы могут быть велики, однако предельные издержки проведения очередной транзакции или присоединения очередного пользователя ничтожны. Тем самым создаются благоприятные условия для укрупнения компаний, использующих цифровые технологии.

6. «Эффект *сетевой выгоды*», когда выгоды покупателей растут по мере появления новых продавцов, и наоборот.

Цифровая экономика в России

Россия занимает первое место в Европе по числу пользователей фиксированного широкополосного Интернета⁵⁹. Более 60 % ее населения владеют смартфо-

⁵³ Как показывают исследования, для большинства стран иностранные источники технологий составляют 90 % роста производительности (см.: [15]).

⁵⁴ См.: [8, с. 19–21].

⁵⁵ То, что развитие Интернета, применение компьютеров и иных элементов цифровой экономики могут сыграть положительную роль в повышении СФП, показано в работах, посвященных экономике как развитых стран, так и России, в том числе в нашей работе по изучению СФП в регионах России (см.: [9, с. 6–32]). Такие показатели, как процент домашних хозяйств, имеющих персональный компьютер, и число активных абонентов Интернета на 100 человек населения, оказались среди самых сильных факторов, оказывавших положительное влияние на рост СФП региона.

⁵⁶ Индекс внедрения цифровых технологий довольно тесно коррелирует с ВВП на душу населения (см. об этом: [7]). По оценкам компании McKinsey, только интернет вещей будет приносить мировой экономике ежегодно от 4 до 11 трлн долл. до 2025 года (см.: [4; 13]).

⁵⁷ Компания Airbnb, основанная в 2008 году, предлагает количество вариантов аренды жилья, которое уже сейчас превышает общее предложение номеров трех крупнейших мировых сетей отелей, которые работают много десятилетий (см.: [4; 13]).

⁵⁸ По оценкам McKinsey, уже в ближайшие 20 лет до 50 % рабочих операций в мире могут быть автоматизированы, и по масштабам этот процесс будет сопоставим с промышленной революцией XVIII–XIX веков (см.: [13]).

нами, и этот показатель гораздо выше, чем в большинстве других стран с переходной экономикой. Всего за один год удвоилось число пользователей электронных государственных и муниципальных услуг, достигнув 40 млн человек⁶⁰.

По степени использования информационно-коммуникационных технологий для проведения транзакций *B2B* и *B2C* Россия находится на одном из лидирующих мест. Так, использование ИКТ в России для транзакций *B2C* (оценка ВЭФ по 7-балльной системе) оценивается в 5,3 балла, а для *B2B* этот показатель составляет 4,7 балла. По *B2C* мы отстаем только от США и Англии (они имеют одинаковую оценку 6,4 балла), по *B2B* – от США, Японии (5,8 и 5,9 баллов соответственно)[4].

За последние шесть лет объем *российского экспорта ИКТ* увеличился более чем в два раза и в 2017 г. превысил 8,5 млрд долларов США [4]. При этом несколько российских ИКТ-компаний вошли в число лидирующих игроков глобального рынка⁶¹.

По оценкам таких известных компаний, как McKinsey и Boston Consulting Group (BCG), удельный вес цифровой экономики в России будет стремительно расти в ближайшие пять лет, создавая миллионы новых рабочих мест с экономическим эффектом порядка 9 трлн руб.⁶²

Кроме того, по данным экспертов Всемирного банка, к 2025 г. в результате цифровой трансформации в стране могут быть созданы от 7 до 13 млн новых рабочих мест, связанных с цифровой экономикой, а потенциальные выгоды от роста производительности могут составить более 38 млрд долларов США [4, с. 46].

Для устранения существующих разрывов, препятствующих присоединению страны к мировым лидерам цифровой экономики, в июле 2017 г. в России была принята программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (с предполагаемым ежегодным бюджетом в размере 1,8 млрд долларов США на период до 2025 г.)⁶³.

Тем не менее по отдельным аспектам развития цифровой экономики мы еще отстаем от лидеров. Так, число промышленных *роботов* в России составляет менее 1% от общего числа промышленных роботов во всем мире [4, с. 36].

По данным McKinsey, в 2015 г. вклад цифровой экономики в ВВП России составлял лишь 3,9 %, тогда как в ЕС – 8,2 %, в Китае – 10 %, в США – 10,9 % [4, с. 43]. А в 2016 г. в рейтинге Международного Союза Электросвязи «Индекс развития ИКТ» Россия заняла лишь 43-е место, в рейтинге Всемирного экономического форума «Индекс сетевой готовности» 41-е место и 43-е место в рейтинге INSEAD «Глобальный инновационный индекс» [4, с. 36].

⁵⁹ В настоящее время 72,6 % российских домохозяйств используют широкополосный доступ в Интернет (см.: [4; 13]).

⁶⁰ В общем рейтинге электронного участия граждан, составленном Департаментом ООН по экономическим и социальным вопросам в 2016 г., Россия разделила 14-е место с четырьмя другими странами (см.: [4; 13]).

⁶¹ Среди них как известные компании, такие как Яндекс и Лаборатория Касперского, так и относительно новые компании в сфере ИКТ-услуг, автоматизации бизнес-процессов и обеспечения информационной безопасности (см.: [4]); почти половина программных продуктов, созданных российскими компаниями, экспортируется [6, с. 6].

⁶² В 2011–2012 гг. как компания McKinsey, так и компания Boston Consulting Group (BCG) оценили вклад Интернета на уровне 1–2 % в рост российской экономики. С 2011-го по 2015 г. ВВП России вырос на 7 %, а объем цифровой экономики – на 59 %, т. е. за эти пять лет на цифровую экономику пришлось 24 % роста ВВП ([13]). По оценкам компании McKinsey, к 2025 году экономический эффект от цифровой трансформации в России достигнет впечатляющего уровня – от 19 до 34 % ВВП (это от 4 до 9 трлн руб.). McKinsey ставит целевым показателем рост в 3,3 раза цифровой экономики России к 2025 г.; близкие оценки McKinsey дает для Китая и США [13].

⁶³ Программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: утверждена Распоряжением Правительства РФ № 1632 от 28 июля 2017 года. – URL: <http://government.ru/docs/28653>.

Слабое финансирование науки, недостаточные связи бизнеса с научным сообществом являются серьезным препятствием для развития цифровой экономики (табл. 11), да и экономики в целом.

Таблица 11

Удельный вес расходов на R&D в ВВП и доля бизнеса в расходах на R&D, %⁶⁴

Страна	Удельный вес расходов на R & D в ВВП	Доля бизнеса в расходах на R & D
Россия	1,13	26
Канада	1,61	45
Китай	2,09	75
Германия	2,88	66
Израиль	4,30	37

Заключение

Несмотря на очевидные успехи России в развитии цифровой экономики, было бы наивно думать, что переход на «цифру» сам по себе создаст условия для долгосрочного и устойчивого роста. Для этого необходимы социальные и экономические реформы.

Важнейшие среди них следующие.

1. Защита частной собственности.
2. Верховенство закона и независимость судебной власти.
3. Снижение концентрации рынков и усиление конкуренции.
4. Поощрение иностранных инвестиций.
5. Повышение финансирования науки, образования и здравоохранения.
6. Снижение общего уровня налогообложения⁶⁵.
7. Поддержка малого бизнеса и начинающих фирм (стартапов), а также венчурного капитала⁶⁶.

Лишь при проведении необходимых реформ «цифра», равно как и другие инновации, будет осуществляться «снизу», а не «сверху», став результатом интереса бизнеса и общества в целом к повышению эффективности⁶⁷.

⁶⁴ Источник данных: [4, с. 37].

⁶⁵ Например, относительно высокий общий уровень налогообложения препятствует развитию инноваций в бизнесе. Согласно докладу Всемирного экономического форума «Рейтинг глобальной конкурентоспособности: 2017–2018 годы», Россия заняла 101-е место по размеру общей налоговой ставки, составляющей 47,4 % (это сумма налогообложения организаций, состоящая из отчислений на налог на прибыль, % от прибыли), страховых взносов во внебюджетные фонды (% от прибыли), а также прочих налогов (% от прибыли). Для сравнения: в США общая налоговая ставка составляет 44 %, в Великобритании – 30,9 %, в Канаде – 21%.

В России по-прежнему ограничен доступ к новым технологиям, недостаточен уровень защиты прав на интеллектуальную собственность, уровень восприятия коррупции остается высоким, а независимость органов судебной власти считается низкой (см.: [4]).

⁶⁶ Согласно докладу Всемирного экономического форума «Рейтинг глобальной конкурентоспособности: 2016–2017 годы», в России также отмечается очень низкий уровень доступности венчурного капитала, в мировом рейтинге Россия располагается ниже 89-го места по этому показателю. Несмотря на общую поддержку государства, в России создается мало стартапов и инновационных предприятий при образовательных и научно-исследовательских институтах. Половина университетских стартапов не приносит дохода, и существующие доходы генерируются самими университетами, иницирующими их деятельность. По состоянию на 2015 г. общий объем инвестиций в стартапы, образованные университетами, составил в России всего лишь 9,8 млн долларов США, в то время как мировой объем инвестиций в этой области составлял 22 млрд долларов США (см.: [4]).

⁶⁷ Общая доля инновационной активности российских предприятий (доля предприятий, занимающихся инновационной деятельностью в отчетном году) в 2015 году составила 9,3 %, а технологические инновации были внедрены в 8,3 % организаций. Это значительно меньше, чем в развитых и большинстве развивающихся стран: в Швейцарии инновационную деятельность осуществляли 75,3 % предприятий (52,7 % внедряли инновационные технологии), в Бразилии – 73,1 %, в

Литература

1. Банк России : официальный сайт:
 - a. Денежно-кредитная и финансовая статистика // Банк России : официальный сайт. – 2019. – URL: <https://www.cbr.ru/statistics/?PrtId=dkfs>;
 - b. Статистика внешнего сектора // Банк России : официальный сайт. – 2019. – URL: <https://www.cbr.ru/statistics/?PrtId=svs>;
 - c. Ежемесячные значения на начало отчетной даты // Банк России : официальный сайт. – 2019. – URL: https://www.cbr.ru/hd_base/mrrf/mrrf_m/
2. Всемирный банк. Умеренные темпы роста экономики; в центре внимания – неформальный сектор : доклад об экономике России № 41 // Всемирный банк. – 10 июня 2019. – URL: <http://pubdocs.worldbank.org/en/908421560108417755/rer-41-russian.pdf>
3. Всемирный банк. Как сохранить стабильность, удвоить темпы роста и наполовину сократить бедность : доклад об экономике России № 40 // Всемирный банк. – 2018. – декабрь. – URL: <http://pubdocs.worldbank.org/en/970371543924414355/RER-40-Russian.pdf>
4. Всемирный банк. Умеренное продвижение вперед : доклад об экономике России № 39 // Всемирный банк. – 2018. – май. – URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/29913/127254RU.pdf?sequence=4&isAllowed=y>
5. Всемирный банк. Восстановление экономики России: насколько устойчивы признаки роста? : доклад об экономике России № 38 // Всемирный банк. – 2017. – ноябрь. – URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/28930/121802RU.pdf?sequence=8>
6. Всемирный банк. Российская Федерация, комплексное диагностическое исследование экономики: пути достижения всеобъемлющего роста // Всемирный банк. – 2016. – декабрь. – URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/477441484190095052/Russian-Federation-Systematic-country-diagnostic-Pathways-to-inclusive-growth>
7. Всемирный банк. Цифровые дивиденды : доклад о мировом развитии 2016 // Всемирный банк. – 2016. – URL: https://data.gov.ru/sites/default/files/presentation/vseirnnyu_bank_2016_god.pdf
8. Мицек С. А. От социализма к капитализму и обратно: вопросы теории, вопросы истории // Вестник Гуманитарного университета. – 2017. – № 2 (17). – С. 8–23.
9. Мицек С. А., Мицек Е. Б. Региональное развитие и совокупная факторная производительность в регионах России // Вестник Гуманитарного университета. – 2018. – № 4 (23). – С. 6–32.
10. Федеральная служба государственной статистики (Росстат) : официальный сайт. – 2019. – URL: <http://www.gks.ru/>:
 - a. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/#;
 - b. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/vvp-god/tab27.htm;
 - c. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise_fund;
 - d. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_01/Main.htm;
 - e. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise_economy/#;
 - f. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/ftrade/#;
 - g. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vnesh-t/exp-to.htm
11. Amiti M., David E. Weinstein Exports and financial shocks // The Quarterly Journal of Economics. – 2011. – Vol. 126, No. 4. – (November). – P. 1841–1877.
12. Aw B. Y., Roberts M. J., Yi Xu D. R&D Investment, Exporting, and Productivity Dynamics // American Economic Review. – 2011. – Vol. 101, No. 4. – (June). – P. 1312–1344.

Германии – 67 % (52,6 % внедряли инновационные технологии). По этому показателю Россия отстает от всех стран ЕС, за исключением Румынии (6,3 %).

По данным проекта «Глобальный мониторинг предпринимательства», в рейтинге «Индекс инновационности», который рассчитывается по доле предпринимателей, впервые выходящих на рынок с новыми продуктами и услугами, Россия, у которой этот показатель составляет 5,4% (намного ниже, чем у стран-лидеров), занимает предпоследнее место среди 64 государств, участвовавших в этом исследовании (см.: [4; 6, с. 6]).

13. Digital/McKinsey. Цифровая Россия: новая реальность. – Digital/McKinsey, 2017. – 133 с. – URL: <http://www.tadviser.ru/images/c/c2/Digital-Russia-report.pdf>
14. Hanson G. H. The Rise of Middle Kingdoms: Emerging Economies in Global Trade // *Journal of Economic Perspectives*. – 2012. – Vol. 26, No. 2. – Spring. – P. 41–64.
15. Keller W. International Technology Diffusion // *Journal of Economic Literature*. – 2004. – Vol. 42, No. 3. – (September). – P. 752–782.
16. Mitsek S. A. Econometric model of Russian Federation: analysis and forecasts for 2018–2019 // *IFAC-PapersOnLine*. – 2018. – Vol. 51, Issue 32. – P. 395–400.
17. Moll B. Productivity Losses from Financial Frictions: Can Self-Financing Undo Capital Misallocation? // *American Economic Review*. – 2014. – Vol. 104, No. 10. – (October). – P. 3186–3221.
18. UN Comtrade Database. – United Nations, 2019. – URL: <https://comtrade.un.org/data/>
19. World Bank. Commodity Price data. – World Bank, 2019. – URL: <http://www.worldbank.org/en/research/commodity-markets>

Sergey Aleksandrovich Mitsek,

Doctor of Economics, Associate Professor,

Head of Finance and Credit Chair,

Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg)

Elena Borisovna Mitsek,

Doctor of Economics, Professor of Management and Marketing Chair,

Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg)

The Economy of the Russian Federation in 2018:

Current Situation and Future Prospects

This article is devoted to the macroeconomic analysis of the Russian economy in 2018, which suggests that the increase in the growth rate of the country's economy is due to an increase in the volume of exports because of an increase in export prices.

The noted macroeconomic stability, as well as the growth of production, easing of monetary policy and the conservative fiscal policy of the country, were factors in increasing the positive balance of payments and achieving a budget surplus.

The main problems are the stagnation of aggregate productivity of factors of production and insufficient investment in fixed assets, which negatively affects the growth rate of the country's economy. The solution to these problems can serve as economic reforms and the development of the digital economy of Russia.

Keywords: Russian economy; economic growth; monetary policy; aggregate productivity; digital economy.

Основные результаты эконометрической модели экономики Российской Федерации в версии 2019 года

Статья излагает результаты очередной версии авторской эконометрической модели экономики России, параметры которой оценивались по квартальным данным 1999–2018 гг. Модель показывает продолжающуюся стагнацию совокупной факторной производительности, сильную зависимость экономики России от демографических и международных факторов, недостаточную эффективность фискальной и денежной политики. Модель также показала более сильную зависимость российской инфляции от фискальных, а не от денежных факторов и недостаток ликвидности как обстоятельства, сдерживающего инвестиции.

Полученный на основе модели прогноз экономики России на 2019–2022 гг. в базовом варианте показывает относительно низкие темпы роста ВВП (1–2 % в год) при невысокой инфляции (3–4 % в год). Заметное ускорение темпов роста возможно лишь при резком повышении экспортных цен, что маловероятно в ближайшем будущем. Поэтому основным упором экономической политики ближайших лет должно стать повышение совокупной факторной производительности за счет создания благоприятного инвестиционного климата и повышения вложений в науку и образование.

Ключевые слова: эконометрическая модель; макроэкономика; экономика России; импульсные мультипликаторы; прогнозы.

Введение

В настоящей работе дано краткое описание результатов авторской эконометрической модели, параметры уравнений которой были оценены в соответствии с новыми данными 2018 года. Целью авторов было выявить факторы, влияющие на экономический рост, инфляцию, экспорт и импорт и другие важнейшие показатели экономики России, а также дать количественную оценку этого влияния. Иными словами – понять, что определило изменение темпов роста ВВП, индексов цен, курса рубля, динамики инвестиций и т. д.

Другой задачей, стоящей перед авторами, было дать прогноз этих показателей на ближайшие годы. Такой прогноз позволит понять, какие изменения необходимо осуществить ради ускорения экономического роста и повышения благосостояния граждан России.

При разработке и оценивании модели нами были использованы результаты эконометрического моделирования по России, сделанные другими авторами [1; 2; 3; 4; 5], а также эконометрической модели Австрии [6].

Общее описание модели

Модель состоит из 24 уравнений и 63 тождеств, которые описывают отношения между 87 переменными. Среди них 12 экзогенных и 75 эндогенных переменных. В состав экзогенных переменных включены сальдо финансового счета платежного баланса, ключевая ставка Банка России, денежная база, численность экономически активного населения, индекс физического объема и дефлятор государственных закупок, долларовые индексы экспортных и импортных цен, ин-

* **Сергей Александрович Мицек**, д-р экон. наук, доцент, заведующий кафедрой финансов и кредита, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).
E-mail: sergey.mitsek@gmail.com

** **Елена Борисовна Мицек**, д-р экон. наук, профессор кафедры менеджмента и маркетинга, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).
E-mail: emitsek@mail.ru

декс физического объема ВВП стран – членов ОЭСР, индекс тарифов на грузовые перевозки и некоторые другие.

Эффективные ставки налогов и таможенных пошлин также задаются экзогенно.

С полным перечнем переменных модели можно ознакомиться в Приложении 1.

Все переменные модели могут быть сгруппированы в восемь блоков.

1. Социальный блок, который рассчитывает доходы граждан, включая уровень заработной платы, а также объем потребительских расходов домашних хозяйств.

2. Инвестиционный блок, определяющий инвестиции в основной капитал.

3. Производственный блок – включает макроэкономическую производственную функцию, определяющую объем ВВП, и уравнения динамики главных факторов производства, труда и основного капитала.

4. Ценовой блок рассчитывает различные индексы цен – индекс потребительских цен, дефлятор ВВП, дефлятор валового накопления основного капитала и некоторые другие показатели инфляции.

5. Денежный блок определяет денежную массу и процентные ставки.

6. Банковский блок включает в себя уравнения и тождества банковских депозитов и ссуд.

7. Блок государственных финансов описывает государственные доходы и расходы.

8. Внешнеэкономический блок определяет объемы экспорта и импорта, экспортные и импортные цены и курс доллара.

Список всех уравнений и тождеств модели в математической форме приведен в Приложении 2.

Эконометрические оценки параметров уравнений даны в Приложении 3.

Выборка и методы оценки параметров

Параметры модели оценивались по выборке из квартальных временных рядов с Q1 1999 по Q4 2018, т. е. по 80 наблюдениям.

Источниками статистических данных для нас послужили преимущественно сайт Федеральной службы государственной статистики (Росстат) [7], сайт Банка России [8] и сайт группы RIM Института народно-хозяйственного прогнозирования РАН [9].

Данные о ВВП стран – членов ОЭСР перенесены с сайта этой организации [10].

Методами оценки были «классические» OLS и ML-ARCH¹.

Все динамические ряды проверялись на стационарность с помощью критериев Dickey – Fuller. Для гарантии стационарности рядов оценивание осуществлялось на основе первых разностей². Все остатки проверялись на нормальность с помощью теста Jarque – Bera, автокорреляцию с помощью теста Breusch – Godfrey LM (для оценок OLS), гетероскедастичность с помощью теста Breusch – Pagan – Godfrey (для оценок OLS) и теста ARCH LM (для оценок ML-ARCH).

Окончательный выбор спецификации уравнения проводился в соответствии со следующими критериями:

1) уравнение имеет адекватные статистические свойства, в том числе наилучшее значение информационного критерия (мы ориентировались преимущественно на критерий Акайке);

2) оценки параметров уравнения согласуются с экономической теорией;

3) все независимые переменные уравнения статистически значимы;

4) включение уравнения в модель как систему уравнений демонстрирует наилучшие значения коэффициентов Тейла в пост-прогнозах, выполненных с помощью всей модели.

¹ Они подробно изложены, например, в работах: [11; 12; 13].

² Здесь мы опирались на рекомендацию, данную в работе: [14].

Среднее арифметическое значение коэффициента Тейла для всех эндогенных переменных модели равно 0,146, для 19 наиболее важных эндогенных переменных оно равно 0,098³.

Наиболее важные выводы на основе оцененных уравнений модели

На основе величин оцененных параметров уравнений рассчитывались эластичности зависимых переменных по независимым переменным. На основе их значений можно сделать следующие выводы.

1. Экономика России сохраняет сильную зависимость от трудовых ресурсов. С учетом низкой рождаемости и ограничений, накладываемых на иммиграцию, данный факт свидетельствует о серьезных препятствиях для экономического роста в будущем.

2. Совокупная факторная производительность не растет начиная с 2008 г. Данный факт свидетельствует об институциональных ограничениях на пути роста эффективности экономики и о недостаточных инвестициях в науку, образование и новые технологии.

3. Численность занятых (работников) зависит преимущественно от предложения труда (наличия экономически активного населения), а не от факторов спроса. С учетом выводов пункта 1, это является дополнительным предсказанием будущих препятствий для экономического роста.

4. Влияние монетарных факторов на цены незначительно. Это свидетельствует о низкой эффективности денежной политики как инструмента управления инфляцией. Возможно, здесь причина и в низкой монетизации экономики России.

5. Фискальные факторы имеют более сильное влияние на инфляцию, чем монетарные факторы. Следовательно, именно фискальная политика является более действенным фактором управления инфляцией в России в настоящее время.

6. Инвестиции в основной капитал в большой степени зависят от государственных инвестиций, а не от прибылей бизнеса и не от предельного дохода на основной капитал. Из этого следует, что политика государства в значительной степени определяет экономический рост.

7. Текущие государственные расходы оказывают сильное отрицательное влияние на инвестиции в основной капитал. Это значит, что государство должно меньше тратить на текущие нужды и больше инвестировать.

8. Ликвидность имеет сильное положительное влияние на инвестиции в основной капитал. Из этого пункта (как и из пункта 4) следует необходимость ослабления монетарной политики в целях стимулирования экономического роста.

9. Реальная средняя зарплата одного работника существенно зависит от предельной производительности труда. Это значит, что рыночные факторы и совокупная производительность, а не только политика государства определяют уровень средней заработной платы.

10. Внешнеэкономические факторы, такие как экспортные и импортные цены, обменный курс, объем ВВП стран ОЭСР, оказывают сильное влияние на макроэкономические переменные России. Иными словами, Россия сильно зависит от индикаторов мировой экономики.

11. Основным фактором, влияющим на величину российского экспорта, является мировой спрос, представленный в модели суммарным объемом ВВП стран – членов ОЭСР.

12. Ликвидность оказывает большое влияние на объем импорта в Россию. Иными словами, активная денежная политика способствует росту импорта.

13. Монетарные факторы и внутренний спрос оказывают растущее влияние на курс рубля, тогда как роль международных факторов снижается.

³ Обоснование коэффициента Тейла в работе: [15, p. 526–527].

Импульсные мультипликаторы

Поскольку модель является нелинейной, импульсные мультипликаторы рассчитывались следующим образом.

Сначала рассчитывался так называемый «нулевой прогноз» – прогнозный вариант на 2019–2022 гг., в котором значения всех экзогенных переменных приравнивались к их значениям за 2015–2018 гг.

Затем значение одной экзогенной переменной изменялось на 1 %, и модель рассчитывала изменения всех эндогенных переменных, связанных с этим изменением, по сравнению с «нулевым вариантом». Значения мультипликаторов усреднялись в расчете на четырехлетний период (2019–2022 гг.) (они показаны в таблицах в Приложении 4).

На основании величин импульсных мультипликаторов можно сделать следующие выводы.

1. Наиболее сильное влияние на макроэкономические переменные России оказывают следующие экзогенные переменные:

- численность экономически активного населения (демографический фактор);
- экспортные и импортные цены (внешнеэкономические факторы);
- косвенные налоги и государственные закупки (фискальные факторы);
- суммарный ВВП стран – членов ОЭСР (внешнеэкономический фактор).

Мультипликаторы прочих экзогенных переменных являются низкими, т. е. их влияние более слабое.

2. Затем все экзогенные переменные были нами сгруппированы в следующие пять групп:

- демографические факторы (сюда вошла только численность экономически активного населения);
- налоги (сюда вошли все налоги и таможенные пошлины; их величины, напомним, зависят в модели от экзогенно заданных значений эффективных ставок);
- фискальные факторы (государственные закупки и трансферты);
- монетарные факторы (денежная база, ключевая ставка, обязательства банков перед Банком России);
- внешнеэкономические факторы (экспортные и импортные цены, сальдо финансового счета платежного баланса, суммарный ВВП стран ОЭСР).

Затем *абсолютные значения* импульсных мультипликаторов были просуммированы по переменным, входящим в каждую группу. Суммировались абсолютные значения, поскольку знаки мультипликаторов могут быть как положительными, так и отрицательными, а суммирование положительных и отрицательных величин элиминирует их влияние. Нашей же задачей было оценить именно *абсолютное* влияние каждой группы экзогенных переменных на эндогенные переменные, независимо от знака.

3. После данной процедуры суммарное влияние каждой группы экзогенных переменных было ранжировано. Ранги выстроились следующим образом:

- 1) демографические факторы;
- 2) внешнеэкономические факторы;
- 3) фискальные факторы;
- 4) налоги;
- 5) монетарные факторы.

Иными словами, доминирующее влияние на эндогенные переменные оказывают демографические факторы, на втором месте факторы внешнеэкономические. Монетарные факторы являются наиболее слабыми. Следовательно, если говорить о «внешних воздействиях», которые и отражают экзогенные переменные, то Рос-

сия сильно зависит от демографии и от воздействия мировой экономики. В то же время эффективность монетарной политики является в целом низкой.

4. Тем не менее, если рассматривать не суммарное влияние, а влияние на отдельные переменные, следует указать, что мультипликаторы показывают сильное влияние монетарных факторов на инвестиции в основной капитал и одновременно слабое влияние на ценовые индикаторы. Такой результат может послужить аргументом в пользу ослабления денежной политики.

5. Аналогично налоги, хоть и оказывают в среднем слабое влияние на большинство макроэкономических переменных, оказывают, тем не менее, сильное влияние на процентные ставки, доходы граждан, потребительские расходы домашних хозяйств и инвестиции в основной капитал. Но их влияние на инфляцию в целом незначительно.

6. Фискальные факторы повышают процентные ставки и оказывают резкое и преимущественно отрицательное воздействие на большинство эндогенных переменных модели. Это аргумент в пользу смягчения и фискальной политики (снижения темпов роста государственных закупок и трансфертов).

7. Российская инфляция зависит в наибольшей степени от фискальных факторов и от экспортных цен – это еще один аргумент в пользу смягчения фискальной политики.

Прогнозы

Базовый (первый) вариант прогноза на период 2019–2022 гг.⁴ был выполнен при следующих предпосылках:

1) среднегодовые темпы роста таких экзогенных переменных, как долларové индексы экспортных и импортных цен, денежная база, обязательства банков перед Банком России, численность экономически активного населения и суммарный ВВП стран – членов ОЭСР, будут такими же, как и в 2015–2018 гг. в среднем.

2) сальдо финансового счета платежного баланса, эффективные налоговые ставки и ставки таможенных пошлин, а также отношение государственных расходов к ВВП будут теми же, что и в 2015–2018 гг. в среднем.

3) номинальная ставка МРОТ увеличивается ежегодно на 12 %, начиная с 2020 г. (отражая ее динамику последних лет).

4) ключевая ставка Банка России составит 7,25 % годовых на период 2020–2022 гг.

Результаты базового варианта прогноза более подробно изложены в Приложении 5. Здесь мы ограничимся их кратким изложением. В базовом варианте:

– среднегодовые темпы роста ВВП России на период 2019–2022 гг. составляют 1,7 %;

– среднегодовые темпы роста дефлятора ВВП составляют 3,0 %, а индекса потребительских цен – 4,1 %;

– темпы роста реальных доходов граждан в реальном исчислении довольно низкие – 0,8 % в год,

– инвестиции в основной капитал растут со среднегодовым темпом 2,3 % в год в реальном исчислении;

– динамика экспорта и импорта в реальном исчислении превышает динамику ВВП (4,3 % и 3,7 % соответственно); доля импорта в ВВП растет, доля экспорта примерно постоянна;

– обесценение рубля идет умеренными темпами – в среднем на 4,0 % в год.

Во *втором варианте* прогноза (см. Приложение 5) мы предположили, что экспортные цены (долларовый индекс) повышаются с *максимальными темпами*

⁴ Так как в уравнения модели включались лаги вплоть до 16-го, мы делали прогноз на 4 года, чтобы в нем реализовалось влияние всех лагов.

(из наблюдаемых когда-либо после 2000 г.) – в среднем на 16 % в год (такой рост имел место в 2004–2007 гг.), а динамика всех остальных экзогенных переменных соответствует первому варианту.

Во втором варианте динамика всех переменных значительно улучшается, но одновременно резко усиливается инфляция.

Другие варианты прогноза (также см. Приложение 5) не показывают столь значительных отличий от базового варианта, поэтому обсудим их лишь кратко.

1. Быстрый рост импортных цен (долларовый индекс) ухудшает динамику большинства переменных модели. Но и темпы роста импорта при этом заметно снижаются, что ослабляет влияние этого фактора.

2. Улучшение состояния финансового счета платежного баланса (нулевой отток капитала) не имеет сильного влияния на большинство переменных модели. Но инвестиции в основной капитал при этом увеличиваются значительно.

3. Снижение налоговых ставок имеет благоприятное влияние на большинство переменных, инфляция немного снижается. Но возникающий вследствие этого дефицит бюджета резко уменьшает инвестиции за счет государственных средств, что отрицательно сказывается на совокупном объеме инвестиций.

4. Агрессивная фискальная политика имеет преимущественно отрицательное, но не очень сильное влияние на большинство переменных.

5. Агрессивная денежная политика имеет положительное влияние на инвестиции в основной капитал и банковские кредиты бизнесу и гражданам, а инфляция при этом возрастает не слишком сильно. Но проведение такой политики влечет за собой значительный рост импорта.

Заключение

Модель и прогнозы показывают, что восстановление экономики России будет медленным. Исключением мог бы стать быстрый рост экспортных цен, но при опделении стратегии развития на него не стоит рассчитывать.

Основными причинами такого результата является стагнация совокупной факторной производительности, имевшая место в последние шесть лет и ожидаемый в будущем относительно низкий рост инвестиций в основной капитал, сильная зависимость экономики России от трудовых ресурсов и от импорта.

Постепенная отмена ограничительной денежной политики необходима для стимулирования инвестиций и поддержки экономического роста. Смягчение необходимо и в отношении фискальной политики. Но повышение эффективности обеих крайне необходимо для преодоления сложившихся негативных тенденций в экономике.

Снижение темпов роста рабочей силы, начавшееся тринадцать лет назад, ставит новые задачи перед экономикой и обществом России. Для поддержания высоких темпов экономического роста оно требует восстановления роста совокупной факторной производительности и инвестиций в основной капитал. А это, в свою очередь, требует как институциональных улучшений, поощряющих инвестиции и инновации, так и повышения финансирования науки, образования, технического прогресса и здравоохранения⁵. При этом важно снизить зависимость совокупного объема инвестиций от государственных вложений и, напротив, повысить роль собственной прибыли, банковских кредитов и фондового рынка. Для России также очень важен импорт передовых технологий⁶. Если нам не удастся это сделать, мы не преодолеем отмеченных выше слабостей нашей экономики и не сможем добиться существенного повышения жизненного уровня наших граждан.

⁵ По финансированию научных исследований как доли ВВП мы отстаем от развитых стран и Китая, см.: [16; 17, с. 37].

⁶ Это мировая тенденция, см.: [18].

Литература

1. Айвазян С. А., Бродский Б. Е. Макроэконометрическое моделирование: подходы, проблемы, пример эконометрической модели российской экономики // Прикладная эконометрика. – 2006. – № 2. – С. 85–111.
2. Айвазян С. А., Бродский Б. Е. и др. Макроэконометрическое моделирование экономики России и Армении. I. Особенности макроэкономической ситуации и теоретическое описание динамических моделей // Прикладная эконометрика. – 2013. – № 30 (2). – С. 3–25.
3. Айвазян С. А., Бродский Б. Е. и др. Макроэконометрическое моделирование экономики России и Армении. II. Агрегированные макроэконометрические модели национальных экономик России и Армении // Прикладная эконометрика. – 2013. – № 31 (3). – С. 7–31.
4. Benedictow A., Fjaertoft D., Lofsnaes O. Oil Dependency of the Russian Economy: an Econometric Analysis // Economic Modelling. – 2013. – Vol. 32. – P. 400–428.
5. Perifanis T., Dagoumas A. An Econometric Model for the Oil Dependence of the Russian Economy // International Journal of Energy Economics and Policy. – 2017. – Vol. 7 (4). – P. 7–13.
6. Schneider M., Leibrecht M. AQM-06: The Macroeconomic Model of the OeNB // Working Papers 132. Oesterreichische Nationalbank (Austrian Central Bank). – 2006. – URL: <https://ideas.repec.org/p/onb/oenbwp/132.html>
7. Федеральная служба государственной статистики (Росстат) : официальный сайт. – URL: www.gks.ru
8. Банк России : официальный сайт. – URL: www.cbr.ru
9. Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, группа RIM : официальный сайт. – URL: www.macroforecast.ru
10. Organization for Economic Cooperation and Development : official site. – URL: www.oecd.org.
11. Greene W. H. Econometric Analysis. – Upper Saddle River, NJ : Prentice Hall, 2008.
12. Johnston J., DiNardo J. Econometric Methods. – 4th ed. – McGraw Hill Higher Education, 1997.
13. Сток Дж., Уотсон М. Введение в эконометрику. – М. : РАНХиГС, 2015.
14. Hamilton J. D. Time Series Analysis. – Princeton : Princeton University Press, 1994. – 820 p.
15. Intriligator M. D., Bodkin R. G., Cheng Hsiao. Econometric Models, Techniques, and Applications. – Upper Saddle River, NJ : Prentice Hall, 1996.
16. Bloom N., Van Reenen J., Williams H. A Toolkit of Policies to Promote Innovation // Journal of Economic Perspectives. – 2019. – Vol. 33, No. 3. – Summer. – P. 163–184.
17. Всемирный банк. Умеренное продвижение вперед : доклад об экономике России № 39 // Всемирный банк. – 2018. – май. – URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/29913/127254RU.pdf?sequence=4&isAllowed=y>
18. Keller W. International Technology Diffusion // Journal of Economic Literature. – 2004. – Vol. 42, No. 3. – (Sep.). – P. 752–782.

ПОЛНЫЙ СПИСОК ПЕРЕМЕННЫХ МОДЕЛИ В АЛФАВИТНОМ ПОРЯДКЕ

Экзогенные переменные

САР: сальдо финансового счета платежного баланса

G: индекс физического объема государственных закупок

KEY: ключевая ставка Банка России

МВ: денежная база

MROT: минимальный размер оплаты труда (MROT)

N: численность экономически активного населения в возрасте 15–72 лет

NONTAX: неналоговые доходы бюджета

OECD: индекс физического объема ВВП стран-членов ОЭСР

PEXPД: долларовый индекс экспортных цен

РG: индекс цен на государственные закупки

PIMD: долларовый индекс импортных цен

TARIF: индекс тарифов на грузовые перевозки

Эндогенные переменные

AD: индекс совокупного спроса

AMORT: амортизация основных средств

СН: объем потребительских банковских кредитов

CONS: объем потребительских расходов домашних хозяйств в текущих ценах

СPI: индекс потребительских цен

CR: объем рублевых банковских кредитов компаниям

СТ: объем банковских кредитов компаниям, всего

CV: объем банковских кредитов компаниям в иностранной валюте

DEF: аппроксимация дефицита государственного бюджета

DEPCB: объем обязательств коммерческих банков перед Банком России

DEPF – все банковские депозиты организаций

DEPP – все банковские депозиты домашних хозяйств

DEPRF: объем банковских рублевых депозитов компаний

DEPRP: объем банковских рублевых депозитов домашних хозяйств

DEPRT: объем совокупных банковских рублевых депозитов

DEPT: величина совокупного объема банковских депозитов; **DEPVF:** объем банковских депозитов в иностранной валюте компаний

DEPVP: объем банковских валютных депозитов домашних хозяйств

DEPVT: объем совокупных банковских депозитов в иностранной валюте

DI: индекс цен валового накопления основного капитала

DOLLAR: индекс обменного курса рубля к доллару

EXPDUT: объем уплаченных экспортных пошлин в текущих ценах

EXPO: объем экспорта в текущих ценах

EXPOTT – объем экспорта в терминах условий торговли

GO: величина государственные закупки в текущих ценах

GOVEXP – государственные расходы

IN: валовое накопление основного капитала в текущих ценах

IB: инвестиции в основной капитал за счет банковских кредитов в текущих ценах

IG: инвестиции в основной капитал за счет средств государственного бюджета в текущих ценах

IMP: объем импорта в текущих ценах

IMPДUT: объем уплаченных импортных пошлины в текущих ценах

INCOME: совокупный чистый доход домашних хозяйств

С: индекс физического объема потребительских расходов домашних хозяйств

EXP: индекс физического объема экспорта

I: индекс физического объема валового накопления основного капитала
ID: индекс внутреннего спроса
IMP: индекс физического объема импорта
INTAX: величина уплаченных косвенных налогов в текущих ценах
IO: объем инвестиций в основной капитал за собственный счет компаний в текущих ценах
K: объем основного капитала в текущих ценах
L: численность занятых в экономике
M: объем денежной массы
MIACR: ставка процента на московском межбанковском рынке MIACR
NATTAХ – объем уплаченных налогов на использование природных ресурсов
NMPL: чистый предельный продукт труда
NMRK: чистый предельный доход на основной капитал
NROK: Объем чистой прибыли
NWL: Совокупная выплаченная заработная плата за вычетом налога на доходы физических лиц и взносов на социальное страхование (чистая зарплата)
NX: объем чистого экспорта
P: индекс дефлятора ВВП
PEN: индекс цен на приобретаемые топливно-энергетические ресурсы
PERTAX: уплаченный налог на доходы физических лиц
PEXP: рублевый индекс экспортных цен
PIM: рублевый индекс импортных цен
PQ: Объем ВВП в текущих ценах
PTAX: объем уплаченного налога на прибыль
Q: индекс физического объема ВВП
REV: совокупный объем государственных доходов
ROK: объем валовой прибыли
S: величина изменения запасов в экономике
SC – доля потребительских расходов в ВВП
SEXP: доля экспорта в ВВП
SEXPDUT: эффективная ставка экспортных пошлин
SG: доля государственных закупок в ВВП
SGOVEXP: отношение государственных расходов к ВВП
SI – удельный вес валового накопления основного капитала в ВВП
SIMP: доля импорта в ВВП
SIMPDUT – эффективная ставка импортных пошлин
SNWLIN: доля чистой заработной платы в совокупном чистом доходе домашних хозяйств
SNX – доля чистого экспорта в ВВП
SOCTAX: уплаченный объем социальных взносов
STRIN: доля социальных трансфертов в совокупном чистом доходе домашних хозяйств
STTAX: эффективная ставка корпоративных налогов
SW – удельный вес валовой заработной платы в ВВП
TRAN: объем государственных социальных трансфертов
TTAX: объем уплаченных совокупных корпоративных налогов
U: численность безработных
W: средняя валовая заработная плата одного занятого
WL: совокупная валовая заработная плата в экономике
ε_K: эластичность ВВП по основному капиталу
ε_L: эластичность ВВП по труду

**Символы специальных переменных и производных переменных,
используемых в распечатках результатов эконометрического оценивания
(в алфавитном порядке)**

(-k): лаг величиной k кварталов

CONST: константа

CPI после каждой переменной означает, что переменная дефлируется с помощью дефлятора CPI

D перед символом означает первую разность от этой переменной: $DVAR = VAR - VAR (-1)$

D после символа означает, что переменная дефлируется по курсу доллара

DI после каждой переменной означает, что переменная дефлируется с помощью дефлятора валового накопления основного капитала

DX_Y, где X и Y – числа: фиктивная переменная за год XY; эта переменная равна нулю для очков до этого года и 1 для этого года и после

DX_Y_HI, где X и Y и Z – числа: фиктивная переменная за год XY и полугодие I; эта переменная равна 1 за эти полгода этого года и 0 для всех остальных точек

DX_YZ, где X и Y и Z – числа: фиктивная переменная за год XY и квартал Z; эта переменная равна нулю для точек до этого года и квартала и 1 после

DX_Y_Z, где X и Y и Z – числа: фиктивная переменная за год XY и квартал Z; эта переменная равна 1 для этого квартала этого года и 0 для всех остальных точек

DX_Y_VAR, где X и Y и Z – числа, а VAR – название переменной: фиктивная переменная для года XY, умноженная на данную переменную

kVAR означает коэффициент пропорциональности, который определяет долю значения переменной, которая находится в левой части тождества, в значении другой переменной, которая находится в правой части тождества

K после переменной означает, что она умножается на K

L после переменной означает, что она делится на L

LADL = LN(AD/L); LN – символ натурального логарифма

LKL = LN(K/L);

LQL = LN(Q/L)

NMCT = NMRK × CT

NMN = NMRK × NROK

P после каждой переменной означает, что переменная дефлируется с помощью дефлятора ВВП

PEXP после каждой переменной означает, что переменная дефлируется с помощью индекса экспортных цен

PII после каждой переменной означает, что переменная дефлируется с помощью индекса импортных цен

RATE перед символом означает ежегодный темп роста переменной: $RATE_VAR = (VAR - VAR (-4)) / VAR (-4)$

S до символа означает долю этой переменной в ВВП

SNWLIN – доля чистой зарплаты в совокупных доходах;

STRIN – доля трансфертов в совокупных доходах;

T: временной тренд;

WC – зарплата, скорректированная на производительность труда

УРАВНЕНИЯ И ТОЖДЕСТВА МОДЕЛИ В ОБЩЕМ ВИДЕ

$$K = f_K(I, DI, PIMD, PEN, W, N, G, AMORT, PEXPD, AD, EXP, IMP, PQ, CT, TTAX, MB) \quad (1)$$

$$L = f_L(N, NMPL, W, P, EXP, IMP, PQ, G, MB, M, DI, TARIF, OECD, AD, CT) \quad (2)$$

$$Q = f_Q(K, L, DI, AD, EXP, IMP, PQ, GOVEXP, OECD, TARIF, P, PEN, CT) \quad (3)$$

$$P = f_P(PG, PEXPD, PIMD, DOLLAR, TARIF, M, S, DEF, W, Q, L, CAP, G, EXP, IMP, PQ, TTAX) \quad (4)$$

$$PQ = P \times Q \quad (5)$$

$$\varepsilon_K = \frac{\partial Q}{\partial K} \frac{K}{Q} \quad (6)$$

$$\varepsilon_L = \frac{\partial Q}{\partial L} \frac{L}{Q} \quad (7)$$

$$NMRK = \varepsilon_K \frac{PQ - INTAX - PTAX - NATTAX}{K} \quad (8)$$

$$NMPL = \varepsilon_L \frac{Q \times (1 - STTAX)}{L} \quad (9)$$

$$W = f_W(NMPL, G, EXP, IMP, PQ, MROT, P, N, CT, DI) \quad (10)$$

$$WL = W \times L \quad (11)$$

$$U = N - L \quad (12)$$

$$C = f_C(CPI, INCOME, WL, TRAN, G, IMP, EXP, PQ, KEY, DOLLAR) \quad (13)$$

$$INCOME = PQ - REV + TRAN \quad (14)$$

$$REV = INTAX + PTAX + NATTAX + PERTAX + SOCTAX \quad (15)$$

$$NWL = WL - PERTAX - SOCTAX \quad (16)$$

$$SNWLIN = NWL / INCOME \quad (17)$$

$$STRIN = TRAN / INCOME \quad (18)$$

$$CPI = f_{CPI}(P, PIM, DOLLAR, INTAX, PEXP, KEY) \quad (19)$$

$$CONS = C \times CPI \quad (20)$$

$$IN = IO + IG + IB \quad (21)$$

$$ROK = PQ - WL - INTAX \quad (22)$$

$$NROK = ROK - PTAX - NATTAX \quad (23)$$

$$IO = f_{IO}(NMRK, NROK, IG, DI, KEY, CAP, G, M, TARIF, CT) \quad (24)$$

$$IG = f_{IG}(REV, G, DI, TARIF, M, OECD, N, NMRK, NROK, CAP) \quad (25)$$

$$IB = f_{IB}(NMRK, CT, IO, IG, G, DI, PEN, TARIF, N, CAP, M, MIACR, Q, PEXPD, DOLLAR) \quad (26)$$

$$DI = f_{DI}(P, PIM, Q, K, IMPDUT, KEY, N, TTAX, TARIF, PEN, DOLLAR, NX, M) \quad (27)$$

$$I = IN / DI \quad (28)$$

$$DEPRP = f_{DEPRP}(INCOME, P, G, WL, G, M, MB, DOLLAR, CAP, N) \quad (29)$$

$$DEPRF = f_{DEPRF}(P, Q, DEPCB, DOLLAR, OECD, N, CT, MIACR) \quad (30)$$

$$DEPVP = f_{DEPVP}(P, INCOME, DOLLAR, WL, TRAN, M, KEY, G, CAP, N, CH, MIACR) \quad (31)$$

$$DEPVF = f_{DEPVF}(P, Q, EXP, PEXP, IMP, PIM, REV, PQ, DOLLAR, DEPRF, TRAN, CAP, KEY, DEPCB, G, N, CT) \quad (32)$$

$$DEPRT = DEPRP + DEPRF \quad (33)$$

$$DEPVT = DEPVP + DEPVF \quad (34)$$

$$DEPT = DEPRT + DEPVT \quad (35)$$

$$DEPP = DEPRP + DEPVP \quad (36)$$

$$DEPF = DEPRF + DEPVF \quad (37)$$

$$CR = f_{CR}(DEPR, Q, EXP, PEXP, IMP, PIM, P, G, I, DI, REV, PQ, KEY, DOLLAR, M, DEPCB, MIACR) \quad (38)$$

$$CV = f_{CV}(DEPV, DEPR, DOLLAR, P, IMP, PIM, G, DEPCB, OECD, KEY, N, CR, MIACR) \quad (39)$$

$$CT = CR + CV \quad (40)$$

$$CH = f_{CH}(DEP, P, KEY, MIACR, INCOME, WL, TRAN, DOLLAR, G, M) \quad (41)$$

$$DEPCB = k_{DEPCB}(CT + CH) \quad (42)$$

$$DOLLAR = f_{DOLLAR}(PEXPD, PIMD, M, CAP, Q, TTAX, PQ, OECD, CONS, MIACR, I, N, MB, P) \quad (43)$$

$$PEXP = PEXPD \times DOLLAR \quad (44)$$

$$PIM = PIMD \times DOLLAR \quad (45)$$

$$EXP = f_{IND_EXP}(OECD, PEXPD, PEXP, CAP, EXPDUT, PIMD, ID, M, G, PQ, IMP, TTAX) \quad (46)$$

$$EXPO = EXP \times PEXP \quad (47)$$

$$IMP = f_{IND_IMP}(EXP, ID, PEXP, PIM, M, MB, CAP, IMPDUT, N, OECD, TTAX, PQ, W) \quad (48)$$

$$IMPO = IMP \times PIM \quad (49)$$

$$NX = EXPO - IMPO \quad (50)$$

$$EXPDUT = k_{EXPDUT} \times EXPO \quad (51)$$

$$IMPDUT = k_{IMPDUT} \times IMPO \quad (52)$$

$$PTAX = k_{PTAX} \times ROK \quad (53)$$

$$INTAX = k_{INTAX} \times PQ \quad (54)$$

$$NATTAX = k_{NATTAX} \times PQ \quad (55)$$

$$TTAX = INTAX + PTAX + NATTAX \quad (56)$$

$$PERTAX = k_{PERTAX} \times (WL + NROK - SOCTAX) \quad (57)$$

$$SOCTAX = k_{SOCTAX} \times WL \quad \dots(58)$$

$$GO = G \times PG \quad \dots(59)$$

$$TRAN = k_{TRANSFER} \times PQ \quad \dots(60)$$

$$DEF = REV - G - TRAN \quad \dots(61)$$

$$M = f_M(MB, DOLLAR, P, DEFN, CAP, N, DEPCB, MIACR) \quad \dots(62)$$

$$PEN = f_{PEN}(DI, DOLLAR, PIMD, MB, TARIF, Q) \quad \dots(63)$$

$$S = PQ - CONS - IN - GO - NX \quad \dots(64)$$

$$SC = CONS / PQ \quad \dots(65)$$

$$SI / IN / PQ \quad \dots(66)$$

$$SG = GO / PQ \quad \dots(67)$$

$$SEXP = EXPO / PQ \quad \dots(68)$$

$$SIMP = IMPO / PQ \quad \dots(69)$$

$$SNX = NX / PQ \quad \dots(70)$$

$$AD = C^{SC} \times I^{SI} \times G^{SG} \times EXP^{SEXP} / IMP^{SIMP} \quad \dots(71)$$

$$ID = C^{CONS/(CONS+IN+GO)} \times I^{IN/(CONS+IN+GO)} \times G^{(CONS+IN+GO)} \quad \dots(72)$$

$$AMORT = 1 + \frac{4IO - K}{(DI / DI(-4)) \times K(-4)} \quad \dots(73)$$

$$LQL = LOG(Q / L) \quad \dots(74)$$

$$LKL = LOG(K / L) \quad \dots(75)$$

$$LADL = LOG(AD / L) \quad \dots(76)$$

$$GOVEXP = GO + TRAN \quad \dots(77)$$

$$SGOVEXP = GOVEXP / PQ \quad \dots(78)$$

$$WC = W / (Q / L) \quad \dots(79)$$

$$STTAX = TTAX / PQ \quad \dots(80)$$

$$NMN = (1 - STTAX) \times NMRK \times NROK \quad \dots(81)$$

$$NMCT = (1 - STTAX) \times NMRK \times CT \quad \dots(82)$$

$$SEXPDUT = EXPDUT / EXPO \quad \dots(83)$$

$$SIMPDUT = IMPDUT / IMP \quad \dots(84)$$

$$EXPOTT = (EXPO / PIM) \times (PEXP / PIM) \quad \dots(85)$$

$$SW = WL / PQ \quad \dots(86)$$

$$MIACR = f_{MIACR}(KEY, P, M, Q, CT, DEP, DEFN, IG, DEPCB, CAP, PEXPD, OECD, N, CONS, PQ, G, I, NX, TTAX) \quad \dots(87)$$

Приложение 3

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКОНОМЕТРИЧЕСКОГО ОЦЕНИВАНИЯ УРАВНЕНИЙ

УРАВНЕНИЕ 1
ОСНОВНОЙ КАПИТАЛ

Dependent Variable: DKDI
Method: ML - ARCH
Date: 07/27/19 Time: 17:40
Sample (adjusted): 2006Q1 2018Q4
Included observations: 52 after adjustments
Convergence achieved after 148 iterations
Bollerslev-Wooldridge robust standard errors & covariance
Presample variance: backcast (parameter = 0.7)
GARCH = C(38) + C(39)*RESID(-1)^2 + C(40)*GARCH(-1)

Variable	Coefficient	Std. Error	z-Statistic	Prob.
DKDI(-1)	0.388218	0.011547	33.62021	0.0000
DIDI(-3)	2.696062	0.062933	42.84043	0.0000
DPIMD(-10)	-197.4771	7.687915	-25.68669	0.0000
DPENDI	2905.089	55.82128	52.04268	0.0000
DPENDI(-8)	-2210.539	128.6011	-17.18911	0.0000
DPENDI(-13)	674.5631	57.70694	11.68946	0.0000
DWDI	305.7354	12.53755	24.38558	0.0000
DWDI(-7)	181.7441	6.011619	30.23214	0.0000
DN	-18.62530	2.405167	-7.743871	0.0000
DN(-3)	-12.96235	2.126939	-6.094368	0.0000
DN(-7)	36.75476	1.367478	26.87776	0.0000
DN(-10)	-21.11473	1.278942	-16.50953	0.0000
DGDI	1.835787	0.177287	10.35488	0.0000
DGDI(-15)	3.118847	0.143081	21.79771	0.0000
DAMORTKDI(-13)	0.085551	0.004510	18.96792	0.0000
DAMORTKDI(-16)	0.122431	0.006401	19.12837	0.0000
DPEXPD	-12.15673	1.769479	-6.870234	0.0000
DPEXPD(-9)	-73.68940	2.296431	-32.08866	0.0000
DPEXPD(-15)	85.59380	3.290399	26.01320	0.0000
DAD(-1)	286.4030	24.83640	11.53158	0.0000
DAD(-9)	-280.4046	11.00269	-25.48509	0.0000
DSEXP(-4)	1323.914	39.98144	33.11321	0.0000
DSEXP(-8)	1231.136	42.64670	28.86825	0.0000
DSEXP(-14)	86.54078	20.06686	4.312623	0.0000
DSIMP(-1)	1840.307	29.67009	62.02567	0.0000
DSIMP(-8)	150.9842	39.30759	3.841095	0.0001
DSIMP(-9)	2192.962	71.46412	30.68620	0.0000
DSIMP(-10)	419.6973	59.03924	7.108785	0.0000
DCTDI(-2)	0.222299	0.048520	4.581577	0.0000
DTTAXDI(-3)	-0.937095	0.043587	-21.49953	0.0000
DMBDI(-3)	-0.569979	0.036207	-15.74213	0.0000
DMBDI(-6)	0.350905	0.032550	10.78059	0.0000
DMBDI(-12)	0.582680	0.035237	16.53601	0.0000
D09	-22.10791	4.385863	-5.040720	0.0000
D10	38.18065	4.474792	8.532386	0.0000
D16	-48.30516	2.902352	-16.64345	0.0000
D18	38.86154	3.575535	10.86873	0.0000

Variance Equation

C	1.30E-06	5.83E-10	2232.425	0.0000
RESID(-1)^2	2.138052	0.584288	3.659240	0.0003
GARCH(-1)	0.040721	0.051467	0.791215	0.4288
<hr/>				
R-squared	0.997975	Mean dependent var	30.69330	
Adjusted R-squared	0.993116	S.D. dependent var	152.0521	
S.E. of regression	12.61568	Akaike info criterion	5.493996	
Sum squared resid	2387.331	Schwarz criterion	6.994953	
Log likelihood	-102.8439	Hannan-Quinn criter.	6.069427	
Durbin-Watson stat	2.439129			

УРАВНЕНИЕ 2
ЧИСЛЕННОСТЬ ЗАНЯТЫХ

Dependent Variable: DL
 Method: ML - ARCH
 Date: 06/25/19 Time: 15:21
 Sample (adjusted): 2006Q4 2018Q4
 Included observations: 49 after adjustments
 Convergence achieved after 85 iterations
 Bollerslev-Wooldridge robust standard errors & covariance
 Presample variance: backcast (parameter = 0.7)
 GARCH = C(27) + C(28)*RESID(-1)^2 + C(29)*GARCH(-1)

Variable	Coefficient	Std. Error	z-Statistic	Prob.
DN	1.496876	0.009137	163.8226	0.0000
DN(-2)	-0.090600	0.012118	-7.476573	0.0000
DN(-8)	-0.173898	0.017935	-9.695916	0.0000
DN(-12)	0.102711	0.009658	10.63458	0.0000
DNMPL(-1)	159.9446	7.718021	20.72353	0.0000
DWP(-9)	-0.467785	0.016100	-29.05437	0.0000
DWP(-16)	0.199333	0.028115	7.089828	0.0000
DSEXP(-9)	3.007416	0.338210	8.892143	0.0000
DSIMP(-7)	-5.748878	0.249567	-23.03539	0.0000
DSG(-8)	-8.917844	0.463956	-19.22131	0.0000
DMBDI(-7)	-0.002743	0.000166	-16.53073	0.0000
DMBDI(-12)	-0.004245	2.52E-06	-1687.716	0.0000
DMBDI(-15)	-0.004288	0.000201	-21.30655	0.0000
DMDI(-1)	0.004049	0.000107	37.69569	0.0000
DMDI(-5)	-0.002269	0.000122	-18.54383	0.0000
DTARIFP	-2.647291	0.045760	-57.85208	0.0000
DTARIFP(-8)	1.497488	0.107260	13.96135	0.0000
DTARIFP(-16)	1.582305	0.102768	15.39684	0.0000
DOECD(-6)	-8.992526	0.247230	-36.37313	0.0000
DOECD(-8)	3.260896	0.616612	5.288406	0.0000
DAD(-9)	0.994640	0.083182	11.95742	0.0000
DAD(-10)	-0.878717	0.066435	-13.22679	0.0000
DAD(-12)	0.277117	0.018226	15.20474	0.0000
DCTDI(-11)	0.001307	0.000168	7.792290	0.0000
D08	0.057986	0.005454	10.63185	0.0000
D18	-0.101186	0.006638	-15.24242	0.0000

Variance Equation

	C	Std. Error	z-Statistic	Prob.
C	-1.46E-06	8.98E-08	-16.26947	0.0000
RESID(-1)^2	1.540889	0.405830	3.796887	0.0001
GARCH(-1)	0.120244	0.079208	1.518087	0.1290

R-squared	0.994788	Mean dependent var	0.055673
Adjusted R-squared	0.989123	S.D. dependent var	1.071238
S.E. of regression	0.111721	Akaike info criterion	-2.724058
Sum squared resid	0.287078	Schwarz criterion	-1.604409
Log likelihood	95.73942	Hannan-Quinn criter.	-2.299265
Durbin-Watson stat	2.332204		

Dependent Variable: DLQL
 Method: ML - ARCH
 Date: 06/25/19 Time: 15:34
 Sample (adjusted): 2004Q2 2018Q4
 Included observations: 59 after adjustments
 Convergence achieved after 102 iterations
 Bollerslev-Wooldridge robust standard errors & covariance
 Presample variance: backcast (parameter = 0.7)
 GARCH = C(43) + C(44)*RESID(-1)^2 + C(45)*GARCH(-1)

Variable	Coefficient	Std. Error	z-Statistic	Prob.
DLQL(-3)	-0.275884	0.018346	-15.03800	0.0000
DLQL(-11)	-0.248930	0.018013	-13.81915	0.0000
DLKL	0.581944	0.015271	38.10704	0.0000
DLKL(-4)	-0.194071	0.022804	-8.510282	0.0000
DLKL(-11)	0.077319	0.013688	5.648702	0.0000
DDI(-1)	-0.020402	0.000487	-41.89552	0.0000
DDI(-7)	-0.016823	0.000553	-30.39523	0.0000
DDI(-10)	0.028016	0.000789	35.50486	0.0000
DD084_DI	-0.001706	5.29E-05	-32.22250	0.0000
DD084_DI(-1)	-0.002076	9.69E-05	-21.43034	0.0000
DD084_DI(-2)	-0.002575	0.000113	-22.77500	0.0000
DD084_DI(-5)	0.001813	0.000132	13.76612	0.0000
DD084_DI(-9)	-0.002541	0.000164	-15.49521	0.0000
DD084_DI(-10)	-0.001206	4.51E-05	-26.75958	0.0000
DLADL(-8)	0.230282	0.010223	22.52665	0.0000
DLADL(-11)	0.152973	0.007077	21.61458	0.0000
DLADL(-13)	0.096686	0.007736	12.49781	0.0000
DSEXP(-7)	0.227656	0.013374	17.02191	0.0000
DSEXP(-8)	0.189932	0.016967	11.19402	0.0000
DSIMP(-16)	0.149634	0.016904	8.852087	0.0000
DSGOVEXP(-2)	0.124369	0.026999	4.606412	0.0000
DSGOVEXP(-15)	0.297480	0.029388	10.12255	0.0000
DOECD(-2)	-0.695322	0.054034	-12.86821	0.0000
DOECD(-3)	0.829136	0.062625	13.23963	0.0000
DOECD(-7)	0.500238	0.054334	9.206649	0.0000
DOECD(-8)	-0.730035	0.072300	-10.09724	0.0000
DOECD(-12)	0.258506	0.026802	9.644876	0.0000
DOECD(-15)	-0.128633	0.027237	-4.722654	0.0000
DTARIFP(-3)	0.016373	0.003650	4.485569	0.0000
DTARIFP(-4)	0.023070	0.006794	3.395437	0.0007
DTARIFP(-7)	0.025764	0.003860	6.674888	0.0000
DTARIFP(-9)	-0.024950	0.003539	-7.049594	0.0000
DTARIFP(-13)	0.044209	0.002655	16.64816	0.0000
DPENP(-8)	0.060020	0.015646	3.836127	0.0001
DPENP(-11)	0.095857	0.010563	9.074357	0.0000
DPENP(-14)	0.060299	0.008037	7.502667	0.0000
DCTDI(-3)	9.80E-05	1.21E-05	8.108390	0.0000
DCTDI(-5)	-5.23E-05	1.13E-05	-4.629808	0.0000
DCTDI(-7)	3.90E-05	1.27E-05	3.064682	0.0022
DCTDI(-10)	2.25E-05	1.22E-05	1.843169	0.0653
DCTDI(-14)	-3.17E-05	1.03E-05	-3.075289	0.0021
DCTDI(-15)	2.97E-05	9.95E-06	2.987732	0.0028

Variance Equation				
C	3.96E-08	5.75E-08	0.687713	0.4916
RESID(-1)^2	0.167381	0.136134	1.229526	0.2189
GARCH(-1)	0.613599	0.171298	3.582049	0.0003
R-squared	0.998313	Mean dependent var	0.005585	
Adjusted R-squared	0.994244	S.D. dependent var	0.032992	
S.E. of regression	0.002503	Akaike info criterion	-9.712274	
Sum squared resid	0.000107	Schwarz criterion	-8.127712	
Log likelihood	331.5121	Hannan-Quinn criter.	-9.093725	
Durbin-Watson stat	3.073971			

Dependent Variable: RATE_P
 Method: ML - ARCH
 Date: 04/25/19 Time: 19:34
 Sample (adjusted): 2004Q1 2018Q4
 Included observations: 60 after adjustments
 Convergence achieved after 15 iterations
 Bollerslev-Wooldridge robust standard errors & covariance
 Presample variance: backcast (parameter = 0.7)
 GARCH = C(43) + C(44)*RESID(-1)^2 + C(45)*GARCH(-1)

Variable	Coefficient	Std. Error	z-Statistic	Prob.
RATE_P(-4)	-0.111290	0.015311	-7.268516	0.0000
RATE_P(-15)	-0.061639	0.011470	-5.373748	0.0000
RATE_PG	0.365374	0.016762	21.79763	0.0000
RATE_PEXPD	0.326984	0.004972	65.77031	0.0000
RATE_PEXPD(-1)	-0.119968	0.005005	-23.96735	0.0000
RATE_PIMD	-0.198338	0.006985	-28.39510	0.0000
RATE_PIMD(-1)	0.110276	0.009118	12.09378	0.0000
RATE_DOLLAR	0.153024	0.005168	29.61209	0.0000
RATE_TARIF(-10)	0.068206	0.005148	13.24827	0.0000
RATE_TARIF(-14)	0.026753	0.005040	5.307906	0.0000
RATE_M(-3)	0.052178	0.005529	9.436781	0.0000
RATE_DELTA(-14)	-1.01E-05	6.55E-07	-15.48536	0.0000
DELTA(-4)	-4.65E-06	4.97E-07	-9.346655	0.0000
RATE_DEFN(-11)	-0.001551	4.25E-05	-36.51560	0.0000
RATE_WC(-6)	0.310870	0.015909	19.53994	0.0000
RATE_WC(-13)	0.028671	0.010251	2.797053	0.0052
RATE_WC(-16)	-0.001001	0.010326	-0.096932	0.9228
RATE_Q(-9)	-0.277018	0.022503	-12.31024	0.0000
CAP	5.68E-08	1.77E-08	3.210275	0.0013
CAP(-2)	1.12E-07	1.51E-08	7.406619	0.0000
CAP(-11)	1.58E-07	1.65E-08	9.626407	0.0000
CAP(-12)	9.64E-08	1.31E-08	7.341267	0.0000
RATE_SG(-11)	0.104856	0.012987	8.073877	0.0000
RATE_SG(-12)	-0.043878	0.015118	-2.902402	0.0037
RATE_SEXP(-11)	0.020367	0.006991	2.913321	0.0036
RATE_SEXP(-15)	-0.033475	0.004744	-7.056003	0.0000
RATE_SIMP(-1)	0.027783	0.006685	4.155835	0.0000
RATE_SIMP(-6)	0.074403	0.007351	10.12178	0.0000
RATE_SIMP(-9)	-0.085445	0.009017	-9.476199	0.0000
RATE_SIMP(-14)	0.029036	0.009085	3.195915	0.0014
RATE_SIMP(-15)	0.058503	0.011244	5.202937	0.0000
RATE_STTAX(-1)	0.027484	0.004900	5.608949	0.0000
RATE_STTAX(-3)	0.051204	0.005500	9.310175	0.0000
RATE_STTAX(-4)	-0.017777	0.006416	-2.770736	0.0056
RATE_STTAX(-6)	0.006756	0.003517	1.920817	0.0548
RATE_STTAX(-7)	0.019179	0.003270	5.865811	0.0000
RATE_STTAX(-8)	-0.008137	0.004845	-1.679404	0.0931
RATE_STTAX(-11)	0.023172	0.005448	4.253632	0.0000
RATE_STTAX(-16)	0.007217	0.004237	1.703246	0.0885
D10	0.009101	0.001323	6.878203	0.0000
D14Q3	0.025383	0.002642	9.606175	0.0000

D15Q4	0.020669	0.001741	11.86849	0.0000
Variance Equation				
C	8.41E-07	7.50E-07	1.122588	0.2616
RESID(-1)^2	0.149996	0.167131	0.897477	0.3695
GARCH(-1)	0.600000	0.303962	1.973932	0.0484
R-squared	0.999248	Mean dependent var	0.111633	
Adjusted R-squared	0.997534	S.D. dependent var	0.063765	
S.E. of regression	0.003167	Akaike info criterion	-8.383494	
Sum squared resid	0.000181	Schwarz criterion	-6.812736	
Log likelihood	296.5048	Hannan-Quinn criter.	-7.769084	
Durbin-Watson stat	2.515388			

Dependent Variable: DWP
 Method: ML - ARCH
 Date: 07/10/19 Time: 14:26
 Sample (adjusted): 2004Q3 2018Q4
 Included observations: 58 after adjustments
 Convergence achieved after 21 iterations
 Bollerslev-Wooldridge robust standard errors & covariance
 Presample variance: backcast (parameter = 0.7)
 GARCH = C(44) + C(45)*RESID(-1)^2 + C(46)*GARCH(-1) +
 C(47)
 *DWP(-1)

Variable	Coefficient	Std. Error	z-Statistic	Prob.
DWP(-2)	-0.186930	0.011157	-16.75399	0.0000
DWP(-4)	0.727200	0.006785	107.1758	0.0000
DWP(-11)	-0.081884	0.010062	-8.137713	0.0000
DNMPL(-2)	82.08015	2.088860	39.29424	0.0000
DNMPL(-11)	50.18323	3.053437	16.43500	0.0000
DSG(-2)	-2.465985	0.117971	-20.90339	0.0000
DSG(-4)	-4.005436	0.105350	-38.02030	0.0000
DSG(-5)	-1.962467	0.146377	-13.40696	0.0000
DSG(-6)	-7.464054	0.162091	-46.04862	0.0000
DSG(-8)	-5.757821	0.169793	-33.91077	0.0000
DSEXP(-16)	2.531893	0.079798	31.72868	0.0000
DSIMP(-4)	-1.900778	0.141084	-13.47270	0.0000
DSIMP(-5)	-0.757517	0.149795	-5.057026	0.0000
DSIMP(-6)	-1.853560	0.098446	-18.82824	0.0000
DSIMP(-11)	-3.148342	0.084868	-37.09684	0.0000
DSIMP(-13)	-1.741830	0.101174	-17.21613	0.0000
DSIMP(-14)	-2.398727	0.075610	-31.72516	0.0000
DMROTP(-1)	-0.000537	4.16E-05	-12.90955	0.0000
DMROTP(-5)	0.001943	3.40E-05	57.07265	0.0000
DMROTP(-7)	0.000892	3.90E-05	22.87495	0.0000
DMROTP(-13)	0.000924	7.37E-07	1254.533	0.0000
DMROTP(-15)	-0.000464	6.01E-05	-7.717402	0.0000
DMROTP(-16)	0.002253	6.74E-07	3343.779	0.0000
DN(-3)	-0.045520	0.004483	-10.15459	0.0000
DN(-4)	0.081167	0.002435	33.32853	0.0000
DN(-6)	-0.022333	0.002560	-8.724222	0.0000
DN(-7)	0.105230	0.002551	41.25627	0.0000
DN(-8)	0.015850	0.003120	5.080332	0.0000
DN(-10)	0.012146	0.002992	4.059557	0.0000
DN(-11)	-0.022840	0.002310	-9.886130	0.0000
DN(-14)	-0.030159	0.003550	-8.496425	0.0000
DCTDI	0.000344	3.24E-05	10.61763	0.0000
DCTDI(-1)	0.000278	3.35E-05	8.320116	0.0000
DCTDI(-3)	-0.001582	3.90E-05	-40.52864	0.0000
DCTDI(-7)	0.001123	4.76E-05	23.56721	0.0000
DCTDI(-11)	0.000582	4.07E-05	14.30564	0.0000
DCTDI(-13)	-0.000478	5.14E-05	-9.308286	0.0000
DCTDI(-14)	0.000409	5.71E-05	7.162025	0.0000
DCTDI(-16)	-0.001038	0.000107	-9.701058	0.0000
D08	-0.026709	0.002317	-11.52705	0.0000
D13	0.023676	0.001920	12.33061	0.0000

D18	0.013229	0.004327	3.057413	0.0022
D05Q3	-0.056479	0.010377	-5.442770	0.0000
Variance Equation				
C	2.67E-07	1.18E-06	0.227454	0.8201
RESID(-1)^2	0.414414	0.177487	2.334901	0.0195
GARCH(-1)	0.607198	0.096929	6.264359	0.0000
DWP(-1)	-3.62E-06	9.68E-07	-3.736748	0.0002
R-squared	0.999885	Mean dependent var	0.027087	
Adjusted R-squared	0.999563	S.D. dependent var	0.689273	
S.E. of regression	0.014408	Akaike info criterion	-6.299332	
Sum squared resid	0.003114	Schwarz criterion	-4.629662	
Log likelihood	229.6806	Hannan-Quinn criter.	-5.648962	
Durbin-Watson stat	1.462175			

УРАВНЕНИЕ 13
ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЕ РАСХОДЫ ДОМАШНИХ ХОЗЯЙСТВ

Dependent Variable: DCONSCPI
 Method: ML - ARCH
 Date: 06/25/19 Time: 17:53
 Sample (adjusted): 2004Q2 2018Q4
 Included observations: 59 after adjustments
 Convergence achieved after 166 iterations
 Bollerslev-Wooldridge robust standard errors & covariance
 Presample variance: backcast (parameter = 0.7)
 GARCH = C(37) + C(38)*RESID(-1)^2 + C(39)*GARCH(-1)

Variable	Coefficient	Std. Error	z-Statistic	Prob.
DCONSCPI(-4)	0.355829	0.019426	18.31721	0.0000
DCONSCPI(-7)	-0.564476	0.030611	-18.44032	0.0000
DCONSCPI(-9)	-0.138521	0.015549	-8.908459	0.0000
DCONSCPI(-15)	0.392388	0.035600	11.02199	0.0000
DINCOMECP	0.299130	0.012009	24.90905	0.0000
DINCOMECP(-1)	0.108766	0.005984	18.17661	0.0000
DINCOMECP(-7)	0.166917	0.011992	13.91935	0.0000
DINCOMECP(-11)	0.148030	0.010867	13.62146	0.0000
DINCOMECP(-12)	0.182039	0.014176	12.84121	0.0000
DINCOMECP(-15)	-0.165023	0.013050	-12.64504	0.0000
DINCOMECP(-16)	-0.209591	0.016871	-12.42344	0.0000
DSWLNIN	108.6591	6.301706	17.24281	0.0000
DSTRIN(-1)	-82.69966	23.35578	-3.540864	0.0004
DSTRIN(-14)	-177.2525	13.14815	-13.48118	0.0000
DSG(-8)	-423.0434	45.85510	-9.225656	0.0000
DSG(-12)	371.5486	34.65000	10.72290	0.0000
DSG(-14)	339.1920	29.76592	11.39531	0.0000
DSG(-15)	-331.8285	35.76847	-9.277123	0.0000
DSIMP(-8)	-113.8538	26.62582	-4.276068	0.0000
DSIMP(-11)	210.1522	20.28630	10.35932	0.0000
DSIMP(-13)	-302.0922	28.28379	-10.68075	0.0000
DSIMP(-16)	13.38942	28.99191	0.461833	0.6442
DSEXP(-4)	-88.07328	14.06033	-6.263956	0.0000
DSEXP(-10)	110.3337	13.25316	8.325086	0.0000
DSEXP(-14)	-46.80148	10.67036	-4.386119	0.0000
DKEYCPI(-1)	-73.31705	8.614830	-8.510563	0.0000
DKEYCPI(-7)	93.64737	16.48418	5.681044	0.0000
DKEYCPI(-10)	-118.7580	10.16631	-11.68153	0.0000
DKEYCPI(-14)	-25.09344	9.442335	-2.657546	0.0079
DDOLLARCPI(-3)	44.17362	8.262369	5.346362	0.0000
DDOLLARCPI(-6)	-32.35615	11.56949	-2.796680	0.0052
DDOLLARCPI(-9)	-14.06991	7.240629	-1.943188	0.0520
DDOLLARCPI(-11)	-24.36673	6.628221	-3.676210	0.0002
DDOLLARCPI(-13)	10.68086	8.910036	1.198745	0.2306
DDOLLARCPI(-14)	22.21339	8.828547	2.516087	0.0119
DDOLLARCPI(-16)	-13.75404	5.743925	-2.394536	0.0166
Variance Equation				
C	0.000967	0.000844	1.144764	0.2523
RESID(-1)^2	0.019890	0.097658	0.203668	0.8386
GARCH(-1)	1.147362	0.125472	9.144350	0.0000

R-squared	0.998754	Mean dependent var	3.591572
Adjusted R-squared	0.996857	S.D. dependent var	59.87161
S.E. of regression	3.356335	Akaike info criterion	3.728964
Sum squared resid	259.0947	Schwarz criterion	5.102252
Log likelihood	-71.00445	Hannan-Quinn criter.	4.265040
Durbin-Watson stat	1.602614		

Dependent Variable: DCPI
 Method: ML - ARCH
 Date: 07/29/19 Time: 20:37
 Sample (adjusted): 2003Q2 2018Q4
 Included observations: 63 after adjustments
 Failure to improve Likelihood after 26 iterations
 Bollerslev-Wooldridge robust standard errors & covariance
 Presample variance: backcast (parameter = 0.7)
 GARCH = C(25) + C(26)*RESID(-1)^2 + C(27)*GARCH(-1)

Variable	Coefficient	Std. Error	z-Statistic	Prob.
DCPI(-4)	0.857031	0.012003	71.39997	0.0000
DP	0.077731	0.003523	22.06164	0.0000
DP(-3)	0.073125	0.007027	10.40621	0.0000
DPIM	0.134953	0.008673	15.56055	0.0000
DPIM(-1)	0.166000	0.012438	13.34578	0.0000
DPIM(-5)	-0.214234	0.009280	-23.08535	0.0000
DPIM(-6)	0.035217	0.005573	6.319074	0.0000
DPIM(-11)	-0.061850	0.010864	-5.693159	0.0000
DDOLLAR(-7)	0.209995	0.010578	19.85253	0.0000
DINTAXN(-10)	0.000582	4.08E-05	14.26403	0.0000
DINTAXN(-11)	0.000281	3.59E-05	7.823372	0.0000
DINTAXN(-12)	0.000566	4.96E-05	11.40274	0.0000
DINTAXN(-15)	-0.000166	5.03E-05	-3.305068	0.0009
DPEXP(-1)	0.102056	0.011121	9.176501	0.0000
DPEXP(-13)	0.047993	0.005927	8.097985	0.0000
DKEY(-3)	-2.599165	0.565924	-4.592778	0.0000
DKEY(-7)	3.561910	0.665962	5.348520	0.0000
DKEY(-8)	-4.113673	0.881177	-4.668385	0.0000
DKEY(-15)	-2.512247	0.828645	-3.031753	0.0024
C	-0.166088	0.024398	-6.807493	0.0000
D10	-0.212342	0.041493	-5.117486	0.0000
D11	0.282299	0.042887	6.582431	0.0000
D13	-0.173176	0.031760	-5.452650	0.0000
D18	0.212796	0.038631	5.508441	0.0000

Variance Equation

C	-0.000101	6.74E-05	-1.502456	0.1330
RESID(-1)^2	0.228287	0.102938	2.217724	0.0266
GARCH(-1)	0.778912	0.077574	10.04092	0.0000

R-squared	0.999301	Mean dependent var	0.414475
Adjusted R-squared	0.998889	S.D. dependent var	3.425378
S.E. of regression	0.114176	Akaike info criterion	-1.652894
Sum squared resid	0.508411	Schwarz criterion	-0.734408
Log likelihood	79.06616	Hannan-Quinn criter.	-1.291649
Durbin-Watson stat	2.396014		

УРАВНЕНИЕ 24

ИНВЕСТИЦИИ В ОСНОВНОЙ КАПИТАЛ ЗА СЧЕТ СОБСТВЕННЫХ СРЕДСТВ

Dependent Variable: DIODI
 Method: ML - ARCH
 Date: 06/25/19 Time: 19:26
 Sample (adjusted): 2004Q1 2018Q4
 Included observations: 60 after adjustments
 Convergence achieved after 151 iterations
 Bollerslev-Wooldridge robust standard errors & covariance
 Presample variance: backcast (parameter = 0.7)
 GARCH = C(36) + C(37)*RESID(-1)^2 + C(38)*GARCH(-1)

Variable	Coefficient	Std. Error	z-Statistic	Prob.
DIODI(-5)	-0.183995	0.015745	-11.68602	0.0000
DIODI(-9)	0.278157	0.018945	14.68199	0.0000
DIODI(-13)	-0.163631	0.009296	-17.60192	0.0000
DIODI(-16)	0.110555	0.013420	8.238272	0.0000
DNMNDI	0.265042	0.013219	20.05013	0.0000
DNMNDI(-1)	0.048507	0.014863	3.263670	0.0011
DNMNDI(-16)	-0.229329	0.007498	-30.58548	0.0000
DIGDI	1.474076	0.029884	49.32743	0.0000
DIGDI(-4)	0.518824	0.026960	19.24430	0.0000
DIGDI(-12)	0.504564	0.040039	12.60171	0.0000
DIGDI(-16)	0.572851	0.042602	13.44656	0.0000
DKEYDI	-34.38475	2.753441	-12.48792	0.0000
DKEYDI(-7)	-47.60860	2.102832	-22.64023	0.0000
CAP(-5)	-3.22E-05	2.50E-06	-12.89006	0.0000
CAP(-7)	2.31E-05	1.60E-06	14.44001	0.0000
CAP(-10)	-3.02E-05	3.33E-06	-9.070924	0.0000
DGDI(-3)	0.072215	0.020336	3.551159	0.0004
DGDI(-4)	-0.241749	0.026515	-9.117550	0.0000
DGDI(-13)	-0.124214	0.015649	-7.937435	0.0000
DGDI(-15)	-0.258597	0.017854	-14.48427	0.0000
DMDI(-2)	0.019387	0.001055	18.38450	0.0000
DMDI(-9)	0.017962	0.001769	10.15150	0.0000
DTARIFDI(-12)	-14.79670	1.101567	-13.43241	0.0000
DTARIFDI(-13)	-8.765875	1.000310	-8.763154	0.0000
DTARIFDI(-15)	-20.51043	0.840614	-24.39933	0.0000
DCTDI	-0.021623	0.002683	-8.058653	0.0000
DCTDI(-6)	-0.021260	0.002488	-8.546722	0.0000
DCTDI(-7)	-0.007384	0.001429	-5.168723	0.0000
DCTDI(-10)	0.011531	0.002896	3.981842	0.0001
DCTDI(-12)	0.018777	0.002143	8.761539	0.0000
DCTDI(-14)	0.017939	0.002418	7.419962	0.0000
D12	0.862643	0.093518	9.224315	0.0000
D15	-1.585401	0.138715	-11.42916	0.0000
D18	1.816029	0.141426	12.84083	0.0000
D06Q4	3.214327	0.275140	11.68250	0.0000

Variance Equation

	C	RESID(-1)^2	GARCH(-1)
C	2.34E-05	6.35E-05	0.369183
RESID(-1)^2	1.029956	0.321453	3.204065
GARCH(-1)	0.165481	0.084967	1.947606

R-squared 0.999833 Mean dependent var 1.333197

Adjusted R-squared	0.999606	S.D. dependent var	36.70669
S.E. of regression	0.728422	Akaike info criterion	1.548278
Sum squared resid	13.26496	Schwarz criterion	2.874697
Log likelihood	-8.448352	Hannan-Quinn criter.	2.067113
Durbin-Watson stat	1.200824		

УРАВНЕНИЕ 25

ИНВЕСТИЦИИ В ОСНОВНОЙ КАПИТАЛ ЗА СЧЕТ СРЕДСТВ
ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТА И ВНЕБЮДЖЕТНЫХ ФОНДОВ

Dependent Variable: DIGDI

Method: ML - ARCH

Date: 07/11/19 Time: 23:54

Sample (adjusted): 2004Q2 2018Q4

Included observations: 59 after adjustments

Convergence achieved after 20 iterations

Bollerslev-Wooldridge robust standard errors & covariance

Presample variance: backcast (parameter = 0.7)

GARCH = C(35) + C(36)*RESID(-1)^2 + C(37)*GARCH(-1)

Variable	Coefficient	Std. Error	z-Statistic	Prob.
DIGDI(-2)	-0.028337	0.010376	-2.730864	0.0063
DIGDI(-4)	0.153105	0.020881	7.332133	0.0000
DIGDI(-7)	-0.282937	0.022652	-12.49077	0.0000
DIGDI(-8)	0.703592	0.015192	46.31381	0.0000
DIGDI(-12)	-0.163864	0.020000	-8.193164	0.0000
DIGDI(-15)	0.156125	0.017585	8.878214	0.0000
DREVDI	0.053450	0.002587	20.66041	0.0000
DREVDI(-2)	0.007112	0.001746	4.072810	0.0000
DREVDI(-4)	0.009133	0.002210	4.133238	0.0000
DREVDI(-10)	-0.016742	0.002264	-7.393725	0.0000
DREVDI(-13)	0.020816	0.002203	9.449990	0.0000
DREVDI(-16)	0.019590	0.002056	9.530463	0.0000
DGDI(-4)	-0.295985	0.010637	-27.82585	0.0000
DGDI(-15)	0.185928	0.010547	17.62849	0.0000
DTARIFDI(-1)	3.225314	0.786681	4.099903	0.0000
DTARIFDI(-2)	-2.707094	0.617356	-4.384979	0.0000
DTARIFDI(-5)	2.941971	0.652954	4.505630	0.0000
DMDI(-3)	0.017864	0.001331	13.42644	0.0000
DMDI(-4)	0.020313	0.001631	12.45419	0.0000
DOECD(-1)	-51.15413	5.175155	-9.884560	0.0000
DOECD(-3)	-80.74890	5.731993	-14.08740	0.0000
DOECD(-4)	88.42873	5.683342	15.55928	0.0000
DOECD(-8)	-13.91963	4.996560	-2.785842	0.0053
DOECD(-10)	39.82025	4.792003	8.309729	0.0000
DN(-9)	-0.316116	0.082817	-3.817051	0.0001
DN(-12)	0.233871	0.080100	2.919745	0.0035
DN(-13)	-0.672446	0.075203	-8.941790	0.0000
DN(-15)	-0.949419	0.068274	-13.90601	0.0000
DNMNDI	0.072476	0.009090	7.973092	0.0000
DNMNDI(-9)	0.014024	0.006288	2.230067	0.0257
CAP(-1)	3.01E-06	9.91E-07	3.041993	0.0024
CAP(-2)	8.66E-06	8.03E-07	10.77797	0.0000
D08	-2.271553	0.113725	-19.97414	0.0000
D09	2.077074	0.120021	17.30594	0.0000

Variance Equation

	C	RESID(-1)^2	GARCH(-1)
C	0.022755	0.010176	2.236089
RESID(-1)^2	-0.147417	0.136702	-1.078381
GARCH(-1)	0.585374	0.414163	1.413390

R-squared 0.999644 Mean dependent var 0.337561

Adjusted R-squared	0.999174	S.D. dependent var	11.21774
S.E. of regression	0.322335	Akaike info criterion	0.793097
Sum squared resid	2.597504	Schwarz criterion	2.095960
Log likelihood	13.60363	Hannan-Quinn criter.	1.301682
Durbin-Watson stat	2.106071		

УРАВНЕНИЕ 26

ИНВЕСТИЦИИ В ОСНОВНОЙ КАПИТАЛ ЗА СЧЕТ БАНКОВСКИХ КРЕДИТОВ

Dependent Variable: DIBDI
 Method: ML - ARCH
 Date: 08/07/19 Time: 17:45
 Sample (adjusted): 2004Q3 2018Q4
 Included observations: 58 after adjustments
 Convergence achieved after 47 iterations
 Bollerslev-Wooldridge robust standard errors & covariance
 Presample variance: backcast (parameter = 0.7)
 GARCH = C(37) + C(38)*RESID(-1)^2 + C(39)*GARCH(-1)

Variable	Coefficient	Std. Error	z-Statistic	Prob.
DIBDI(-3)	-0.185637	0.012906	-14.38417	0.0000
DIBDI(-12)	0.193779	0.024050	8.057466	0.0000
DNMCTDI(-1)	0.139021	0.005347	25.99852	0.0000
DNMCTDI(-12)	0.125660	0.010299	12.20140	0.0000
DNMCTDI(-16)	-0.120087	0.017460	-6.877822	0.0000
DIGDI	0.429503	0.014803	29.01397	0.0000
DIGDI(-4)	0.052902	0.009693	5.457759	0.0000
DIGDI(-10)	-0.075538	0.014796	-5.105390	0.0000
DIGDI(-16)	-0.314545	0.030311	-10.37737	0.0000
DIODI(-5)	-0.153549	0.007429	-20.66927	0.0000
DGDI(-7)	-0.158340	0.012962	-12.21612	0.0000
DGDI(-16)	0.086759	0.017284	5.019477	0.0000
DPENDI(-8)	-25.49010	5.250782	-4.854534	0.0000
DTARIFDI(-4)	3.362994	0.564986	5.952353	0.0000
DTARIFDI(-10)	8.393671	0.791877	10.59972	0.0000
DN(-5)	0.336087	0.094885	3.542032	0.0004
DN(-9)	0.913727	0.092174	9.913064	0.0000
CAP(-1)	2.31E-05	2.84E-06	8.130442	0.0000
CAP(-7)	-2.09E-05	2.84E-06	-7.356064	0.0000
DMDI(-6)	0.020769	0.001157	17.94341	0.0000
DMDI(-7)	0.022374	0.002213	10.11120	0.0000
DMDI(-14)	-0.028768	0.002660	-10.81563	0.0000
DMIACRDI(-15)	-9.047183	1.274216	-7.100194	0.0000
DQ(-3)	-11.28252	2.074345	-5.439076	0.0000
DPEXPD(-6)	-2.286822	0.182769	-12.51208	0.0000
DPEXPD(-11)	-1.849803	0.230750	-8.016484	0.0000
DPEXPD(-15)	-1.280270	0.183545	-6.975222	0.0000
DDOLLARDI(-7)	6.843994	2.063403	3.316848	0.0009
DDOLLARDI(-11)	-8.540974	2.929862	-2.915145	0.0036
DDOLLARDI(-14)	-6.324359	1.063979	-5.944062	0.0000
D09	0.746463	0.183350	4.071240	0.0000
D10	-0.754627	0.235345	-3.206467	0.0013
D12	0.591998	0.181141	3.268160	0.0011
D14	-0.296769	0.227210	-1.306141	0.1915
D15	-0.446053	0.193801	-2.301597	0.0214
D18	-0.341680	0.157354	-2.171407	0.0299
Variance Equation				
C	2.32E-05	2.52E-05	0.919276	0.3580
RESID(-1)^2	0.677496	0.270639	2.503319	0.0123
GARCH(-1)	0.393748	0.115785	3.400683	0.0007

R-squared	0.999159	Mean dependent var	0.342405
Adjusted R-squared	0.997820	S.D. dependent var	8.210012
S.E. of regression	0.383350	Akaike info criterion	0.228804
Sum squared resid	3.233060	Schwarz criterion	1.614274
Log likelihood	32.36468	Hannan-Quinn criter.	0.768473
Durbin-Watson stat	2.027256		

ДЕФЛЯТОР ВАЛОВОГО НАКОПЛЕНИЯ ОСНОВНОГО КАПИТАЛА

Dependent Variable: DDI

Method: ML - ARCH

Date: 09/05/19 Time: 14:50

Sample (adjusted): 2001Q4 2018Q4

Included observations: 69 after adjustments

Convergence achieved after 22 iterations

Bollerslev-Wooldridge robust standard errors & covariance

Presample variance: backcast (parameter = 0.7)

GARCH = C(33) + C(34)*RESID(-1)^2 + C(35)*GARCH(-1)

Variable	Coefficient	Std. Error	z-Statistic	Prob.
DDI(-4)	0.408404	0.035553	11.48720	0.0000
DDI(-6)	-0.492168	0.031143	-15.80359	0.0000
DP	0.162777	0.012094	13.45964	0.0000
DP(-9)	0.232967	0.015592	14.94122	0.0000
DP(-10)	0.117286	0.016431	7.137954	0.0000
DP(-15)	0.257076	0.021367	12.03167	0.0000
DPIM	0.237476	0.018274	12.99507	0.0000
DPIM(-2)	0.229505	0.013607	16.86711	0.0000
DPIM(-10)	0.178582	0.016118	11.07967	0.0000
DPIM(-12)	-0.121320	0.013361	-9.080228	0.0000
DQK(-1)	6.523647	0.438602	14.87372	0.0000
DQK(-8)	5.792242	0.629474	9.201721	0.0000
DSIMPDUT(-2)	10.03254	0.918909	10.91788	0.0000
DSIMPDUT(-6)	5.178351	1.009467	5.129785	0.0000
DKEY(-4)	-5.103392	0.880810	-5.793978	0.0000
DN(-4)	-0.286605	0.038861	-7.375171	0.0000
DSTTAX(-9)	5.312202	0.507343	10.47063	0.0000
DSTTAX(-10)	1.380303	0.442136	3.121898	0.0018
DTARIF(-8)	0.122707	0.014320	8.568677	0.0000
DTARIF(-15)	-0.052140	0.010972	-4.752103	0.0000
DPEN(-5)	0.326996	0.073184	4.468156	0.0000
DPEN(-8)	-0.831622	0.052153	-15.94581	0.0000
DDOLLAR	-0.143158	0.020286	-7.057156	0.0000
DDOLLAR(-1)	0.178731	0.022186	8.056057	0.0000
DNX(-6)	-0.000249	4.30E-05	-5.795397	0.0000
DNX(-15)	0.000315	9.71E-05	3.241182	0.0012
DM(-7)	9.92E-05	2.27E-05	4.362558	0.0000
DM(-11)	0.000173	2.34E-05	7.391994	0.0000
D07	0.101802	0.034522	2.948871	0.0032
D13	-0.211525	0.039416	-5.366504	0.0000
D15	0.282879	0.041065	6.888607	0.0000
D16	-0.172968	0.069478	-2.489524	0.0128

Variance Equation

	C	Std. Error	z-Statistic	Prob.
C	0.009417	0.000745	12.63230	0.0000
RESID(-1)^2	-0.119621	0.097362	-1.228624	0.2192
GARCH(-1)	-0.492597	0.272419	-1.808231	0.0706

R-squared	0.994910	Mean dependent var	0.527786
Adjusted R-squared	0.990646	S.D. dependent var	1.089837
S.E. of regression	0.105407	Akaike info criterion	-1.374055
Sum squared resid	0.411091	Schwarz criterion	-0.240813

Log likelihood	82.40491	Hannan-Quinn criter.	-0.924460
Durbin-Watson stat	1.951424		

УРАВНЕНИЕ 29

РУБЛЕВЫЕ БАНКОВСКИЕ ДЕПОЗИТЫ ДОМАШНИХ ХОЗЯЙСТВ

Dependent Variable: DDEPRPP

Method: Least Squares

Date: 07/13/19 Time: 15:53

Sample (adjusted): 2005Q4 2018Q4

Included observations: 53 after adjustments

White heteroskedasticity-consistent standard errors & covariance

Variable	Coefficient	Std. Error	t-Statistic	Prob.
DDEPRPP(-1)	0.368714	0.005501	67.02764	0.0002
DDEPRPP(-6)	-0.222768	0.002103	-105.9259	0.0001
DDEPRPP(-15)	0.053435	0.003462	15.43418	0.0042
DINCOMEP(-6)	0.113252	0.001851	61.19361	0.0003
DINCOMEP(-8)	0.051046	0.002711	18.83147	0.0028
DINCOMEP(-9)	0.146408	0.002153	68.01399	0.0002
DINCOMEP(-11)	0.288713	0.001666	173.2626	0.0000
DINCOMEP(-12)	0.341259	0.002361	144.5183	0.0000
DINCOMEP(-13)	-0.098255	0.002353	-41.76363	0.0006
DINCOMEP(-15)	-0.086104	0.002470	-34.85603	0.0008
DSNWLIN(-1)	-68.13728	2.669493	-25.52443	0.0015
DSNWLIN(-3)	38.33282	1.158368	33.09209	0.0009
DSNWLIN(-5)	-31.39422	0.995557	-31.53432	0.0010
DGP(-1)	-1.235316	0.010183	-121.3140	0.0001
DGP(-4)	0.303480	0.009351	32.45524	0.0009
DGP(-10)	0.129980	0.012583	10.33021	0.0092
DGP(-14)	0.649560	0.016217	40.05466	0.0006
DGP(-15)	1.194673	0.007519	158.8897	0.0000
DMP	0.145050	0.001327	109.3466	0.0001
DMP(-1)	0.015610	0.001513	10.31826	0.0093
DMP(-2)	0.038231	0.001877	20.36699	0.0024
DMP(-3)	-0.054350	0.001379	-39.41799	0.0006
DMP(-6)	0.152341	0.001513	100.6994	0.0001
DMP(-8)	0.048426	0.001863	25.98999	0.0015
DMP(-9)	0.104088	0.000689	150.9940	0.0000
DMP(-10)	-0.133778	0.001329	-100.6662	0.0001
DMP(-12)	0.064165	0.001327	48.34320	0.0004
DMP(-15)	0.031299	0.001168	26.79009	0.0014
DMP(-16)	-0.016246	0.001334	-12.18050	0.0067
DMBP(-11)	0.197910	0.002275	86.97558	0.0001
DDOLLARP	167.7620	1.139795	147.1861	0.0000
DDOLLARP(-2)	17.00822	1.653266	10.28765	0.0093
DDOLLARP(-3)	-20.03388	2.300718	-8.707663	0.0129
DDOLLARP(-5)	67.81996	1.096475	61.85273	0.0003
DDOLLARP(-6)	4.145290	1.807159	2.293816	0.1488
DDOLLARP(-7)	7.661223	1.134355	6.753814	0.0212
DDOLLARP(-9)	7.131820	0.891590	7.998990	0.0153
DDOLLARP(-10)	-3.601912	0.849017	-4.242451	0.0513
DDOLLARP(-14)	67.31083	0.954883	70.49120	0.0002
DDOLLARP(-16)	-93.57343	0.884345	-105.8110	0.0001
CAP	5.58E-06	1.48E-06	3.770821	0.0637
CAP(-1)	0.000235	1.65E-06	142.4760	0.0000
CAP(-2)	-6.03E-06	2.32E-06	-2.593373	0.1221
CAP(-4)	-1.29E-05	2.81E-06	-4.579908	0.0445
CAP(-6)	-1.39E-05	3.05E-06	-4.573040	0.0446

CAP(-8)	-0.000106	1.99E-06	-53.15691	0.0004
CAP(-12)	-0.000129	1.93E-06	-66.52671	0.0002
DN(-6)	-6.406451	0.088675	-72.24671	0.0002
D07	-3.450549	0.049996	-69.01606	0.0002
D14	-4.874740	0.119595	-40.76052	0.0006
D15	4.861544	0.104440	46.54871	0.0005
<hr/>				
R-squared	1.000000	Mean dependent var	7.297596	
Adjusted R-squared	0.999999	S.D. dependent var	54.99670	
S.E. of regression	0.062506	Akaike info criterion	-4.059739	
Sum squared resid	0.007814	Schwarz criterion	-2.163798	
Log likelihood	158.5831	Hannan-Quinn criter.	-3.330652	
Durbin-Watson stat	1.570709			

УРАВНЕНИЕ 30
РУБЛЕВЫЕ БАНКОВСКИЕ ДЕПОЗИТЫ ОРГАНИЗАЦИЙ

Dependent Variable: DDEPRFP
Method: ML - ARCH
Date: 09/02/19 Time: 22:30
Sample (adjusted): 2006Q4 2018Q4
Included observations: 49 after adjustments
Convergence achieved after 47 iterations
Presample variance: backcast (parameter = 0.7)
GARCH = C(39) + C(40)*RESID(-1)^2 + C(41)*GARCH(-1)

Variable	Coefficient	Std. Error	z-Statistic	Prob.
DDEPRFP(-7)	-0.226525	0.035050	-6.462917	0.0000
DMBP(-2)	-0.246132	0.052975	-4.646183	0.0000
DMBP(-4)	0.922600	0.161603	5.709047	0.0000
DMBP(-6)	0.272907	0.045273	6.028080	0.0000
DMBP(-7)	0.322505	0.038149	8.453799	0.0000
DMBP(-13)	0.711499	0.135415	5.254212	0.0000
DMBP(-15)	0.138501	0.061246	2.261384	0.0237
DMP	0.076612	0.036841	2.079522	0.0376
DMP(-8)	0.183807	0.049359	3.723893	0.0002
DN(-8)	-19.33423	3.636522	-5.316683	0.0000
DN(-9)	-27.27276	2.866554	-9.514128	0.0000
DQ(-1)	102.2057	40.04642	2.552182	0.0107
DQ(-16)	-215.5946	28.67107	-7.519587	0.0000
DDOLLARP(-3)	-254.9327	32.92230	-7.743467	0.0000
DDOLLARP(-13)	245.2317	57.99920	4.228191	0.0000
DDOLLARP(-16)	-216.8718	30.77941	-7.046003	0.0000
DTRANP(-3)	0.775094	0.232717	3.330634	0.0009
DTRANP(-5)	-0.974398	0.152309	-6.397494	0.0000
DTRANP(-13)	-1.790928	0.236451	-7.574200	0.0000
DOECD(-10)	380.9387	122.8988	3.099613	0.0019
DDEPCBP	-0.125811	0.059055	-2.130428	0.0331
DDEPCBP(-16)	0.128258	0.031816	4.031237	0.0001
DCTP(-4)	0.302882	0.031246	9.693400	0.0000
DCTP(-13)	0.159816	0.044822	3.565560	0.0004
DMIACRP(-6)	76.69271	49.26734	1.556664	0.1196
DGP(-4)	-0.869971	0.238810	-3.642942	0.0003
DGP(-8)	-1.199900	0.312194	-3.843437	0.0001
DGP(-9)	-1.107440	0.175202	-6.320925	0.0000
DGP(-12)	1.549745	0.229410	6.755345	0.0000
DPEXPD(-5)	-7.299440	6.319081	-1.155143	0.2480
DPEXPD(-15)	16.94546	3.903261	4.341359	0.0000
DPIMD(-3)	28.40283	17.81473	1.594345	0.1109
DPIMD(-6)	-27.03900	15.67405	-1.725081	0.0845
DPIMD(-7)	19.17447	10.46709	1.831881	0.0670
DPIMD(-8)	10.31088	11.36836	0.906980	0.3644
DPIMD(-13)	20.50915	12.39156	1.655090	0.0979
DPIMD(-14)	22.36405	12.11363	1.846189	0.0649
D18	2.754523	15.75743	0.174808	0.8612

Variance Equation

	C	RESID(-1)^2	GARCH(-1)
C	0.001136	0.084521	0.013441
RESID(-1)^2	1.549608	1.631161	0.950003
GARCH(-1)	-0.029100	1.598213	-0.018208

R-squared	0.999075	Mean dependent var	8.368601
Adjusted R-squared	0.995963	S.D. dependent var	62.35920
S.E. of regression	3.962346	Akaike info criterion	4.155442
Sum squared resid	172.7021	Schwarz criterion	5.738394
Log likelihood	-60.80834	Hannan-Quinn criter.	4.756012
Durbin-Watson stat	1.995760		

УРАВНЕНИЕ 31

БАНКОВСКИЕ ДЕПОЗИТЫ ДОМАШНИХ ХОЗЯЙСТВ В ИНОСТРАННОЙ ВАЛЮТЕ

Dependent Variable: DDEPVPP
 Method: ML - ARCH
 Date: 06/29/19 Time: 15:26
 Sample (adjusted): 2004Q3 2018Q4
 Included observations: 58 after adjustments
 Convergence achieved after 68 iterations
 Presample variance: backcast (parameter = 0.7)
 GARCH = C(48) + C(49)*RESID(-1)^2 + C(50)*GARCH(-1)

Variable	Coefficient	Std. Error	z-Statistic	Prob.
DDEPVPP(-1)	0.049412	0.014347	3.444171	0.0006
DDEPVPP(-6)	-0.187375	0.016556	-11.31791	0.0000
DINCOMEP(-2)	0.038944	0.002593	15.02047	0.0000
DINCOMEP(-4)	0.124208	0.005643	22.01062	0.0000
DINCOMEP(-8)	0.103768	0.004875	21.28605	0.0000
DINCOMEP(-12)	-0.120242	0.006187	-19.43318	0.0000
DINCOMEP(-16)	0.030616	0.009963	3.072976	0.0021
DDOLLARP	46.87398	3.714839	12.61804	0.0000
DDOLLARP(-1)	271.7478	1.651885	164.5077	0.0000
DDOLLARP(-5)	-87.39991	4.684190	-18.65849	0.0000
DDOLLARP(-10)	60.24637	3.747783	16.07520	0.0000
DDOLLARP(-12)	-21.96896	2.712691	-8.098586	0.0000
DDOLLARP(-13)	-56.75711	3.089175	-18.37290	0.0000
DSNWLIN(-9)	59.71967	3.197572	18.67657	0.0000
DSNWLIN(-14)	12.63742	2.890762	4.371657	0.0000
DSNWLIN(-16)	36.39771	3.549206	10.25517	0.0000
DSTRIN(-4)	-162.7451	10.66781	-15.25573	0.0000
DSTRIN(-8)	-122.1807	15.53191	-7.866431	0.0000
DSTRIN(-9)	-119.2999	15.15829	-7.870279	0.0000
DSTRIN(-10)	-38.05225	9.694883	-3.924983	0.0001
DSTRIN(-15)	86.89671	9.506450	9.140816	0.0000
DMP(-16)	0.035001	0.003932	8.901867	0.0000
DKEYP	65.73024	5.527000	11.89257	0.0000
DKEYP(-2)	-22.27189	2.125108	-10.48036	0.0000
DGP(-16)	-0.249866	0.032049	-7.796335	0.0000
CAP(-4)	-5.13E-05	3.81E-06	-13.46368	0.0000
CAP(-6)	-5.94E-05	5.23E-06	-11.34053	0.0000
CAP(-12)	4.82E-05	4.55E-06	10.59258	0.0000
DN(-1)	-3.600100	0.428119	-8.409119	0.0000
DN(-5)	5.463998	0.385562	14.17152	0.0000
DN(-6)	1.860755	0.322023	5.778332	0.0000
DN(-13)	-5.362917	0.373803	-14.34692	0.0000
DN(-15)	3.352832	0.232336	14.43097	0.0000
DCHP(-1)	-0.083536	0.006567	-12.72124	0.0000
DCHP(-4)	0.140733	0.019036	7.392837	0.0000
DMIACRP	14.23394	4.608440	3.088669	0.0020
DMIACRP(-9)	29.58467	3.327711	8.890396	0.0000
DMIACRP(-13)	12.99375	3.285354	3.955053	0.0001
DMIACRP(-14)	5.294136	2.538146	2.085828	0.0370
DMIACRP(-15)	-11.39784	2.962606	-3.847235	0.0001
DMIACRP(-16)	-9.075762	2.207953	-4.110487	0.0000
T	0.031255	0.007034	4.443180	0.0000
D11	-2.729387	0.732681	-3.725205	0.0002

D12	1.627097	0.669469	2.430429	0.0151
D14	-0.829010	0.375957	-2.205064	0.0274
D15	1.853165	0.441174	4.200530	0.0000
D16	-1.762638	0.391221	-4.505476	0.0000
Variance Equation				
C	0.000473	0.001135	0.416643	0.6769
RESID(-1)^2	-0.078561	0.022044	-3.563895	0.0004
GARCH(-1)	1.028535	0.048993	20.99342	0.0000
R-squared	0.999712	Mean dependent var	1.725516	
Adjusted R-squared	0.998506	S.D. dependent var	16.75675	
S.E. of regression	0.647745	Akaike info criterion	1.181410	
Sum squared resid	4.615307	Schwarz criterion	2.957654	
Log likelihood	15.73912	Hannan-Quinn criter.	1.873293	
Durbin-Watson stat	2.105289			

БАНКОВСКИЕ ДЕПОЗИТЫ ОРГАНИЗАЦИЙ В ИНОСТРАННОЙ ВАЛЮТЕ

Dependent Variable: DDEPVFP

Method: ML - ARCH

Date: 09/03/19 Time: 21:46

Sample (adjusted): 2005Q2 2018Q4

Included observations: 55 after adjustments

Failure to improve Likelihood after 57 iterations

Bollerslev-Wooldridge robust standard errors & covariance

Presample variance: backcast (parameter = 0.7)

GARCH = C(37) + C(38)*RESID(-1)^2 + C(39)*GARCH(-1)

Variable	Coefficient	Std. Error	z-Statistic	Prob.
DDEPVFP(-2)	0.402065	0.007160	56.15459	0.0000
DDEPVFP(-6)	0.250118	0.009592	26.07468	0.0000
DDEPVFP(-7)	-0.191154	0.010213	-18.71727	0.0000
DDEPVFP(-8)	-0.314147	0.010018	-31.35809	0.0000
DDEPVFP(-10)	0.206111	0.009467	21.77060	0.0000
DDEPVFP(-11)	0.204864	0.009501	21.56232	0.0000
DDEPVFP(-12)	-0.755901	0.013840	-54.61756	0.0000
DQ(-1)	-105.1733	4.429645	-23.74306	0.0000
DQ(-3)	75.28829	7.376661	10.20628	0.0000
DQ(-4)	174.6393	7.094142	24.61739	0.0000
DQ(-8)	132.7042	6.801398	19.51132	0.0000
DQ(-9)	-355.6658	8.408469	-42.29852	0.0000
DQ(-11)	213.4046	7.565532	28.20748	0.0000
DQ(-16)	116.8612	7.044103	16.58994	0.0000
DMP	0.145451	0.007377	19.71797	0.0000
DMP(-8)	0.070442	0.008336	8.450502	0.0000
DMBP(-9)	0.163464	0.009371	17.44413	0.0000
DEXPPEXP(-3)	0.656623	0.034778	18.88041	0.0000
DEXPPEXP(-9)	0.610985	0.026598	22.97138	0.0000
DEXPPEXP(-10)	0.141655	0.017193	8.239335	0.0000
DEXPPEXP(-14)	-0.604263	0.020689	-29.20684	0.0000
DSREV(-7)	-281.0890	9.888949	-28.42456	0.0000
DDOLLARP(-1)	252.3920	6.986384	36.12627	0.0000
DDOLLARP(-2)	146.2119	5.476123	26.69989	0.0000
DDEPRFP(-8)	0.139170	0.010836	12.84290	0.0000
DTRANP(-1)	-0.263334	0.049016	-5.372454	0.0000
DKEYP	73.04442	7.796795	9.368519	0.0000
DKEYP(-2)	-61.28383	3.876978	-15.80711	0.0000
DKEYP(-7)	58.24152	5.896526	9.877261	0.0000
DDEPCBP(-4)	0.168098	0.011243	14.95170	0.0000
DGP(-7)	0.424574	0.068401	6.207107	0.0000
DCTP(-5)	-0.100669	0.013450	-7.484788	0.0000
DCTP(-7)	-0.086701	0.013007	-6.665828	0.0000
DCTP(-8)	-0.049457	0.007576	-6.528335	0.0000
D16	-9.992391	0.684672	-14.59442	0.0000
D17	15.68285	0.850994	18.42885	0.0000
Variance Equation				
C	0.000102	6.82E-09	14953.92	0.0000
RESID(-1)^2	1.840840	0.356085	5.169672	0.0000
GARCH(-1)	0.009894	0.016250	0.608842	0.5426

R-squared	0.994655	Mean dependent var	3.880003
Adjusted R-squared	0.984810	S.D. dependent var	34.11246
S.E. of regression	4.204242	Akaike info criterion	4.403840
Sum squared resid	335.8374	Schwarz criterion	5.827222
Log likelihood	-82.10560	Hannan-Quinn criter.	4.954273
Durbin-Watson stat	1.141836		

УРАВНЕНИЕ 38
РУБЛЕВЫЕ БАНКОВСКИЕ КРЕДИТЫ ОРГАНИЗАЦИЯМ

Dependent Variable: DCRP
 Method: ML - ARCH
 Date: 06/29/19 Time: 16:15
 Sample (adjusted): 2005Q2 2018Q4
 Included observations: 55 after adjustments
 Convergence achieved after 93 iterations
 Bollerslev-Wooldridge robust standard errors & covariance
 Presample variance: backcast (parameter = 0.7)
 GARCH = C(32) + C(33)*RESID(-1)^2 + C(34)*GARCH(-1)

Variable	Coefficient	Std. Error	z-Statistic	Prob.
DCRP(-6)	-0.387825	0.013741	-28.22409	0.0000
DCRP(-8)	0.144571	0.013021	11.10299	0.0000
DCRP(-9)	-0.632478	0.017512	-36.11675	0.0000
DDEPRTP	0.185835	0.007195	25.82921	0.0000
DDEPRTP(-9)	0.161743	0.006505	24.86624	0.0000
DDEPRTP(-13)	0.118901	0.009432	12.60604	0.0000
DDEPRTP(-15)	-0.231438	0.006311	-36.66958	0.0000
DQ(-5)	225.5870	10.57841	21.32523	0.0000
DEXPPEXP(-1)	-0.627920	0.020367	-30.83055	0.0000
DIMPPIM(-2)	0.137154	0.009034	15.18119	0.0000
DIMPPIM(-14)	0.289917	0.017769	16.31549	0.0000
DGP(-15)	1.552002	0.070484	22.01932	0.0000
DIDI(-4)	1.033935	0.030669	33.71267	0.0000
DIDI(-10)	0.400504	0.032685	12.25333	0.0000
DIDI(-11)	0.494017	0.030823	16.02780	0.0000
DSREV(-12)	-103.9440	7.833739	-13.26876	0.0000
DKEYP(-4)	55.14881	7.299704	7.554938	0.0000
DKEYP(-11)	31.47580	8.914784	3.530741	0.0004
DDOLLARP(-5)	97.04203	7.879977	12.31501	0.0000
DDOLLARP(-13)	-89.02804	7.647231	-11.64187	0.0000
DMP(-2)	0.044274	0.007266	6.093577	0.0000
DMP(-5)	0.075976	0.008881	8.554785	0.0000
DMP(-7)	0.086870	0.006159	14.10450	0.0000
DMP(-12)	0.057573	0.008395	6.858058	0.0000
DMP(-15)	0.061768	0.012028	5.135408	0.0000
DDEPCBP(-5)	0.056109	0.009281	6.045594	0.0000
DDEPCBP(-13)	0.117595	0.010981	10.70892	0.0000
DDEPCBP(-16)	-0.052218	0.005967	-8.751724	0.0000
DMIACRP(-3)	8.632153	4.570531	1.888654	0.0589
DMIACRP(-10)	-32.46875	5.240179	-6.196115	0.0000
D18	5.787360	0.655526	8.828575	0.0000

Variance Equation

C	1.88E-05	4.78E-10	39437.33	0.0000
RESID(-1)^2	2.618782	0.563569	4.646783	0.0000
GARCH(-1)	0.013008	0.036531	0.356093	0.7218

R-squared	0.998840	Mean dependent var	8.754677
Adjusted R-squared	0.997390	S.D. dependent var	82.69256
S.E. of regression	4.224348	Akaike info criterion	5.107323
Sum squared resid	428.2828	Schwarz criterion	6.348220
Log likelihood	-106.4514	Hannan-Quinn criter.	5.587188
Durbin-Watson stat	1.838343		

БАНКОВСКИЕ КРЕДИТЫ ОРГАНИЗАЦИЯМ В ИНОСТРАННОЙ ВАЛЮТЕ

Dependent Variable: DCVP
 Method: ML - ARCH
 Date: 06/29/19 Time: 16:30
 Sample (adjusted): 2004Q3 2018Q4
 Included observations: 58 after adjustments
 Failure to improve Likelihood after 33 iterations
 Bollerslev-Wooldridge robust standard errors & covariance
 Presample variance: backcast (parameter = 0.7)
 GARCH = C(36) + C(37)*RESID(-1)^2 + C(38)*GARCH(-1)

Variable	Coefficient	Std. Error	z-Statistic	Prob.
DCVP(-2)	-0.311500	0.014957	-20.82684	0.0000
DCVP(-3)	0.130728	0.015159	8.623622	0.0000
DCVP(-8)	-0.476122	0.018846	-25.26352	0.0000
DCVP(-15)	0.269866	0.025661	10.51669	0.0000
DDEPVTP	0.113277	0.007658	14.79144	0.0000
DDEPVTP(-3)	-0.162578	0.009705	-16.75272	0.0000
DDEPVTP(-14)	-0.431906	0.015983	-27.02275	0.0000
DDEPVTP(-15)	-0.277104	0.010335	-26.81337	0.0000
DDEPRTP(-4)	0.155214	0.005167	30.03982	0.0000
DDOLLARP	225.5502	8.022069	28.11621	0.0000
DDOLLARP(-4)	-73.57274	6.284408	-11.70719	0.0000
DIMPPIM(-15)	-0.053730	0.009102	-5.903180	0.0000
DGP(-3)	-0.375353	0.051733	-7.255564	0.0000
DGP(-14)	1.295935	0.062116	20.86305	0.0000
DDEPCBP(-4)	0.218059	0.011745	18.56682	0.0000
DOECD(-4)	694.5366	32.53019	21.35053	0.0000
DOECD(-10)	404.8710	26.68696	15.17112	0.0000
DKEYP(-8)	103.2719	8.338238	12.38533	0.0000
DKEYP(-10)	46.47788	5.367180	8.659646	0.0000
DKEYP(-15)	138.7921	7.112653	19.51341	0.0000
DN(-13)	-7.772284	0.528940	-14.69409	0.0000
DN(-15)	-3.766024	0.509309	-7.394382	0.0000
DN(-16)	5.673142	0.539856	10.50863	0.0000
DSDEPVP(-4)	-30.75867	4.326489	-7.109383	0.0000
DSDEPVP(-11)	-71.43467	7.495753	-9.530019	0.0000
DSDEPVP(-13)	-70.91935	6.677735	-10.62027	0.0000
DSDEPVP(-15)	54.88982	6.133148	8.949698	0.0000
DCRP(-11)	-0.038782	0.011550	-3.357684	0.0008
DCRP(-15)	0.058462	0.009292	6.291447	0.0000
DMIACRP(-3)	-19.71011	6.998763	-2.816227	0.0049
DMIACRP(-5)	-21.75831	7.139810	-3.047463	0.0023
DMIACRP(-8)	-23.34834	8.814748	-2.648781	0.0081
DMIACRP(-13)	20.84192	5.265752	3.958015	0.0001
T	-0.052663	0.003034	-17.35858	0.0000
D15	1.156618	0.539589	2.143518	0.0321

Variance Equation

	C	RESID(-1)^2	GARCH(-1)	
C	0.968689	0.550321	1.760227	0.0784
RESID(-1)^2	-0.124907	0.157092	-0.795121	0.4265
GARCH(-1)	0.490105	0.415534	1.179457	0.2382
R-squared	0.998000	Mean dependent var	1.466407	

Adjusted R-squared	0.995044	S.D. dependent var	29.09415
S.E. of regression	2.048286	Akaike info criterion	4.536520
Sum squared resid	96.49597	Schwarz criterion	5.886465
Log likelihood	-93.55907	Hannan-Quinn criter.	5.062351
Durbin-Watson stat	2.295518		

УРАВНЕНИЕ 41
БАНКОВСКИЕ КРЕДИТЫ ДОМАШНИМ ХОЗЯЙСТВАМ

Dependent Variable: DCHP
 Method: ML - ARCH
 Date: 07/01/19 Time: 20:49
 Sample (adjusted): 2005Q2 2018Q4
 Included observations: 55 after adjustments
 Convergence achieved after 11 iterations
 Bollerslev-Wooldridge robust standard errors & covariance
 Presample variance: backcast (parameter = 0.7)
 GARCH = C(40) + C(41)*RESID(-1)^2 + C(42)*GARCH(-1)

Variable	Coefficient	Std. Error	z-Statistic	Prob.
DCHP(-1)	0.421123	0.015327	27.47574	0.0000
DCHP(-4)	0.527719	0.012725	41.47142	0.0000
DCHP(-5)	-0.386618	0.015808	-24.45773	0.0000
DCHP(-7)	-0.559115	0.017600	-31.76845	0.0000
DCHP(-10)	-0.263889	0.012306	-21.44422	0.0000
DCHP(-11)	0.315035	0.014882	21.16931	0.0000
DCHP(-12)	-0.659321	0.021676	-30.41642	0.0000
DCHP(-16)	0.002540	0.013313	0.190759	0.8487
DDEPTP	0.179540	0.003414	52.58950	0.0000
DDEPTP(-7)	0.065861	0.003365	19.57477	0.0000
DDEPTP(-13)	-0.072698	0.004490	-16.19243	0.0000
DDEPTP(-14)	0.035741	0.003084	11.58744	0.0000
DKEYP(-1)	-57.39269	3.447313	-16.64853	0.0000
DKEYP(-3)	155.4129	7.981093	19.47264	0.0000
DKEYP(-8)	-256.9833	9.908447	-25.93578	0.0000
DKEYP(-9)	-88.47237	8.460467	-10.45715	0.0000
DMIACRP(-3)	-214.7934	7.258069	-29.59374	0.0000
DMIACRP(-8)	171.4755	7.509534	22.83437	0.0000
DMIACRP(-9)	148.6140	8.729861	17.02363	0.0000
DINCOMEP(-4)	0.131135	0.010840	12.09748	0.0000
DINCOMEP(-13)	0.143566	0.009918	14.47479	0.0000
DINCOMEP(-14)	0.062449	0.006600	9.461434	0.0000
DSNWLIN(-1)	102.5388	5.642899	18.17130	0.0000
DSNWLIN(-4)	92.72803	8.917377	10.39858	0.0000
DSNWLIN(-10)	42.38720	3.639307	11.64705	0.0000
DSNWLIN(-15)	-61.30810	6.761084	-9.067791	0.0000
DSTRIN(-2)	-168.1007	18.75541	-8.962786	0.0000
DSTRIN(-13)	-136.1837	13.65479	-9.973332	0.0000
DDOLLARP(-7)	88.37327	4.997800	17.68244	0.0000
DDOLLARP(-13)	55.30541	4.513903	12.25224	0.0000
DGP(-10)	0.627649	0.052399	11.97816	0.0000
DGP(-12)	0.835786	0.064037	13.05166	0.0000
DMP(-1)	0.035657	0.003906	9.128731	0.0000
DMP(-6)	-0.034354	0.004870	-7.054382	0.0000
DMP(-7)	0.021516	0.004797	4.485508	0.0000
DMP(-10)	0.032458	0.005494	5.907599	0.0000
DMP(-16)	0.011827	0.004848	2.439815	0.0147
C	1.948663	0.298512	6.527923	0.0000
D18	-2.980013	0.615685	-4.840159	0.0000

Variance Equation

C	0.453557	0.185606	2.443658	0.0145
---	----------	----------	----------	--------

RESID(-1)^2	-0.199800	0.152665	-1.308751	0.1906
GARCH(-1)	0.604867	0.204567	2.956816	0.0031

R-squared	0.999411	Mean dependent var	5.682201
Adjusted R-squared	0.998011	S.D. dependent var	37.69031
S.E. of regression	1.681038	Akaike info criterion	3.958982
Sum squared resid	45.21422	Schwarz criterion	5.491855
Log likelihood	-66.87202	Hannan-Quinn criter.	4.551757
Durbin-Watson stat	1.979262		

Dependent Variable: DDOLLAR
 Method: ML - ARCH
 Date: 07/26/19 Time: 20:32
 Sample (adjusted): 2005Q2 2018Q4
 Included observations: 55 after adjustments
 Convergence achieved after 1 iteration
 Bollerslev-Wooldridge robust standard errors & covariance
 Presample variance: backcast (parameter = 0.7)
 GARCH = C(51) + C(52)*RESID(-1)^2 + C(53)*GARCH(-1)

Variable	Coefficient	Std. Error	z-Statistic	Prob.
DDOLLAR(-3)	0.022150	0.001570	14.10767	0.0000
DDOLLAR(-6)	-0.063503	0.001838	-34.55394	0.0000
DDOLLAR(-7)	-0.550544	0.001687	-326.3799	0.0000
DDOLLAR(-13)	0.040753	0.001770	23.02288	0.0000
DPEXPD	-1.266812	0.005604	-226.0573	0.0000
DPEXPD(-7)	-1.806774	0.004101	-440.5525	0.0000
DPEXPD(-10)	-1.196046	0.004203	-284.5923	0.0000
DPEXPD(-15)	0.754166	0.005440	138.6400	0.0000
DPIMD(-1)	-4.066688	0.009769	-416.2671	0.0000
DPIMD(-9)	2.357379	0.007975	295.5826	0.0000
DM(-12)	0.000442	2.37E-06	186.5267	0.0000
CAP(-6)	-4.89E-06	6.14E-08	-79.66589	0.0000
CAP(-7)	1.14E-05	5.68E-08	201.3617	0.0000
DQ(-1)	6.243153	0.061395	101.6878	0.0000
DQ(-11)	6.481024	0.026842	241.4504	0.0000
DQ(-13)	-6.612319	0.047802	-138.3285	0.0000
DSTTAX(-4)	-4.065069	0.072972	-55.70739	0.0000
DSTTAX(-13)	3.016262	0.045593	66.15555	0.0000
DSTTAX(-14)	4.989558	0.060040	83.10407	0.0000
DOECD	24.63544	0.171446	143.6924	0.0000
DOECD(-1)	-23.90164	0.213812	-111.7884	0.0000
DOECD(-16)	-10.32183	0.092120	-112.0472	0.0000
DSC(-1)	-7.848511	0.085350	-91.95648	0.0000
DSC(-6)	5.291466	0.069907	75.69280	0.0000
DSC(-7)	-5.796936	0.054753	-105.8749	0.0000
DMIACR(-1)	7.358045	0.023739	309.9529	0.0000
DMIACR(-2)	2.258914	0.051605	43.77314	0.0000
DMIACR(-4)	-3.883114	0.041719	-93.07678	0.0000
DMIACR(-11)	4.761324	0.050069	95.09608	0.0000
DMIACR(-14)	2.338495	0.035719	65.46897	0.0000
DSI(-8)	10.16095	0.116235	87.41749	0.0000
DSI(-12)	-17.11121	0.131529	-130.0942	0.0000
DSI(-13)	-2.135445	0.088445	-24.14445	0.0000
DN(-1)	0.200759	0.003840	52.27924	0.0000
DN(-2)	0.237480	0.004758	49.91447	0.0000
DN(-4)	-0.022450	0.001913	-11.73437	0.0000
DN(-5)	-0.106312	0.001584	-67.09670	0.0000
DN(-7)	-0.076562	0.001972	-38.82829	0.0000
DN(-8)	-0.093452	0.001924	-48.55946	0.0000
DN(-12)	0.130088	0.003041	42.77228	0.0000
DN(-13)	-0.110190	0.003592	-30.68025	0.0000
DN(-16)	0.026981	0.001614	16.71419	0.0000

DMB(-9)	-7.39E-05	2.13E-06	-34.65406	0.0000
DTTAX(-6)	-0.000153	5.96E-06	-25.61914	0.0000
DP(-11)	0.083694	0.001258	66.51860	0.0000
D073	0.046360	0.002797	16.57434	0.0000
D12	0.053618	0.002049	26.16415	0.0000
D14_2	0.076792	0.005141	14.93803	0.0000
D15	0.018388	0.002858	6.434045	0.0000
D17	-0.228911	0.003115	-73.48115	0.0000
Variance Equation				
C	2.68E-06	7.33E-06	0.366357	0.7141
RESID(-1)^2	0.150000	0.181474	0.826564	0.4085
GARCH(-1)	0.600000	0.506632	1.184291	0.2363
R-squared	0.999992	Mean dependent var	0.154508	
Adjusted R-squared	0.999915	S.D. dependent var	0.737637	
S.E. of regression	0.006800	Akaike info criterion	-7.451084	
Sum squared resid	0.000231	Schwarz criterion	-5.516745	
Log likelihood	257.9048	Hannan-Quinn criter.	-6.703060	
Durbin-Watson stat	2.229099			

Dependent Variable: DEXPPEXP
 Method: ML - ARCH
 Date: 05/04/19 Time: 19:26
 Sample (adjusted): 2003Q3 2018Q4
 Included observations: 62 after adjustments
 Convergence achieved after 162 iterations
 Bollerslev-Wooldridge robust standard errors & covariance
 Presample variance: backcast (parameter = 0.7)
 GARCH = C(46) + C(47)*RESID(-1)^2 + C(48)*GARCH(-1)

Variable	Coefficient	Std. Error	z-Statistic	Prob.
DEXPPEXP(-1)	-0.932948	0.013147	-70.96247	0.0000
DEXPPEXP(-2)	-0.677262	0.011979	-56.53601	0.0000
DEXPPEXP(-3)	-0.557146	0.018800	-29.63496	0.0000
DEXPPEXP(-8)	0.315014	0.023764	13.25577	0.0000
DOECD	715.6136	19.15007	37.36872	0.0000
DOECD(-3)	697.1245	28.57179	24.39905	0.0000
DOECD(-4)	-459.3846	22.10350	-20.78334	0.0000
DOECD(-13)	334.1540	13.87475	24.08360	0.0000
DPEXPД	7.037694	0.905327	7.773648	0.0000
DPEXPД(-1)	21.13081	0.398142	53.07356	0.0000
DPEXPД(-6)	15.79909	0.772200	20.45983	0.0000
DPEXPД(-9)	15.74915	0.844305	18.65338	0.0000
CAP(-2)	9.16E-05	4.74E-06	19.34515	0.0000
DSEXPДUT(-3)	-16.70599	3.294183	-5.071361	0.0000
DSEXPДUT(-8)	-110.4233	6.547897	-16.86394	0.0000
DSEXPДUT(-11)	-48.19082	4.054056	-11.88706	0.0000
DSEXPДUT(-13)	-70.56842	2.848362	-24.77508	0.0000
DPIMD(-8)	-30.79209	0.901130	-34.17054	0.0000
DPIMD(-9)	-41.08197	1.058572	-38.80884	0.0000
DPIMD(-11)	-23.22448	2.370333	-9.797980	0.0000
DID	-50.33978	1.543898	-32.60563	0.0000
DID(-7)	43.85647	2.699259	16.24759	0.0000
DID(-11)	-16.29926	1.433885	-11.36720	0.0000
DID(-12)	-5.317768	2.352451	-2.260522	0.0238
DID(-14)	65.76218	2.194201	29.97090	0.0000
DID(-15)	-28.82898	3.131282	-9.206768	0.0000
DID(-16)	-18.70169	3.145513	-5.945512	0.0000
DMPEXP(-1)	0.008905	0.001134	7.852703	0.0000
DMPEXP(-8)	-0.032212	0.001025	-31.42507	0.0000
DMPEXP(-11)	0.015922	0.001490	10.68639	0.0000
DMPEXP(-14)	0.020928	0.000852	24.57460	0.0000
DSG	-226.0588	39.16294	-5.772263	0.0000
DSG(-14)	305.5017	14.26081	21.42246	0.0000
DSIMP(-2)	34.61583	8.359922	4.140688	0.0000
DSIMP(-4)	36.82955	9.269330	3.973270	0.0001
DSIMP(-6)	96.96462	6.798997	14.26161	0.0000
DSIMP(-9)	140.6668	19.11479	7.359052	0.0000
DSIMP(-10)	178.4336	12.41736	14.36970	0.0000
DSTTAX(-2)	-51.26548	7.527088	-6.810798	0.0000
DSTTAX(-3)	-68.50454	9.864829	-6.944321	0.0000
DSTTAX(-5)	51.29518	5.521261	9.290482	0.0000
DSTTAX(-6)	-39.61491	8.317009	-4.763119	0.0000

DSTTAX(-16)	39.29329	4.815151	8.160344	0.0000
D09	-2.367807	0.191628	-12.35629	0.0000
D14	2.901551	0.518723	5.593643	0.0000
Variance Equation				
C	8.81E-06	4.19E-09	2101.240	0.0000
RESID(-1)^2	2.597376	0.931622	2.788014	0.0053
GARCH(-1)	0.000145	6.95E-08	2089.264	0.0000
R-squared	0.998520	Mean dependent var	2.081372	
Adjusted R-squared	0.994688	S.D. dependent var	25.04296	
S.E. of regression	1.825282	Akaike info criterion	2.595049	
Sum squared resid	56.63815	Schwarz criterion	4.241862	
Log likelihood	-32.44650	Hannan-Quinn criter.	3.241629	
Durbin-Watson stat	2.615255			

Dependent Variable: DIMPPIM
 Method: ML - ARCH
 Date: 05/16/19 Time: 12:43
 Sample (adjusted): 2004Q1 2018Q4
 Included observations: 60 after adjustments
 Failure to improve Likelihood after 26 iterations
 Bollerslev-Wooldridge robust standard errors & covariance
 Presample variance: backcast (parameter = 0.7)
 GARCH = C(38) + C(39)*RESID(-1)^2 + C(40)*GARCH(-1)

Variable	Coefficient	Std. Error	z-Statistic	Prob.
DIMPPIM(-3)	-0.182208	0.007979	-22.83683	0.0000
DIMPPIM(-4)	0.435233	0.007799	55.80345	0.0000
DIMPPIM(-5)	-0.340848	0.006726	-50.67979	0.0000
DIMPPIM(-9)	-0.175616	0.010735	-16.35871	0.0000
DIMPPIM(-10)	-0.223557	0.013502	-16.55702	0.0000
DIMPPIM(-11)	0.357659	0.008009	44.65791	0.0000
DIMPPIM(-13)	0.176961	0.011998	14.74901	0.0000
DEXPOTT	0.082698	0.001643	50.32064	0.0000
DEXPOTT(-10)	0.055918	0.001906	29.34271	0.0000
DEXPOTT(-12)	-0.055672	0.002385	-23.34020	0.0000
DEXPOTT(-15)	-0.051639	0.001938	-26.64861	0.0000
DDOLLARP(-9)	-109.7057	4.891076	-22.42976	0.0000
DID	34.17494	2.181823	15.66348	0.0000
DMPIM(-1)	0.036237	0.001290	28.08853	0.0000
DMPIM(-2)	0.012269	0.000690	17.76937	0.0000
DMPIM	0.061206	0.002384	25.67297	0.0000
CAP(-8)	0.000140	2.20E-06	63.80437	0.0000
CAP(-10)	-0.000245	3.59E-06	-68.06497	0.0000
DSIMPDUT(-2)	-172.4219	13.52950	-12.74414	0.0000
DSIMPDUT(-8)	98.24827	8.512829	11.54120	0.0000
DSIMPDUT(-13)	136.9052	9.837126	13.91720	0.0000
DSIMPDUT(-15)	-110.5140	8.205741	-13.46789	0.0000
DN	9.778494	0.629088	15.54393	0.0000
DN(-3)	-3.791749	0.440897	-8.600080	0.0000
DOECD(-13)	-430.2899	27.37659	-15.71744	0.0000
DSTTAX	-196.4442	11.26450	-17.43923	0.0000
DSTTAX(-1)	-178.6776	14.12909	-12.64608	0.0000
DSTTAX(-5)	-94.56381	8.698361	-10.87145	0.0000
DSW	-149.6032	11.29385	-13.24643	0.0000
DSW(-3)	90.32726	12.68082	7.123140	0.0000
DSW(-7)	109.1390	11.29158	9.665520	0.0000
DSW(-10)	-53.22664	11.53469	-4.614483	0.0000
DSW(-11)	86.04348	10.66212	8.070014	0.0000
DSW(-12)	53.94887	11.43492	4.717905	0.0000
DSW(-15)	-53.99532	7.184070	-7.515980	0.0000
D07	-1.056819	0.188033	-5.620401	0.0000
D17	2.438614	0.653069	3.734084	0.0002

Variance Equation

C	0.925837	0.248349	3.727971	0.0002
RESID(-1)^2	0.681375	0.159442	4.273504	0.0000
GARCH(-1)	-0.151862	0.113935	-1.332882	0.1826

R-squared	0.999049	Mean dependent var	3.315131
Adjusted R-squared	0.997561	S.D. dependent var	43.60306
S.E. of regression	2.153240	Akaike info criterion	4.508394
Sum squared resid	106.6381	Schwarz criterion	5.904624
Log likelihood	-95.25182	Hannan-Quinn criter.	5.054536
Durbin-Watson stat	2.632919		

Dependent Variable: DMP
 Method: ML - ARCH
 Date: 06/28/19 Time: 20:44
 Sample (adjusted): 2005Q2 2018Q4
 Included observations: 55 after adjustments
 Convergence achieved after 40 iterations
 Bollerslev-Wooldridge robust standard errors & covariance
 Presample variance: backcast (parameter = 0.7)
 GARCH = C(35) + C(36)*RESID(-1)^2 + C(37)*GARCH(-1)

Variable	Coefficient	Std. Error	z-Statistic	Prob.
DMP(-13)	-0.186483	0.011127	-16.75893	0.0000
DMP(-16)	0.476004	0.010638	44.74730	0.0000
DMBP	0.211534	0.021208	9.974199	0.0000
DMBP(-4)	0.431576	0.026284	16.41971	0.0000
DMBP(-6)	-0.274954	0.025855	-10.63437	0.0000
DMBP(-8)	0.248653	0.020532	12.11029	0.0000
DDOLLARP(-2)	148.1273	22.49955	6.583567	0.0000
DDOLLARP(-3)	-190.9163	15.62814	-12.21619	0.0000
DDOLLARP(-7)	141.9922	12.41780	11.43457	0.0000
DDOLLARP(-9)	-249.8579	11.94771	-20.91263	0.0000
DDOLLARP(-10)	-99.34627	18.18760	-5.462308	0.0000
DDOLLARP(-15)	-91.20099	11.92171	-7.649995	0.0000
DDEFNP(-4)	0.403534	0.029846	13.52053	0.0000
DDEFNP(-7)	0.210770	0.023857	8.834555	0.0000
DDEFNP(-10)	-0.233670	0.036006	-6.489700	0.0000
DDEFNP(-14)	-0.549861	0.050445	-10.90023	0.0000
DDEFNP(-15)	-0.455515	0.022275	-20.44973	0.0000
CAP	0.000257	1.30E-05	19.80681	0.0000
CAP(-4)	-0.000718	2.35E-05	-30.60128	0.0000
CAP(-8)	0.000133	2.11E-05	6.301779	0.0000
CAP(-9)	-0.000539	3.19E-05	-16.86797	0.0000
CAP(-12)	0.000272	1.76E-05	15.39013	0.0000
DN	11.95432	1.462517	8.173801	0.0000
DN(-2)	-7.914947	1.647369	-4.804597	0.0000
DN(-8)	-4.346054	1.271927	-3.416904	0.0006
DN(-9)	25.44782	2.365851	10.75631	0.0000
DDEPCBP(-1)	-0.192010	0.016552	-11.60009	0.0000
DDEPCBP(-8)	-0.221618	0.032615	-6.795041	0.0000
DDEPCBP(-16)	0.143587	0.020218	7.102099	0.0000
DMIACRP(-2)	127.7622	12.00045	10.64645	0.0000
DMIACRP(-8)	-143.5122	13.48453	-10.64273	0.0000
DMIACRP(-14)	-140.5301	12.44245	-11.29440	0.0000
D10	-6.251434	0.796410	-7.849513	0.0000
D18	10.29230	2.070223	4.971589	0.0000
Variance Equation				
C	8.234248	2.448895	3.362434	0.0008
RESID(-1)^2	0.888288	0.305329	2.909285	0.0036
GARCH(-1)	-0.208711	0.113125	-1.844965	0.0650
R-squared	0.999225	Mean dependent var	15.67201	
Adjusted R-squared	0.998008	S.D. dependent var	154.3364	

S.E. of regression	6.887680	Akaike info criterion	6.649634
Sum squared resid	996.2430	Schwarz criterion	8.000021
Log likelihood	-145.8649	Hannan-Quinn criter.	7.171839
Durbin-Watson stat	2.068469		

ИНДЕКС ЦЕН НА ПРИОБРЕТАЕМЫЕ ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ

Dependent Variable: RATE_PEN
 Method: ML - ARCH
 Date: 06/26/19 Time: 22:23
 Sample (adjusted): 2006Q2 2018Q4
 Included observations: 51 after adjustments
 Convergence achieved after 46 iterations
 Bollerslev-Wooldridge robust standard errors & covariance
 Presample variance: backcast (parameter = 0.7)
 GARCH = C(23) + C(24)*RESID(-1)^2 + C(25)*GARCH(-1)

Variable	Coefficient	Std. Error	z-Statistic	Prob.
RATE_PEN(-1)	1.171196	0.014847	78.88504	0.0000
RATE_PEN(-2)	-0.101988	0.015135	-6.738637	0.0000
RATE_PEN(-4)	-1.040417	0.016439	-63.29017	0.0000
RATE_PEN(-5)	1.104351	0.019324	57.14799	0.0000
RATE_PEN(-6)	-0.103079	0.013317	-7.740295	0.0000
RATE_PEN(-10)	-0.108191	0.006926	-15.62077	0.0000
RATE_DI	0.212242	0.011645	18.22670	0.0000
RATE_DI(-1)	-0.105863	0.014337	-7.383756	0.0000
RATE_DOLLAR(-5)	0.026732	0.001966	13.59517	0.0000
RATE_PIMD	0.007281	0.003214	2.265003	0.0235
RATE_PIMD(-9)	0.022637	0.002723	8.314257	0.0000
RATE_PIMD(-12)	-0.016825	0.004767	-3.529404	0.0004
RATE_MB(-10)	0.003454	0.002344	1.473754	0.1405
RATE_TARIF(-9)	0.016993	0.004291	3.959938	0.0001
RATE_TARIF(-14)	-0.052233	0.003384	-15.43375	0.0000
RATE_TARIF(-16)	-0.047137	0.002566	-18.37231	0.0000
RATE_Q(-8)	0.040158	0.009617	4.175542	0.0000
RATE_Q(-14)	-0.085795	0.006221	-13.79199	0.0000
D07	0.015216	0.000732	20.78238	0.0000
D12	-0.015102	0.000630	-23.95772	0.0000
D16	0.035503	0.001634	21.72922	0.0000
D17	-0.036869	0.001633	-22.58249	0.0000

Variance Equation

	C	RESID(-1)^2	GARCH(-1)
C	1.29E-06	2.72E-07	4.727661
RESID(-1)^2	0.998635	0.253572	3.938271
GARCH(-1)	-0.054222	0.023849	-2.273562

R-squared	0.998158	Mean dependent var	0.114363
Adjusted R-squared	0.996824	S.D. dependent var	0.056943
S.E. of regression	0.003209	Akaike info criterion	-8.652649
Sum squared resid	0.000299	Schwarz criterion	-7.705676
Log likelihood	245.6425	Hannan-Quinn criter.	-8.290782
Durbin-Watson stat	2.636760		

УРАВНЕНИЕ 87
ПРОЦЕНТНАЯ СТАВКА МІАСР

Dependent Variable: DMIACRP
 Method: Least Squares
 Date: 06/29/19 Time: 20:18
 Sample (adjusted): 2005Q2 2018Q4
 Included observations: 55 after adjustments
 HAC standard errors & covariance (Bartlett kernel, Newey-West
 fixed
 bandwidth = 4.0000)

Variable	Coefficient	Std. Error	t-Statistic	Prob.
DMIACRP(-1)	-0.334173	0.026807	-12.46593	0.0000
DMIACRP(-6)	-0.128065	0.014772	-8.669173	0.0000
DKEYP	0.987576	0.010722	92.10746	0.0000
DKEYP(-1)	0.249551	0.037147	6.717989	0.0000
DKEYP(-12)	-0.158958	0.031138	-5.104906	0.0001
DMP(-16)	-0.000165	1.37E-05	-12.01960	0.0000
DQ(-2)	0.162146	0.024685	6.568625	0.0000
DCDP(-3)	-0.000111	9.70E-06	-11.43409	0.0000
DDEFNLP(-1)	-0.000181	3.88E-05	-4.673381	0.0003
DDEFNLP(-11)	0.000214	5.05E-05	4.241380	0.0006
DDEPCBP	0.000547	1.67E-05	32.70634	0.0000
DDEPCBP(-1)	-0.000384	1.80E-05	-21.33540	0.0000
DDEPCBP(-8)	0.000124	2.66E-05	4.642915	0.0003
DDEPCBP(-16)	-0.000160	2.13E-05	-7.519132	0.0000
CAP(-4)	-7.85E-08	1.14E-08	-6.860022	0.0000
DPEXPD(-9)	0.028334	0.001861	15.22582	0.0000
DPEXPD(-11)	-0.023874	0.003298	-7.239518	0.0000
DOECD(-6)	0.517172	0.076345	6.774163	0.0000
DOECD(-9)	-0.601390	0.133940	-4.489986	0.0004
DOECD(-10)	0.491279	0.110510	4.445557	0.0004
DN(-2)	-0.004897	0.001785	-2.744019	0.0144
DN(-10)	-0.006160	0.001235	-4.985789	0.0001
DN(-14)	0.004235	0.001432	2.957670	0.0093
DSC(-2)	0.196461	0.059182	3.319615	0.0043
DSC(-16)	0.198897	0.042861	4.640508	0.0003
DSG(-6)	0.546721	0.093032	5.876689	0.0000
DSG(-12)	0.689363	0.191590	3.598114	0.0024
DSG(-16)	-0.600509	0.185324	-3.240329	0.0051
DSI(-1)	-0.201282	0.031731	-6.343457	0.0000
DSNX(-1)	-0.107607	0.025229	-4.265162	0.0006
DSNX(-9)	-0.114219	0.036362	-3.141188	0.0063
DSNX(-13)	-0.131128	0.023452	-5.591278	0.0000
DSNX(-14)	0.064572	0.024948	2.588285	0.0198
DSTTAX(-1)	0.094551	0.030664	3.083460	0.0071
DSTTAX(-4)	0.049400	0.034609	1.427397	0.1727
DSTTAX(-11)	0.035171	0.029540	1.190610	0.2512
DSTTAX(-14)	-0.023216	0.025995	-0.893068	0.3851
DSTTAX(-15)	0.020398	0.018397	1.108778	0.2839
D18	-0.002287	0.002156	-1.060729	0.3046
R-squared	0.999089	Mean dependent var	0.002166	
Adjusted R-squared	0.996927	S.D. dependent var	0.040087	
S.E. of regression	0.002222	Akaike info criterion	-9.197163	
Sum squared resid	7.90E-05	Schwarz criterion	-7.773782	

Log likelihood	291.9220	Hannan-Quinn criter.	-8.646730
Durbin-Watson stat	2.147491		

Приложение 4

Таблица 4.1

Импульсные мультипликаторы для наиболее важных эндогенных переменных (% изменения эндогенной переменной при 1 % изменении экзогенной переменной): приведены только те мультипликаторы, которые превышают по модулю 0.1

Эндогенная переменная	Символ	Экзогенная переменная			
		Экономически активное население	Долларовый индекс экспортных цен	Долларовый индекс импортных цен	Сальдо финансового счета платежного баланса
		Символ			
		N	PEXPD	PIMD	CAP
Индекс ВВП	Q	1,10	0,20	-0,19	
Индекс совокупного спроса	AD	0,18	0,25	-0,17	
Индекс внутреннего спроса	ID	1,60	0,30	-0,31	
Реальная зарплата (дефлятор CPI)	WCPI	0,79	0,23	-0,32	
Реальная зарплата (дефлятор ВВП)	WP	1,33	0,22	-0,24	
Чистый доход домохозяйств в реальном исчислении	INCOMECPI	1,02	0,33	-0,36	
Индекс потребительских расходов домохозяйств	C	1,12	0,29	-0,32	
Дефлятор ВВП	P	0,49	0,21	-0,13	
Индекс потребительских цен	CPI	1,01	0,19		
Индекс валового накопления основного капитала	DI	0,38			
Индекс цен на приобретаемые топливно-энергетические ресурсы	PEN	0,49			
Чистая прибыль корпораций в реальном исчислении	NROKCP	-1,29	0,41	-0,36	
Индекс физического объема основного капитала	KDI	1,14	0,38	-0,34	
Валовое накопление основного капитала в реальном исчислении	IDI	0,92	0,31	-0,34	
Индекс валового накопления основного капитала	I	0,94	0,33	-0,35	
Банковские кредиты организациям в реальном исчислении	CTP	2,32	0,17	-0,24	
Банковские кредиты домохозяйствам в реальном исчислении	CHP	5,15	0,34	-0,48	
Индекс физического объема экспорта	EXP	0,14	0,13		
Индекс физического объема импорта	IMP	1,38	0,69	-0,83	
Индекс обменного курса рубля к доллару	DOLLAR	2,04		-0,41	
Денежная масса M2	M	1,22	0,19	-0,10	
Реальные кассовые остатки	MP	0,72			
Процентная ставка MIACR – номинальная	MIACR	1,18	0,35	-0,37	
Процентная ставка MIACR – реальная	MIACRP	-0,96	-0,23	-0,16	-0,11

Таблица 4.1 (продолжение)

Эндогенная переменная	Символ	Экзогенная переменная			
		Налог на прибыль	Косвенные налоги и НДС	Взносы на социальное страхование	Государственные трансферты
		Символ			
		PTAX	INTAXN	SOCTAX	TRAN
Индекс ВВП	Q				
Индекс совокупного спроса	AD				
Индекс внутреннего спроса	ID				
Реальная зарплата (дефлятор CPI)	WCPI				
Реальная зарплата (дефлятор ВВП)	WP				
Чистый доход домохозяйств в реальном исчислении	INCOME CPI		-0,25		0,16
Индекс потребительских расходов домохозяйств	C		-0,16		
Дефлятор ВВП	P				
Индекс потребительских цен	CPI				
Индекс валового накопления основного капитала	DI				
Индекс цен на приобретаемые топливно-энергетические ресурсы	PEN				
Чистая прибыль корпораций в реальном исчислении	NROKCP	-0,11	-0,57		
Индекс физического объема основного капитала	KDI				
Валовое накопление основного капитала в реальном исчислении	IDI		0,14		
Индекс валового накопления основного капитала	I		0,14		
Банковские кредиты организациям в реальном исчислении	CTP				
Банковские кредиты домохозяйствам в реальном исчислении	CHP		-0,15		
Индекс физического объема экспорта	EXP				
Индекс физического объема импорта	IMP		-0,17		
Индекс обменного курса рубля к доллару	DOLLAR				
Денежная масса M2	M				
Реальные кассовые остатки	MP				
Процентная ставка MIACR – номинальная	MIACR		-0,17	-0,12	0,18
Процентная ставка MIACR – реальная	MIACRP		-0,37	-0,11	0,18

Таблица 4.1 (продолжение)

Эндогенная переменная	Символ	Экзогенная переменная			
		Индекс государственных закупок	Дефлятор государственных закупок	MROT	Индекс транспортных тарифов
		Символ			
		IND G	PG	MROT	TARIF
Индекс ВВП	Q	-0,14	-0,16		
Индекс совокупного спроса	AD	-0,32	-0,17		
Индекс внутреннего спроса	ID	-0,36	-0,16		
Реальная зарплата (дефлятор CPI)	WCPI	-0,67	-0,16	0,10	
Реальная зарплата (дефлятор ВВП)	WP	-0,68	-0,42	0,11	
Чистый доход домохозяйств в реальном исчислении	INCOMECPI	-0,19	0,16		
Индекс потребительских расходов домохозяйств	C	-0,27	0,11		
Дефлятор ВВП	P		0,37		
Индекс потребительских цен	CPI		0,13		
Индекс валового накопления основного капитала	DI		0,15		
Индекс цен на приобретаемые топливно-энергетические ресурсы	PEN				
Чистая прибыль корпораций в реальном исчислении	NROKCP	0,66	0,66	-0,11	
Индекс физического объема основного капитала	KDI	-0,37	-0,15		
Валовое накопление основного капитала в реальном исчислении	IDI	-0,63	-0,31		
Индекс валового накопления основного капитала	I	-0,63	-0,31		
Банковские кредиты организациям в реальном исчислении	CTP	-0,22	-0,22		
Банковские кредиты домохозяйствам в реальном исчислении	CHP	-0,36	-0,36		
Индекс физического объема экспорта	EXP				
Индекс физического объема импорта	IMP		0,14		
Индекс обменного курса рубля к доллару	DOLLAR	-0,10	-0,10		
Денежная масса M2	M				
Реальные кассовые остатки	MP				
Процентная ставка MIACR – номинальная	MIACR	0,40	0,38		
Процентная ставка MIACR – реальная	MIACRP	0,75	-0,76		-0,25

Таблица 4.1 (продолжение)

Эндогенная переменная	Символ	Экзогенная переменная			
		Ключевая ставка Банка России	Денежная база	Обязательства банков перед Банком России	ВВП стран – членов ОЭСР
		Символ			
		KEY	MB	DEPCB	OECD
Индекс ВВП	Q				0,16
Индекс совокупного спроса	AD				0,47
Индекс внутреннего спроса	ID				-0,53
Реальная зарплата (дефлятор CPI)	WCPI				
Реальная зарплата (дефлятор ВВП)	WP				0,10
Чистый доход домохозяйств в реальном исчислении	INCOMECPI				
Индекс потребительских расходов домохозяйств	C				
Дефлятор ВВП	P				0,11
Индекс потребительских цен	CPI				0,20
Индекс валового накопления основного капитала	DI				
Индекс цен на приобретаемые топливно-энергетические ресурсы	PEN				0,11
Чистая прибыль корпораций в реальном исчислении	NROKCP				0,33
Индекс физического объема основного капитала	KDI				0,14
Валовое накопление основного капитала в реальном исчислении	IDI		0,16		-1,66
Индекс валового накопления основного капитала	I		0,17		-1,59
Банковские кредиты организациям в реальном исчислении	CTP				-1,38
Банковские кредиты домохозяйствам в реальном исчислении	CHP				-3,71
Индекс физического объема экспорта	EXP				1,96
Индекс физического объема импорта	IMP		0,21		-0,24
Индекс обменного курса рубля к доллару	DOLLAR				0,41
Денежная масса M2	M		0,16		
Реальные кассовые остатки	MP		0,15		
Процентная ставка MIACR – номинальная	MIACR	0,66		0,13	0,88
Процентная ставка MIACR – реальная	MIACRP	0,64	-0,11	0,13	1,01

Таблица 4.2

Суммы абсолютных значений мультипликаторов по группам

Эндогенная переменная	Символ	Группа экзогенных переменных				
		Демография	Налоги	Фискальные	Денежные	Внешнеэкономические
		Символ				
		N	T	G	M	I
Индекс ВВП	Q	1,10	0,09	0,19	0,02	0,55
Индекс совокупного спроса	AD	0,18	0,11	0,33	0,05	0,92
Индекс внутреннего спроса	ID	1,60	0,12	0,33	0,07	1,16
Реальная зарплата (дефлятор CPI)	WCPI	0,79	0,09	0,53	0,04	0,61
Реальная зарплата (дефлятор ВВП)	WP	1,33	0,05	0,67	0,06	0,56
Чистый доход домохозяйств в реальном исчислении	INCOMECPI	1,02	0,49	0,36	0,01	0,77
Индекс потребительских расходов домохозяйств	C	1,12	0,36	0,31	0,03	0,62
Дефлятор ВВП	P	0,49	0,07	0,22	0,03	0,46
Индекс потребительских цен	CPI	1,01	0,06	0,08	0,02	0,44
Индекс валового накопления основного капитала	DI	0,38	0,09	0,09	0,02	0,18
Индекс цен на приобретаемые топливно-энергетические ресурсы	PEN	0,49	0,06	0,01	0,02	0,20
Чистая прибыль корпораций в реальном исчислении	NROKCP	1,29	0,76	0,82	0,08	1,12
Индекс физического объема основного капитала	KDI	1,14	0,12	0,31	0,02	0,87
Валовое накопление основного капитала в реальном исчислении	IDI	0,92	0,34	0,49	0,20	2,34
Индекс валового накопления основного капитала	I	0,94	0,35	0,54	0,21	2,30
Банковские кредиты организациям в реальном исчислении	CTP	2,32	0,06	0,25	0,08	1,80
Банковские кредиты домохозяйствам в реальном исчислении	CHP	5,15	0,33	0,42	0,08	4,57
Индекс физического объема экспорта	EXP	0,14	0,06	0,01	0,01	2,16
Индекс физического объема импорта	IMP	1,38	0,22	0,13	0,24	1,76
Индекс обменного курса рубля к доллару	DOLLAR	2,04	0,09	0,12	0,05	0,93
Денежная масса M2	M	1,22	0,11	0,08	0,19	0,38
Реальные кассовые остатки	MP	0,72	0,04	0,03	0,17	0,07
Процентная ставка MIACR – номинальная	MIACR	1,18	0,54	0,63	0,81	1,63
Процентная ставка MIACR – реальная	MIACRP	0,96	0,98	0,95	0,88	1,51
Среднее		1,20	0,23	0,33	0,14	1,16

Прогнозные варианты: базовый и с быстрым ростом экспортных цен, среднегодовые темпы роста, % (для процентных ставок – абсолютные значения)

Эндогенная переменная	Символ	Базовый	Быстрый рост экспортных цен	Разность
Индекс ВВП	Q	1,7	2,4	0,7
Индекс совокупного спроса	AD	1,0	1,8	0,8
Индекс внутреннего спроса	ID	1,1	4,0	2,9
Реальная зарплата (дефлятор CPI)	WCPI	1,5	5,7	4,2
Реальная зарплата (дефлятор ВВП)	WP	2,6	2,2	-0,4
Чистый доход домохозяйств в реальном исчислении	INCOMECPI	0,8	5,9	5,1
Индекс потребительских расходов домохозяйств	C	0,9	5,0	4,1
Дефлятор ВВП	P	3,0	12,2	9,2
Индекс потребительских цен	CPI	4,1	8,5	4,4
Индекс валового накопления основного капитала	DI	3,3	5,8	2,5
Индекс цен на приобретаемые топливно-энергетические ресурсы	PEN	7,7	9,1	1,4
Чистая прибыль корпораций в реальном исчислении	NROKCP	0,2	5,7	5,5
Индекс физического объема основного капитала	KDI	2,2	6,2	4,0
Валовое накопление основного капитала в реальном исчислении	IDI	2,2	6,2	4,0
Индекс валового накопления основного капитала	I	2,4	6,4	4,0
Банковские кредиты организациям в реальном исчислении	CTP	4,1	3,1	-1,0
Банковские кредиты домохозяйствам в реальном исчислении	CHP	9,3	5,7	-3,6
Индекс физического объема экспорта	EXP	4,3	5,9	1,6
Индекс физического объема импорта	IMP	3,7	18,2	14,5
Индекс обменного курса рубля к доллару	DOLLAR	4,0	1,2	-2,8
Денежная масса M2	M	9,1	17,9	8,8
Реальные кассовые остатки	MP	5,9	5,0	-0,9
Процентная ставка MIACR – номинальная	MIACR	0,107	0,124	0,017
Процентная ставка MIACR – реальная	MIACRP	0,105	-0,020	-0,125

Таблица 5.2

**Прогнозные варианты: базовый и с быстрым ростом импортных цен,
среднегодовые темпы роста, %
(для процентных ставок – абсолютные значения)**

Эндогенная переменная	Символ	Базовый	Быстрый рост импортных цен	Разность
Индекс ВВП	Q	1,7	1,1	-0,6
Индекс совокупного спроса	AD	1,0	0,6	-0,4
Индекс внутреннего спроса	ID	1,1	0,2	-0,9
Реальная зарплата (дефлятор CPI)	WCPI	1,5	-0,2	-1,7
Реальная зарплата (дефлятор ВВП)	WP	2,6	2,4	-0,2
Чистый доход домохозяйств в реальном исчислении	INCOMECPI	0,8	-1,2	-2,0
Индекс потребительских расходов домохозяйств	C	0,9	-0,5	-1,4
Дефлятор ВВП	P	3,0	1,5	-1,5
Индекс потребительских цен	CPI	4,1	4,0	-0,1
Индекс валового накопления основного капитала	DI	3,3	3,5	0,2
Индекс цен на приобретаемые топливно-энергетические ресурсы	PEN	7,7	8,0	0,3
Чистая прибыль корпораций в реальном исчислении	NROKCP	0,2	-2,0	-2,2
Индекс физического объема основного капитала	KDI	2,2	1,2	-1,0
Валовое накопление основного капитала в реальном исчислении	IDI	2,2	1,2	-1,0
Индекс валового накопления основного капитала	I	2,4	1,4	-1,0
Банковские кредиты организациям в реальном исчислении	CTP	4,1	4,1	0,0
Банковские кредиты домохозяйствам в реальном исчислении	CHP	9,3	9,5	0,2
Индекс физического объема экспорта	EXP	4,3	3,9	-0,4
Индекс физического объема импорта	IMP	3,7	0,0	-3,7
Индекс обменного курса рубля к доллару	DOLLAR	4,0	1,8	-2,2
Денежная масса M2	M	9,1	7,6	-1,5
Реальные кассовые остатки	MP	5,9	6,2	0,3
Процентная ставка MIACR – номинальная	MIACR	0,107	0,101	-0,006
Процентная ставка MIACR – реальная	MIACRP	0,105	0,127	0,022

**Прогнозные варианты: базовый и с нулевым сальдо финансового счета
платежного баланса, среднегодовые темпы роста, %
(для процентных ставок – абсолютные значения)**

Эндогенная переменная	Символ	Базовый	Нулевое сальдо финансового счета	Разность
Индекс ВВП	Q	1,7	1,8	0,1
Индекс совокупного спроса	AD	1,0	1,8	0,8
Индекс внутреннего спроса	ID	1,1	1,6	0,5
Реальная зарплата (дефлятор CPI)	WCPI	1,5	1,6	0,1
Реальная зарплата (дефлятор ВВП)	WP	2,6	2,7	0,1
Чистый доход домохозяйств в реальном исчислении	INCOMECPI	0,8	0,9	0,1
Индекс потребительских расходов домохозяйств	C	0,9	1,1	0,2
Дефлятор ВВП	P	3,0	3,3	0,3
Индекс потребительских цен	CPI	4,1	4,3	0,2
Индекс валового накопления основного капитала	DI	3,3	3,4	0,1
Индекс цен на приобретаемые топливно-энергетические ресурсы	PEN	7,7	7,8	0,1
Чистая прибыль корпораций в реальном исчислении	NROKCP	0,2	0,3	0,1
Индекс физического объема основного капитала	KDI	2,2	2,5	0,3
Валовое накопление основного капитала в реальном исчислении	IDI	2,2	3,2	1,0
Индекс валового накопления основного капитала	I	2,4	3,4	1,0
Банковские кредиты организациям в реальном исчислении	CTP	4,1	4,3	0,2
Банковские кредиты домохозяйствам в реальном исчислении	CHP	9,3	9,4	0,1
Индекс физического объема экспорта	EXP	4,3	4,5	0,2
Индекс физического объема импорта	IMP	3,7	3,5	-0,2
Индекс обменного курса рубля к доллару	DOLLAR	4,0	4,6	0,6
Денежная масса M2	M	9,1	8,8	-0,3
Реальные кассовые остатки	MP	5,9	5,4	-0,5
Процентная ставка MIACR – номинальная	MIACR	0,107	0,102	-0,005
Процентная ставка MIACR – реальная	MIACRP	0,105	0,095	-0,010

Таблица 5.4

**Прогнозные варианты: базовый и с двукратным снижением
налоговых ставок, среднегодовые темпы роста, %
(для процентных ставок – абсолютные значения)**

Эндогенная переменная	Символ	Базовый	Двукратное снижение налоговых ставок	Разность
Индекс ВВП	Q	1,7	2,4	0,7
Индекс совокупного спроса	AD	1,0	2,1	1,1
Индекс внутреннего спроса	ID	1,1	3,1	2,0
Реальная зарплата (дефлятор CPI)	WCPI	1,5	2,4	0,9
Реальная зарплата (дефлятор ВВП)	WP	2,6	3,2	0,6
Чистый доход домохозяйств в реальном исчислении	INCOMECPI	0,8	6,8	6,0
Индекс потребительских расходов домохозяйств	C	0,9	5,4	4,5
Дефлятор ВВП	P	3,0	2,5	-0,5
Индекс потребительских цен	CPI	4,1	3,3	-0,8
Индекс валового накопления основного капитала	DI	3,3	3,0	-0,3
Индекс цен на приобретаемые топливно-энергетические ресурсы	PEN	7,7	7,6	-0,1
Чистая прибыль корпораций в реальном исчислении	NROKCP	0,2	8,0	7,8
Индекс физического объема основного капитала	KDI	2,2	3,4	1,2
Валовое накопление основного капитала в реальном исчислении	IDI	2,2	-2,2	-4,4
Индекс валового накопления основного капитала	I	2,4	-2,3	-4,7
Банковские кредиты организациям в реальном исчислении	CTP	4,1	4,2	0,1
Банковские кредиты домохозяйствам в реальном исчислении	CHP	9,3	12,7	3,4
Индекс физического объема экспорта	EXP	4,3	4,9	0,6
Индекс физического объема импорта	IMP	3,7	6,6	2,9
Индекс обменного курса рубля к доллару	DOLLAR	4,0	4,4	0,4
Денежная масса M2	M	9,1	8,0	-1,1
Реальные кассовые остатки	MP	5,9	5,5	-0,4
Процентная ставка MIACR – номинальная	MIACR	0,107	0,129	0,022
Процентная ставка MIACR – реальная	MIACRP	0,105	0,137	0,032

**Прогнозные варианты: базовый и с агрессивной фискальной политикой,
среднегодовые темпы роста, %
(для процентных ставок – абсолютные значения)**

Эндогенная переменная	Символ	Базовый	Активная фискальная политика	Разность
Индекс ВВП	Q	1,7	1,6	-0,1
Индекс совокупного спроса	AD	1,0	0,8	-0,2
Индекс внутреннего спроса	ID	1,1	1,0	-0,1
Реальная зарплата (дефлятор CPI)	WCPI	1,5	1,4	-0,1
Реальная зарплата (дефлятор ВВП)	WP	2,6	2,2	-0,4
Чистый доход домохозяйств в реальном исчислении	INCOMECPI	0,8	1,0	0,2
Индекс потребительских расходов домохозяйств	C	0,9	1,0	0,1
Дефлятор ВВП	P	3,0	3,5	0,5
Индекс потребительских цен	CPI	4,1	4,3	0,2
Индекс валового накопления основного капитала	DI	3,3	3,5	0,2
Индекс цен на приобретаемые топливно-энергетические ресурсы	PEN	7,7	7,9	0,2
Чистая прибыль корпораций в реальном исчислении	NROKCP	0,2	0,7	0,5
Индекс физического объема основного капитала	KDI	2,2	2,1	-0,1
Валовое накопление основного капитала в реальном исчислении	IDI	2,2	2,0	-0,2
Индекс валового накопления основного капитала	I	2,4	2,2	-0,2
Банковские кредиты организациям в реальном исчислении	CTP	4,1	3,9	-0,2
Банковские кредиты домохозяйствам в реальном исчислении	CHP	9,3	8,9	-0,4
Индекс физического объема экспорта	EXP	4,3	4,2	-0,1
Индекс физического объема импорта	IMP	3,7	3,9	0,2
Индекс обменного курса рубля к доллару	DOLLAR	4,0	4,0	0,0
Денежная масса M2	M	9,1	9,5	0,4
Реальные кассовые остатки	MP	5,9	5,9	0,0
Процентная ставка MIACR – номинальная	MIACR	0,107	0,109	0,002
Процентная ставка MIACR – реальная	MIACRP	0,105	0,099	-0,006

Таблица 5.6

**Прогнозные варианты: базовый и с высокими темпами роста трансфертов,
среднегодовые темпы роста, %
(для процентных ставок – абсолютные значения)**

Эндогенная переменная	Символ	Базовый	Быстрый рост трансфертов	Разность
Индекс ВВП	Q	1,7	1,7	0,0
Индекс совокупного спроса	AD	1,0	1,0	0,0
Индекс внутреннего спроса	ID	1,1	1,2	0,1
Реальная зарплата (дефлятор CPI)	WCPI	1,5	1,5	0,0
Реальная зарплата (дефлятор ВВП)	WP	2,6	2,6	0,0
Чистый доход домохозяйств в реальном исчислении	INCOMECPI	0,8	0,9	0,1
Индекс потребительских расходов домохозяйств	C	0,9	0,9	0,0
Дефлятор ВВП	P	3,0	3,0	0,0
Индекс потребительских цен	CPI	4,1	4,1	0,0
Индекс валового накопления основного капитала	DI	3,3	3,3	0,0
Индекс цен на приобретаемые топливно-энергетические ресурсы	PEN	7,7	7,7	0,0
Чистая прибыль корпораций в реальном исчислении	NROKCP	0,2	0,2	0,0
Индекс физического объема основного капитала	KDI	2,2	2,2	0,0
Валовое накопление основного капитала в реальном исчислении	IDI	2,2	2,2	0,0
Индекс валового накопления основного капитала	I	2,4	2,4	0,0
Банковские кредиты организациям в реальном исчислении	CTP	4,1	4,1	0,0
Банковские кредиты домохозяйствам в реальном исчислении	CHP	9,3	9,2	-0,1
Индекс физического объема экспорта	EXP	4,3	4,3	0,0
Индекс физического объема импорта	IMP	3,7	3,7	0,0
Индекс обменного курса рубля к доллару	DOLLAR	4,0	4,0	0,0
Денежная масса M2	M	9,1	9,1	0,0
Реальные кассовые остатки	MP	5,9	5,9	0,0
Процентная ставка MIACR – номинальная	MIACR	0,107	0,107	0,000
Процентная ставка MIACR – реальная	MIACRP	0,105	0,106	0,001

**Прогнозные варианты: базовый и с агрессивной денежной политикой,
среднегодовые темпы роста, %
(для процентных ставок – абсолютные значения)**

Эндогенная переменная	Символ	Базовый	Активная денежная политика	Разность
Индекс ВВП	Q	1,7	1,5	-0,2
Индекс совокупного спроса	AD	1,0	0,3	-0,7
Индекс внутреннего спроса	ID	1,1	1,4	0,3
Реальная зарплата (дефлятор CPI)	WCPI	1,5	1,2	-0,3
Реальная зарплата (дефлятор ВВП)	WP	2,6	2,2	-0,4
Чистый доход домохозяйств в реальном исчислении	INCOMECPI	0,8	0,7	-0,1
Индекс потребительских расходов домохозяйств	C	0,9	0,9	0,0
Дефлятор ВВП	P	3,0	3,1	0,1
Индекс потребительских цен	CPI	4,1	4,1	0,0
Индекс валового накопления основного капитала	DI	3,3	3,4	0,1
Индекс цен на приобретаемые топливно-энергетические ресурсы	PEN	7,7	7,8	0,1
Чистая прибыль корпораций в реальном исчислении	NROKCP	0,2	0,4	0,2
Индекс физического объема основного капитала	KDI	2,2	2,1	-0,1
Валовое накопление основного капитала в реальном исчислении	IDI	2,2	3,0	0,8
Индекс валового накопления основного капитала	I	2,4	3,2	0,8
Банковские кредиты организациям в реальном исчислении	CTP	4,1	5,0	0,9
Банковские кредиты домохозяйствам в реальном исчислении	CHP	9,3	11,5	2,2
Индекс физического объема экспорта	EXP	4,3	4,3	0,0
Индекс физического объема импорта	IMP	3,7	5,5	1,8
Индекс обменного курса рубля к доллару	DOLLAR	4,0	4,0	0,0
Денежная масса M2	M	9,1	10,2	1,1
Реальные кассовые остатки	MP	5,9	6,9	1,0
Процентная ставка MIACR – номинальная	MIACR	0,107	0,102	-0,005
Процентная ставка MIACR – реальная	MIACRP	0,105	0,098	-0,007

Таблица 5.8

**Прогнозные варианты: базовый и с высокими темпами роста
транспортных тарифов, среднегодовые темпы роста, %
(для процентных ставок – абсолютные значения)**

Эндогенная переменная	Символ	Базовый	Быстрый рост транспортных тарифов	Разность
Индекс ВВП	Q	1,7	1,6	-0,1
Индекс совокупного спроса	AD	1,0	1,1	0,1
Индекс внутреннего спроса	ID	1,1	1,2	0,1
Реальная зарплата (дефлятор CPI)	WCPI	1,5	1,5	0,0
Реальная зарплата (дефлятор ВВП)	WP	2,6	2,6	0,0
Чистый доход домохозяйств в реальном исчислении	INCOMECPI	0,8	0,8	0,0
Индекс потребительских расходов домохозяйств	C	0,9	0,9	0,0
Дефлятор ВВП	P	3,0	3,1	0,1
Индекс потребительских цен	CPI	4,1	4,1	0,0
Индекс валового накопления основного капитала	DI	3,3	3,5	0,2
Индекс цен на приобретаемые топливно-энергетические ресурсы	PEN	7,7	7,9	0,2
Чистая прибыль корпораций в реальном исчислении	NROKCP	0,2	0,3	0,1
Индекс физического объема основного капитала	KDI	2,2	2,2	0,0
Валовое накопление основного капитала в реальном исчислении	IDI	2,2	2,4	0,2
Индекс валового накопления основного капитала	I	2,4	2,6	0,2
Банковские кредиты организациям в реальном исчислении	CTP	4,1	4,1	0,0
Банковские кредиты домохозяйствам в реальном исчислении	CHP	9,3	9,2	-0,1
Индекс физического объема экспорта	EXP	4,3	4,3	0,0
Индекс физического объема импорта	IMP	3,7	3,8	0,1
Индекс обменного курса рубля к доллару	DOLLAR	4,0	4,0	0,0
Денежная масса M2	M	9,1	9,1	0,0
Реальные кассовые остатки	MP	5,9	5,9	0,0
Процентная ставка MIACR – номинальная	MIACR	0,107	0,106	-0,001
Процентная ставка MIACR – реальная	MIACRP	0,105	0,103	-0,002

**Прогнозные варианты: базовый и с высокими темпами роста ВВП
стран – членов ОЭСР, среднегодовые темпы роста, %
(для процентных ставок – абсолютные значения)**

Эндогенная переменная	Символ	Базовый	Высокий рост стран ОЭСР	Разность
Индекс ВВП	Q	1,7	1,8	0,1
Индекс совокупного спроса	AD	1,0	1,1	0,1
Индекс внутреннего спроса	ID	1,1	0,3	-0,8
Реальная зарплата (дефлятор CPI)	WCPI	1,5	1,4	-0,1
Реальная зарплата (дефлятор ВВП)	WP	2,6	2,6	0,0
Чистый доход домохозяйств в реальном исчислении	INCOMECPI	0,8	0,7	-0,1
Индекс потребительских расходов домохозяйств	C	0,9	0,8	-0,1
Дефлятор ВВП	P	3,0	3,2	0,2
Индекс потребительских цен	CPI	4,1	4,4	0,3
Индекс валового накопления основного капитала	DI	3,3	3,4	0,1
Индекс цен на приобретаемые топливно-энергетические ресурсы	PEN	7,7	7,9	0,2
Чистая прибыль корпораций в реальном исчислении	NROKCP	0,2	0,1	-0,1
Индекс физического объема основного капитала	KDI	2,2	2,3	0,1
Валовое накопление основного капитала в реальном исчислении	IDI	2,2	-0,6	-2,8
Индекс валового накопления основного капитала	I	2,4	-0,2	-2,6
Банковские кредиты организациям в реальном исчислении	CTP	4,1	4,5	0,4
Банковские кредиты домохозяйствам в реальном исчислении	CHP	9,3	9,6	0,3
Индекс физического объема экспорта	EXP	4,3	6,7	2,4
Индекс физического объема импорта	IMP	3,7	3,5	-0,2
Индекс обменного курса рубля к доллару	DOLLAR	4,0	4,5	0,5
Денежная масса M2	M	9,1	9,2	0,1
Реальные кассовые остатки	MP	5,9	5,9	0,0
Процентная ставка MIACR – номинальная	MIACR	0,107	0,119	0,012
Процентная ставка MIACR – реальная	MIACRP	0,105	0,116	0,011

Mitsek Sergey Aleksandrovich,

Doctor of Economics, Associate Professor,

Head of Finance and Credit Chair,

Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg)

Mitsek Elena Borisovna,

Doctor of Economics, Professor of Management and Marketing Chair,

Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg)

**An econometric model of the Russian Federation, version 2019:
the main results**

The article presents the results of the current version of the authors' econometric model of the Russian economy, the parameters of which were estimated based on quarterly data from 1999–2018. The model shows the ongoing stagnation of total factor productivity, the strong dependence of the Russian economy on demographic and international factors, and low efficiency of fiscal and monetary policies. The model also showed a stronger dependence of Russian inflation on fiscal rather than monetary factors, and a lack of liquidity, as a constraint on investment. Based on the model, the forecast of the Russian economy for 2019 – 2022 was obtained. In the base variant, it shows relatively low GDP growth rates (1–2% per year) with low inflation (3–4% per year). A noticeable acceleration of growth rates is possible only with a sharp increase in export prices, which is unlikely to happen soon. Therefore, the main focus of the economic policy of the coming years should be to increase the total factor productivity by creating a favorable investment climate and increasing investments in science and education.

Keywords: econometric model; macroeconomic; Russian economy; impulse multipliers; forecasts.

Востребованность работника «нового типа» и его компетенций в российской экономике¹

В статье предпринята попытка обобщения свойств и качеств нового типа работника, которые широко востребованы в постиндустриальной экономике с успешно развивающимися цифровой и креативной индустриями. Было выявлено, что этот тип отличает ситуативное владение не только сугубо профессиональными, но и «новыми» знаниями (связанными с использованием на практике новейшей техники, IT-технологий, сетевых ресурсов), а также комплексом универсальных компетенций (креативность, системное мышление, умение работать в команде и т. п.). Данные социологических опросов говорят о том, что эти компетенции российские работодатели считают стратегически важными для развития отечественной экономики в перспективе, но не всегда востребованными на практике. На примере Вологодской области было определено, что большей гибкостью к набору работников «нового типа» обладают организации социальной сферы, а меньшей – предприятия реального сектора экономики и торговля (которые более заинтересованы в низко- и неквалифицированном труде). Подобную расстановку приоритетов помимо прочего определяет доверие/недоверие к деятельности структур, занимающихся подготовкой кадров для отрасли. Соответствующие тренды стимулируют релокацию трудовых ресурсов в пользу территорий с развитым инновационным производством. Это является важной социально-экономической проблемой для ряда регионов, решить которую возможно за счет поддержки развития образовательной и больничной сети (особенно в сельских поселениях).

Ключевые слова: труд; постиндустриальная экономика; «новый тип» работника; предметные знания; универсальные компетенции; «новые знания».

Современная (постиндустриальная) экономика характеризуется повышением роли знаний и информации во всех сферах общественной жизни, смещением «центра тяжести от производства товаров к производству услуг», а также появлением профессий с высокой когнитивной насыщенностью («белые воротнички», средний класс) [11, с. 60–78]. В этой связи многие страны мира прибегают к усилению инвестирования в образование, дистанционное (онлайновое) обучение и программы переподготовки кадров.

Поддержка высококвалифицированного труда, основанного на «знаниевых» компетенциях, – также один из лейтмотивов современной российской экономической политики. Согласно национальному проекту «Производительность труда и поддержка занятости» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам 24 сентября 2018 г.), к 2024 году в регионах РФ запланировано создание широкой (более 60 организаций) сети центров компетенций в области повышения производительности труда, а также разработаны новые образовательные стандарты «Бережливое производство», «Научная организация труда» и т. д. [2]. Подобные меры для страны весьма актуальны, поскольку в рейтинге конкурентоспособности мирового рынка труда «The Naus

* **Максим Александрович Головчин**, канд. экон. наук, старший научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» (г. Вологда).

E-mail: mag82@mail.ru

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00811 «Smart-образование как вектор развития человеческого потенциала молодого поколения».

Global Skills Index – 2019» Российская Федерация (рейтинг – 6,1 ед.) уступает ближайшим соседям – Китаю, Чехии, Венгрии, Польше, Румынии и целому конгломерату государств Центральной Европы [35]. Эксперты также отмечают рост в России уровня давления на зарплаты на должностях, требующих высокой квалификации, и то, что трудовое законодательство не успевает за «стремительно меняющимися современными потребностями сотрудников и работодателей» [35].

Новый тип работника («работник 2.0», информационный работник, работник знаний, когнитариат, креативный класс), который отличается применением особых знаний и навыков на практике, рассматривается в науке начиная с 70-х годов XX в. (Г. Маркузе, М. Кастельс, В. Л. Иноземцев и др.). Отмечается, что появление работника «нового типа» сопровождается комплексом исторически сложившихся социально-экономических предпосылок, в том числе:

- расширением наукоемких производств, производства информации, секторов Hi-Tech технологий, сервисных и креативных индустрий (при одновременном сокращении традиционного производства и занятых в нем рабочих) [13];

- универсализацией труда (означающей преодоление границы между физическим и умственным трудом) [13];

- внедрением в экономику модели «бережливого производства» (основанной на «командной работе» с вовлечением в процесс управления организацией рядовых сотрудников), которая сменила традиционный подход к организации труда (тейлоризм, фордизм) [8, с. 429–437];

- «выходом» на рынок труда поколения миллениалов, которое имеет специфические жизненные установки и плотно интегрировано в цифровую среду [34];

- развитием нестандартных форм занятости (надомная занятость, самозанятость, удаленная занятость, сверхзанятость, неполная занятость, временная занятость и т. п.), которые постепенно перестают быть социально-экономической аномалией [5];

- автоматизацией (роботизацией) труда, в ходе которой ряд традиционных профессий переходят в категорию «пенсионеров» (это около половины всех профессий, таких как туроператоры, таксисты, переводчики, банковские операционисты и т. д.) [34].

В результате воздействия этих предпосылок нематериальные активы (творчество, креативность, высокая квалификация) становятся сквозными качествами специалиста [13], а знания, информация и социальные инновации – не только главными экономическими ресурсами, но и важными конкурентными преимуществами профессионала [36].

В науке не сформировалось единого мнения, каким должен быть работник, чтобы удовлетворять потребностям постиндустриального общества (табл. 1). Представители креативного подхода (Р. Флорида и др.) утверждают, что в обществе сформировался «креативный класс», члены которого привыкли творчески осмысливать профессиональные обязанности. Представители информационного подхода (Ф. Уэбстер и др.) считают главным признаком работника «нового типа» возможность восприятия информации, которая только в процессе труда становится осознаваемой [24]. Исследователи, опирающиеся на когнитивный подход (W. Kucharska, G. S. Erickson, V. Pérez-Díaz, J. C. Rodríguez и др.), подчеркивают высокий уровень накопленной квалификации у современного работника (поэтому они называют их «работниками знаний») [34; 31; 33]. Сторонник когнитивного подхода Т. Е. Андреева уточняет, что с этой позиции Россия является исключением из общего правила, так как при высоком уровне представительства «работников знаний» с вузовским образованием на российском рынке труда их востребованность крайне низка [1, с. 32–49]. Представители психологического подхода (J.-P. Durand, А. Л. Темницкий, С. Г. Климова, Р. Н. Абрамов и др.) подчеркивают

особые внутренние качества работников 2.0: автономность, гибкость, адаптивность, мобильность, конкурентоориентированность, инициативность [7; 20; 29].

Таблица 1

**Качества работника эпохи постиндустриальной экономики
в зарубежной и отечественной научной мысли***

Автор	Качество	Подход
Р. Флорида	Высокая креативность, выражающаяся в способности производить идеи в рамках мыслительной деятельности	Креативный
Ф. Уэбстер	Использование информации в профессиональных целях	Информационный
W. Kucharska, G. S. Erickson	Владение IT-знаниями	
B. Charles Henry	Высокий уровень концентрации неявных знаний по своей профессии, умение ими пользоваться на практике	
V. Pérez-Díaz, J. C. Rodríguez	Высокая квалификация, которой должно быть достаточно для работы с автоматизированной техникой, машинами, роботами	Психологический
J.-P. Durand	Динамично растущая ответственность за результаты труда; высокая степень инициативности и энтузиазма на рабочем месте; расширенная область профессиональной автономии	
А. Л. Темницкий	Приоритет ценностей профессионализма над отношениями лояльности в отношениях с руководством; придание значимости своей конкурентоспособности на рынке труда; укрепление партнерских (диалоговых, формальных и контрактных) и ослабление патерналистских (монологических, неформальных и контактных) отношений с руководством; стремление использовать имеющиеся и новые возможности для повышения интенсивности и качества труда, а не для сохранения достигнутого результата	
С. Г. Климова, Р. Н. Абрамов	Флексибельность (гибкость), профессиональная мобильность, адаптивность (готовность осваивать новые знания и профессии, готовность к жесткой конкуренции на рынке труда), готовность работать в ситуации риска и неопределенности	Интегральный
К. В. Патырбаева	Высокая квалификация (профессионализм); высокий уровень креативности (творческой одаренности); делегирование наиболее шаблонных (рутинных) трудовых операций системам автоматов; новые трудовые ценности (возможность проявления творчества в трудовой деятельности, «меритократия» (необходимость признания заслуг со стороны коллег, самостоятельность в трудовом процессе, самосовершенствование, высокая оплата труда); нацеленность на формирование специальных навыков непосредственно в процессе трудовой деятельности	
Т. Е. Андреева	Использование в рамках исполнения трудовых обязанностей ресурсов, с высокой долей информации; высокая доля использования умственного труда в выполняемой работе; свободный (автономный) характер труда; высокий относительный уровень образования (значительно выше, характерного для большинства работников); способность создавать новое знание	

* Источники: [1; 7; 20; 24; 31; 33; 34].

Мы считаем, что работники «нового типа» в настоящее время становятся носителями ряда «мягких» профессиональных компетенций (коммуникационно-деловых навыков и цифровой грамотности) как совокупности знаний, умений,

ценностей, а также способов их достижения и реализации, которые помогают специалисту адаптироваться к современным требованиям рынка труда [17, с. 266–269].

Отметим, что одна из первых масштабных попыток обобщить компетенции, необходимые для личности и работника, была предпринята в 1996 г. в докладе Совета Европы «Ключевые компетенции для Европы» («Key competencies for Europe») [32]. Однако понимание компетенций в этом документе было сильно утрированным. Выделялось всего пять важных для европейца компетенций (политико-социальная, информационная, мультикультурализм, владение устной и письменной коммуникацией), которые далеко не всегда можно было назвать отвечающими «духу времени».

Еще одна (более удачная) попытка обобщения была предпринята в 2017–2018 гг. в рамках международного проекта «Ключевые компетенции и новая грамотность»². Участниками проекта были обобщены компетенции, которые способны «эффективно мобилизовать знания и умения для решения задач в новых, нестандартных ситуациях» [22]. При этом они в корне отличаются от так называемых предметных знаний. В этом случае был применен более расширенный подход, который ключевые компетенции XXI века рассматривает не только в образовательном, но и в ценностном контексте (табл. 2).

Таблица 2

**Компетенции постиндустриального общества
(по версии проекта «Ключевые компетенции и новая грамотность»)³**

№ п/п	Категория	Типы	Навыки
1	Универсальные компетенции	Компетентность мышления	понимание, анализ и интерпретация задачи, выбор и применение вариантов для решения комплексных задач, креативное мышление, изобретательность, системное мышление; симуляционное моделирование комплексных процессов и явлений и т. д.
		Компетентность взаимодействия	кооперативность, способность к сотрудничеству, совместной работе, способность договариваться, разрешать конфликты, осознавать противоречия, саморегуляция, самоконтроль, самоорганизация и т. д.
2	Новая грамотность	Базовая инструментальная грамотность	умение пользоваться современными инструментами коммуникации, способность воспринимать и создавать информацию в различных форматах, способность применять математические инструменты, моделирование в повседневной жизни и цифровой среде и т. д.
		Базовые специальные знания и умения	гражданская, экологическая, научно-технологическая, правовая и финансовая грамотность, грамотность в области здорового образа жизни
		Глобальная компетентность	рассмотрение проблем с локальных, глобальных, межкультурных позиций, понимание и уважение точки зрения других людей, участие в открытом и эффективном взаимодействии с представителями различных культур и т. д.

В этом ракурсе рассматриваются два типа компетенций: 1) универсальные – не знания, умения, навыки, а собственно коммуникационно-деловые качества, которые напрямую не касаются выполнения узкопрофессиональных обязанностей, а

² В проекте приняли участие научно-образовательные организации Великобритании, Канады, Китая, Южной Кореи, Польши, Финляндии, США и Российской Федерации. Россию представляли Высшая школа экономики и Московский городской педагогический университет.

³ Источник: [22].

являются инструментом реализации рабочих функций в новых организационных условиях); 2) «новая грамотность» – навыки, опять же характерные не для узкого специалиста, а для тех, кто будет осуществлять свою работу в пространстве цифровой среды, мультикультурализма, толерантности, здоровьесбережения и т. д.

Эксперты также указывают, что специфика современных работников помимо прочего кроется в сфере мотивации. Так, их в меньшей степени можно стимулировать к труду страхом, угрозами и выговорами, а в большей – созданием комфортной рабочей среды, четким целеполаганием, гибким графиком работы, усилением использования digital-элементов на работе [14].

Таким образом, система компетенций работника «нового типа», которую вполне можно назвать их отличительным маркером на рынке труда, расширяет представление о кадрах организации (предприятия) не только и не столько как об узких специалистах, но и как об обладателях всесторонних и актуальных ценностных ориентаций, навыков, которые обеспечивают адаптацию к условиям цифровой экономики, быстроменяющегося мира и напрямую не принадлежат «миру профессии».

В то же время если востребованность нового типа работника в крупных мировых экономиках не подвергается сомнению (ярким примером этого является кадровая политика IBM, Google, Apple, Facebook и т. д.), то потребность в таких кадрах со стороны российских компаний отнюдь не является свершившимся фактом. Прежде всего, обращает на себя внимание то, что в отечественной экономике большая доля (16 %) занятых в 2018 г. приходится на торговлю, а сравнительно меньшая (9 %) – на образование и здравоохранение, информатизацию и связь; организацию досуга и развлечения (по 1,8 %), а также операции с недвижимым имуществом (1,7 %) [18, с. 59–60]. В странах Европы, наоборот, значительная часть (25 %) населения занята исключительно в социальных отраслях, где «креативный класс» наиболее востребован [18, с. 59–60]. Вместе с тем некоторые авторы утверждают, что в России пока не сформированы единые требования к рабочим компетенциям персонала [27].

Определение потребности российской экономики в качестве рабочей силы уже давно стало предметом различных мониторинговых исследований. Так, по данным исследования Левада-Центра, проведенного в 2005 г., несмотря на значительную востребованность универсальных компетенций работника 2.0, в ходе рекрутинга персонала большинство (более 80 %) работодателей в первую очередь обращают внимание на наличие у соискателя опыта работы, диплома об образовании, а уже затем – на его профессиональные качества, компетенции (61 %) [21].

Согласно данным опроса работодателей, проведенного в 2005–2007 гг. в Ханты-Мансийском автономном округе, наиболее востребованной на рынке труда является исполнительская дисциплина (98 %), а уже потом учитываются коммуникативные компетенции работника (86 %), его успехи в командной работе (85 %) и освоении новых технологий (83 %) [4, с. 96–404].

В рамках реализации на территории Воронежской области проекта программы ЕС «COMPLETE – Создание центров по развитию компетенций и навыков трудоустройства» (2016 г.) О. Н. Беленов и И. В. Шилова представили общую классификацию компетенций, наиболее востребованных среди руководителей: а) общепрофессиональные (грамотный русский язык, понимание бизнес-процессов и технологических процессов производства и т. д.); б) коммуникационные (работа в команде для достижения общих целей, умение выстроить контакты, умение вести переговоры и т. д.); в) поведенческие (дисциплинированность, эффективное использование рабочего времени, стрессоустойчивость, ответственность, самостоятельность и т. д.); г) аналитические (обучаемость, инициативность, системность и прогностичность мышления и т. д.) [3, с. 57–63].

На основании проведенного в 2018 г. контент-анализа сетевых ресурсов О. Н. Баева и Н. П. Шерстянкина пришли к выводу, что наиболее востребованными у российских работодателей являются общепрофессиональные компетенции (навыки работы с компьютером и офисным оборудованием, грамотный русский язык), коммуникационные компетенции (коммуникабельность, навыки ведения переговоров), поведенческие характеристики (активность, работа на результат, дисциплинированность) и аналитические компетенции (стремление к профессиональному росту и развитию) [2, с. 835–850]. Правда, следует оговориться, что исследователи формировали свои выводы на примере вакансий менеджеров по продажам, что не позволяет распространить их на весь рынок труда.

Другими словами, в настоящее время требования работодателей к работнику можно представить в качестве следующей теоретической схемы: 1) базовый уровень – наличие образования и предметных знаний по специальности; 2) дополнительный уровень (значимость которого со временем все увеличивается) – новая грамотность (в том числе в ИКТ-технологиях) и универсальные компетенции. Правда, нельзя сказать, что это общее правило для всех территорий России. Ведь, согласно выводам специалистов ФГБУН ВолНЦ РАН, подготовка «работников знаний» (носителей компетенций) далеко не во всех случаях является фактором модернизации российской экономики [9, с. 138–153]. В ряде регионов неразвитым остается инновационное производство, в целом актуальны проблемы ротации кадров, поэтому работодатели часто не строят кадровую политику «с оглядкой» на работников «нового типа».

Для прояснения этих позиций в исследовании мы проанализировали данные социологического опроса руководителей предприятий, который проводился в августе – декабре 2015 г. на территории Вологодской области. В опросе приняли участие 711 работодателей. В состав выборки из государственных и муниципальных предприятий вошли 22 % респондентов, из товариществ, производственных кооперативов, акционерных обществ – 51 %; из индивидуальных предприятий – 25 %, из общественных организаций – 1,3 % [16, с. 217].

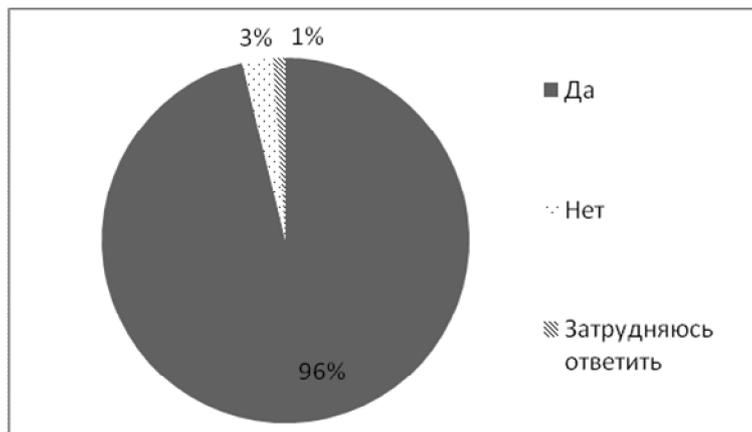


Рис. Распределение ответов работодателей Вологодской области на вопрос: «Изменяются ли в ближайшие годы требования к профессиональным компетенциям работников?» (в % от числа опрошенных)⁴

Результаты опроса показали, что повестка сегодняшнего дня вовсе не чужда для экономических агентов, они ее очень хорошо понимают (рисунок). Большая часть (96 %) работодателей согласна с тем, что вызовы к экономике требуют соответствующих изменений требований к компетенциям работника [16, с. 218].

⁴ Составлено по: [16].

В первую очередь эти трансформации работодатели видят в усилении имеющихся требований к профессиональным навыкам (36 %), и во вторую – в появлении «цифровых работников», обладающих компьютерной грамотностью и высокой адаптивностью к новейшим технологиям [16, с. 218]. Как менее актуальные для современности оцениваются общий уровень культуры специалиста и базовые (предметные) школьные знания (менее 10 %) [16, с. 218].

Подобные воззрения гипотетически должны отражаться и на процессе отбора работодателями претендентов на рабочее место в своей организации. Однако в первую очередь респонденты в рамках рекрутинга обращают внимание на уровень развитости у соискателя предметных знаний и опыта (90 и 69 % соответственно), что они же сами считают не столь актуальным для современного рынка труда [16, с. 217–218]. При этом обладание базовыми профессиональными знаниями является основополагающим фактором при отборе специалистов для всех отраслей без исключения. Наличие стажа работы более значимо в сфере общественного транспорта (где опыт профессиональной деятельности часто является гарантом безопасности пассажиров) – 100,6 п., менее значимо – в социальных отраслях (изо всех сил старающихся преодолеть проблему «старения кадров») – 100 п. (табл. 3⁵).

Таблица 3

**Требования работодателей Вологодской области
при приеме специалистов на работу
в зависимости от сферы экономической деятельности (индекс*)**

Критерий	Сфера деятельности организаций**							
	1	2	3	4	5	6	7	8
Предметные знания (профессиональная компетентность)	100,8	100,7	100,7	100,7	100,8	100,9	101,0	100,8
Компетентность взаимодействия (развитые личные и деловые качества)	100,5	100,4	100,5	100,6	100,4	100,8	100,8	100,6
Коммуникативная компетенция (знание иностранных языков)	99,1	99,0	99,1	99,1	99,0	99,2	99,2	99,1
Базовая инструментальная (базовый уровень компьютерной грамотности) компетентность	99,7	99,6	99,8	100,0	99,8	100,1	100,7	100,3
Когнитивная компетенция (уровень успеваемости)	99,3	99,4	99,5	99,4	99,2	99,6	100,0	99,6
Компетентность мышления (наличие опыта написания научных статей, участия в конференциях и т. д.)	99,0	99,0	99,1	99,0	99,0	99,1	99,6	99,1
Наличие диплома престижного учебного заведения	99,1	99,2	99,3	99,2	99,2	99,5	99,3	99,5
Наличие опыта работы по специальности	100,4	100,2	100,5	100,4	100,6	100,5	100,0	100,1
Знание специфики профессиональной деятельности	100,2	100,3	100,3	100,3	100,5	100,5	100,5	100,1

Примечания:

* Индекс вычислялся на основе ответов работодателей на вопрос анкеты «Оцените важность различных критериев при отборе молодых работников для вашей организации» как разницы удельного веса ответов «важно» и «скорее важно» и ответов «совсем не важно» и «более или менее важно», к которой прибавлялось 100 (чтобы в итоге не иметь отрицательных значений).

** 1) сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство; 2) обрабатывающие производства; 3) строительство; 4) торговля; 5) транспорт и связь; 6) операции с недвижимостью; 7) образование; 8) здравоохранение и предоставление социальных услуг.

⁵ Составлено по: [16].

Компетенции, связанные с продуктивным использованием современного оборудования («новая грамотность»), на региональном рынке труда востребованы далеко не всегда. Так, умение пользоваться компьютерной техникой более всего поощряется при приеме на работу в сферах образования, здравоохранения, торговли и недвижимости (83 %) [16, с. 218]. В секторах «реальной экономики», напротив, владение соискателем информационно-коммуникационными технологиями (ИКТ) является важным только для 30 % работодателей [16, с. 218]. Факт сносного владения иностранными языками (глобальная компетентность) не играет решающей роли при приеме на работу ни в одной из анализируемых отраслей. Подобное можно сказать и о наличии у работников исследовательской компетенции (особенно это заметно на примере коммерческих организаций, где на публикационную или патентную активность соискателя никто из работодателей не обращает внимания).

Прежде всего, подобная разница связана с моделями кадровой политики, которые практикуют различные экономические агенты. Организации социальной сферы (в которых действуют четкие и строгие профессиональные стандарты), например, в большей мере склонны формировать кадровый состав за счет включения профессионалов, обладающих весьма специфическими знаниями и навыками работы (согласно данным опроса, в образовании такой модели придерживается 71 % работодателей, в здравоохранении – 91 %) [16, с. 217]. Наличие этих узких компетенций становится мерилем предложения рабочей силы в этих организациях, так как от профессионализма сотрудников зависит очень многое – качество образования обучающихся, безопасность и здоровье пациентов. Организации реального сектора экономики, напротив, в условиях слабости (отсутствия) инновационных форм деятельности, а также высокой потребности в низкоквалифицированном (неквалифицированном) труде чаще других при приеме на работу ориентируются на работоспособность соискателя [16, с. 218]. Такая управленческая модель свойственна, главным образом, таким отраслям, как обрабатывающая промышленность (71 %), сельское хозяйство (67 %), операции с недвижимостью (67 %), строительство (64 %), торговля (60 %), хотя она касается и ряда других сфер [16, с. 217].

Недооцененными со стороны работодателей остаются компетентности мышления и взаимодействия работника «нового типа» (универсальные компетенции). Особо стоит остановиться на том, что работодатели склонны преуменьшать значимость наличия у соискателей креативного потенциала (14 %), несмотря на то что зарубежными экспертами он считается ключевой позицией в профессиональной подготовке современных специалистов [30, с. 40–45]. Особенно редко творчество и инициативность работников учитываются в отраслях «реальной экономики» – на производстве (16 %), строительстве (15 %), в сельском хозяйстве (14 %), транспорте и связи (9 %); выше – в образовании (25 %) и здравоохранении (21 %) [16, с. 217–218]. Определенную роль в этом играет скепсис работодателей в отношении креативности, которая рассматривается ими в качестве условия излишней либерализации трудовой дисциплины. В своей организации они склонны создавать не стимулы, а преграды этой активности. В частности, поэтому творческие способности (изобретательность, рационализаторство) в сфере труда в полной мере используют только 25 % работающего населения⁶. Это заставляет задуматься о перспективах инновационного развития страны и ее регионов.

Немаловажным аспектом в формировании запроса экономики в отношении необходимых компетенций также является недоверие к профессиональной подготовке специалистов со стороны работодателей. Среди тех, кто считает квалификацию молодых работников не соответствующей требованиям мест, значительная

⁶ Составлено по: [15, с. 125–144].

часть (60 %) склонна обвинять в этом современную систему образования [16, с. 219–220]. Это мнение получило распространение в обрабатывающих отраслях (77 %) и сельском хозяйстве (73 %), но особенно масштабно проявляет себя в образовании и здравоохранении (80 и 100 % соответственно) [16, с. 219–220]. Поэтому работодатели часто пытаются в отношении профессиональных знаний работника действовать по принципу «моя организация – это лучшая кузница кадров». Отметим, что среди носителей подобных взглядов большая часть (74 %) – это те, кто считает важным не консервацию, а развитие сотрудничества с образованием для составления и корректировки «гибких» программ подготовки кадров с учетом интересов экономики, а также реализации целевого заказа [16, с. 219–220]. Для справки: при этом лишь треть опрошенных работодателей на самом деле сотрудничает со сферой подготовки кадров [16, с. 219–220].

Таким образом, в настоящее время в российском экономическом пространстве появляется новый тип работника, более гибкий к цифровой среде и обладающий рядом специфических маркеров (новые знания и универсальные компетентности, которые раздвигают границы между различными профессиями, облегчают трудовую мобильность). Однако вопрос о востребованности этих специалистов весьма неоднозначен. Бывает, что в российских регионах рынок труда скорее заинтересован в обычном специалисте, способном, главным образом, осуществлять свои должностные полномочия на «необходимом минимуме» (что мы видим на примере Вологодской области). Недоверие к уровню подготовки в техникумах/вузах приводит к росту транзакционных издержек предприятий (организаций), направляемых на переобучение работников.

Подобная ситуация объясняется не только приверженностью работодателей традиционным методам в рекрутинге персонала. Свою роль играют сомнения в практической пользе труда «креативных работников», недостаток в секторе «реальной экономики» высококвалифицированных рабочих мест (к примеру, в Вологодской области в 2018 г. в строительных компаниях требовалось в 8 раз больше рабочих, чем специалистов с высшим образованием) [25, с. 6–7], а также недоверие, испытываемое к сфере подготовки кадров. При этом нельзя сказать, что это недоверие в полной мере является предубеждением. Все это приводит к дискредитации вклада «работников знаний» в развитие экономики.

Позиция работодателей, в свою очередь, приводит к релокации трудовых ресурсов. Работники «нового типа» с развитыми универсальными компетенциями и новыми знаниями в поиске подходящей работы покидают родной регион, чтобы устроиться на крупные предприятия инновационного типа (т.е. туда, где они будут востребованы). Так, по данным международной рекрутинговой кампании Naus, в 2017 г. 34 % занятых на рынке труда россиян планировали переезд в Москву, 24 % – в Санкт-Петербург [6]. Регионы Северо-Западного федерального округа (за исключением Санкт-Петербурга), например, считают привлекательными для миграции лишь 7 % [6]. Усиление трудовой миграции становится серьезным риском для социально-экономического развития территорий (особенно сельских). Так, по данным Росстата, в 2018 г. из всех сельских поселений, находящихся на территории Российской Федерации, выехало более чем на 69 тыс. чел. больше, чем приехало туда [26].

Исследование показало, что наиболее гибкими к набору работников «нового типа» являются организации социальной сферы, сеть которых активно сокращается в ходе так называемых оптимизационных мероприятий. По существу, именно они становятся наиболее привлекательными для трудоустройства представителей «поколения Z» (главным образом, за счет поощрения творческого характера труда, возможности работать в новых цифровых условиях, относительной самостоятельности, применения гибкого рабочего графика). Мы полагаем, что для выжи-

вания российских территорий в новых экономических условиях стратегически важно «свертывание» практики оптимизации образования, здравоохранения, науки. Дальнейшее развитие (а не сокращение) социального сектора может помочь закреплению молодых кадров, в том числе в сельских поселениях, что придаст новый импульс развитию региональной и муниципальной экономики. В этом плане необходимы разработка и реализация долгосрочных стратегий развития социальной подсистемы на региональном уровне, предусматривающих, помимо прочего, условия подготовки квалифицированных кадров в соответствии с потребностями рынка труда (передовой опыт в этом деле уже имеет Томская область) [19].

Литература

1. Андреева Т. Е. Работник интеллектуального труда: подход к определению // Вестник СПбГУ. Сер. 8. – 2007. – Вып. 4. – С. 32–49.
2. Баева О. Н., Шерстянкина Н. П. Выявление востребованных на рынке труда компетенций: опыт эмпирического исследования // Экономика труда. – 2018. – Т. 5, № 3. – С. 835–850. – DOI:10.18334/et.5.3.39426.
3. Беленов О. Н., Шилова И. В. Какие компетенции выпускников вузов востребованы на региональном рынке труда // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Экономика и управление. – 2017. – № 1. – С. 57–63.
4. Бобиенко О. М. Ключевые компетенции профессионала как конкурентное преимущество на рынке труда // Современная конкуренция. – 2008. – № 4. – С. 96–104.
5. Богатырева М. Р., Мухаметлатыпов Ф. У. Нестандартные формы занятости как угроза социальной безопасности трудовых ресурсов // Экономические исследования и разработки. – 2018. – № 12. – С. 28–32.
6. Исследование рынка труда и обзор заработных плат в России. – Hays, 2018. – 256 с. – URL: <https://hays.ru/wp-content/uploads/2019/02/HaysSalaryGuide2017.pdf> (дата обращения: 30.09.2019).
7. Климова С. Г., Абрамов Р. Н. Современный работник: концептуализация и эмпирическая проверка понятия // Мир России. Социология. Этнология. – 2010. – № 2. – С. 98–117.
8. Клочков Ю. П. «Бережливое производство»: понятия, принципы, механизмы // Инженерный вестник Дона. – 2012. – № 2. – С. 429–437.
9. Леонидова Г. В., Головчин М. А., Ласточкина М. А., Устинова К. А. «Работники знаний» и модернизация региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 3 (45). – С. 138–153. – DOI: 10.15838/esc.2016.3.45.8.
10. Молодежь современной России – ключевой ресурс модернизации : монография / А. А. Шабунова и др. – Вологда : Институт социально-экономического развития территорий РАН, 2013. – 148 с.
11. Орлов В. В., Гриценко В. С. Постиндустриальное общество и новая форма труда // Философия и общество. – 2012. – № 3. – С. 60–78.
12. Паспорт национального проекта «Производительность труда и поддержка занятости» : утв. Президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. № 16). – URL: <http://static.government.ru/media/files/Ki3g5TzKdmVyX2ogBvNTIxH3BQ6YFADA.pdf> (дата обращения: 30.09.2019).
13. Патырбаева К. В. Особенности современной формы труда и работник нового типа : монография. – Пермь : Пермский гос. ун-т, 2010. – 175 с.
14. Поколение Z и рынок труда в России. – Hays, 2019. – 26 с. – URL: https://hr-portal.ru/files/hays_issledovanie_pokolenie_z.pdf (дата обращения: 30.09.2019).
15. Попов А. В. Проблемы и перспективы развития мотивации творческой трудовой активности российских работников // Экономика труда. – 2019. – Т. 6, № 1. – С. 125–144.
16. Попов А. В. Требования работодателей к качественным характеристикам молодых работников (на примере Вологодской области) // Вестник НГУЭУ. – 2016. – № 4. – С. 215–223.
17. Разуваева Т. А. Компетентностный подход к образованию: краткий теоретический анализ // Вестник КГУ. – 2010. – № 1. – С. 266–269.

18. Россия и страны-члены Европейского союза. 2017 : стат. сб. / Росстат. – М., 2017. – 264 с.
19. Стратегии развития социальной сферы Томской области до 2022 года – быть! // Единая Россия : официальный сайт партии. – 2013. – 24 октября. – URL: <https://tomsk.er.ru/news/2013/10/24/strategii-razvitiya-socialnoj-sfery-tomskoj-oblasti-do-2022-goda-byt/> (дата обращения: 03.10.2019).
20. Темницкий А. Л. Социокультурная модель наемного работника рыночного типа // XI Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. – Кн. 2. – М. : Изд. Дом Высшей школы экономики, 2011. – С. 376–385.
21. Требования работодателей к системе профессионального образования / под ред. Т. Л. Клячко, Г. А. Краснова. – М. : МАКС Пресс, 2006. – 125 с.
22. Универсальные компетентности и новая грамотность: чему учить сегодня для успеха завтра. Предварительные выводы международного доклада о тенденциях трансформации школьного образования / И. Д. Фрумин и др. – М. : НИУ ВШЭ, 2018. – 28 с.
23. Устинова К. А., Губанова Е. С., Леонидова Г. В. Человеческий капитал в инновационной экономике. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2015. – 195 с.
24. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. – М. : Аспект Пресс, 2004. – 400 с.
25. Численность и потребность организаций Вологодской области в работниках по профессиональным группам на 31 октября 2018 года / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области. – Вологда, 2019. – 29 с.
26. Число выбывших по полу, возрасту и потокам передвижения / Росстат. – URL: <https://showdata.gks.ru/report/278006/> (дата обращения: 23.10.2019).
27. Чуланова О. Л. Актуальность компетентностного подхода в управлении персоналом // Наукоедение. – 2014. – № 5 (24). – URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/79EVN514.pdf> (дата обращения: 30.09.2019).
28. Шабунова А. А. Общественное развитие и демографические вызовы современности // Проблемы развития территории. – 2014. – № 2 (70). – С. 7–17.
29. Durand J.-P. Creating the New Worker: Work, Consumption and Subordination. – Springer, 2019. – DOI: 10.1007/978-3-319-93260-6.
30. Epstein R. Generativity Theory and Education // Educational Technology. – 1993. – Vol. 33 (10). – P. 40–45.
31. Henry B. C. Knowledge Workers // Journal of Knowledge Management Practice. – 2012. – Vol. 13, No. 3. – URL: <http://www.tlinc.com/articl314.htm> (дата обращения: 30.09.2019).
32. Hutmacher W. Key competencies for Europe. Report of the Symposium (Berne, Switzerland, 27–30 March, 1996). A Secondary Education for Europe. – Strasburg : Council for Cultural Co-operation (CDCC), 1997. – 72 p.
33. Kucharska W., Erickson G. S. Organizational IT Competency, Knowledge Workers and Knowledge Sharing // Proceedings of the 20th European Conference on Knowledge Management. – 2019. – Vol. 1. – P. 665–671.
34. Pérez-Díaz V., Rodríguez J. C. The future of work: new workers, new citizens : Research Paper 111(b). – ASP, 2017. – URL: <http://www.asp-research.com/sites/default/files/pdf/Asp%20paper%20111b.pdf> (дата обращения: 30.09.2019).
35. The Hays Global Skills Index 2019/20. – URL: https://hays.ru/wp-content/uploads/Hays-global-skills-index_23.09.pdf (дата обращения: 30.09.2019).
36. Toffler A. The Third Wave. – New York : William Morrow and Company, Inc., 1980. – 544 p.

Maxim Aleksandrovich Golovchin,

Cand. Sci. (Economics), Senior Researcher,

Federal State Budgetary University of Sciences “Vologda Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences” (Vologda).

**The demand for the “new type” employee and his competencies
in the Russian economy**

The article attempts to summarize the qualities of a new type of employee, which are widely in demand in the post-industrial economy with successfully developing digital and creative industries. This type enjoys a situational possession of both purely professional and “new” knowledge qualities (associated with the use of the latest technology, IT-technologies, network resources in practice), as well as a set of universal competencies (creativity, systemic thinking, ability to teamwork, etc.). The survey data suggest that Russian employers consider these competencies to be strategically important for the development of the domestic economy in the future. However, they are not always in demand in practice. Using the example of the Vologda Oblast, the author found that organizations of the social sphere have greater flexibility in the recruitment of “new type” workers, while enterprises in the real sector of the economy and trade (which are more interested in low and unskilled labor) have less flexibility. This prioritization is determined, among other things, by trust/distrust in the activities of training institutions for the industry. Relevant trends stimulate the relocation of labor resources in favor of territories with developed innovative production. This is an important socio-economic problem for several regions, which can be solved by supporting the development of the educational and hospital network (especially in rural settlements).

Keywords: labor; post-industrial economy; the “new type” of the employee; subject knowledge; universal competencies; “new knowledge”.

|| ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Механизм правового регулирования С. С. Алексеева как реализация системного подхода

Предметом анализа являются способы и методология, прежде всего, системный подход, научно-исследовательской деятельности выдающегося советского и российского ученого юриста – С. С. Алексеева, – которые были продемонстрированы им в работе «Механизм правового регулирования в социалистическом государстве» (1966). В качестве методов данной статьи можно назвать системный подход к мышлению в сфере правовых исследований, а также методологическую реконструкцию и биографический метод. В статье приведены наиболее активно используемые ученым принципы и постулаты системного подхода к анализу механизма правового регулирования. В качестве выводов обосновываются две гипотезы методологической работы ученого: системный подход как парадигма юриспруденции 60-х годов прошлого века и глубинный, собственно юридический, догматический анализ права как средство получения революционных для советской науки выводов о механизме правового регулирования.

Ключевые слова: методология; система; системный подход; целостность, структурность, взаимозависимость системы и среды, иерархичность, многоаспектность, сложность, целенаправленность, самоорганизация, механизм правового регулирования, право, нормы права, правоотношения, акты реализации, правоприменение.

1. Принципы системного подхода. С середины прошлого века системные исследования получают широкое распространение и популярность как в мировой научной среде, так и в СССР¹. Не обошел этот процесс стороной и советскую юридическую доктрину, где также начинает активно применяться системный подход, использование которого позволяет рассматривать и анализировать сложные правовые явления (объекты) как системы². Системный подход опирается на ряд принципов: **целостность, структурность, взаимозависимость системы и среды, иерархичность и многоаспектность** (множественность описания любой системы). А **система** обычно определяется как совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих элементов (компонентов), образующая определенную целостность, единство. **Целостность, единство** – это особое качество, или свойство, системы, выражающее принципиальную несводимость свойств системы к сумме свойств составляющих ее элементов и невыводимость из последних свойств целого (эмерджентность); оно означает также зависимость каждого элемента, свойства и отношения системы от его места, от его функций и т. д. внутри целого. **Структурность** означает возможность описания системы через установление ее структуры, т. е. сети связей и отношений внутри системы, а также обусловленность поведения системы не столько поведением ее отдельных элементов, сколько свойствами ее структуры – тем, каким образом входящие в систему элементы связаны друг с другом. При этом наблюдается определенная закономерность взаимодейст-

* **Алексей Павлович Семитко**, д-р юрид. наук, старший научный сотрудник РАН, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, декан юридического факультета, завкафедрой публичного права, профессор АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург); приглашенный профессор университетов Париж-Восток, Париж-Запад, Клермон-1 (Франция).

¹ См.: Новая философская энциклопедия : в 4 т. – Т. 3. – М., 2009. – С. 552–553, 558–560.

² См.: Алексеев С. С. Общие теоретические проблемы системы советского права. – М., 1961 ; Шабалин В. А. Системный анализ механизма правового регулирования // Советское государство и право. – 1969. – № 10. – С. 123–127 и др.

вия элементов системы, а именно: чем сильнее взаимосвязь между элементами системы, тем выше степень целостности самой системы. **Взаимозависимость системы и среды** показывает, что система формирует и проявляет свои свойства в процессе взаимодействия со средой, являясь при этом ведущим активным компонентом взаимодействия. **Иерархичность** означает, что каждый компонент системы в свою очередь может рассматриваться сам как отдельная система; а исследуемая в данном случае система представляет собой один из компонентов более широкой системы. **Многоаспектность описания системы** вытекает из того, что в силу принципиальной сложности любой системы ее адекватное познание требует построения множества различных моделей, каждая из которых описывает лишь определенный аспект системы. **Особо сложными** являются **целенаправленные** и **самоорганизующиеся** системы, которые соответственно подчинены достижению определенных целей и могут видоизменять свою структуру в процессе функционирования. В случае с механизмом правового регулирования можно говорить как о наличии у данной системы целей (упорядочения, урегулирования общественных отношений), т. е. о целенаправленности системы, так и о ее возможной самоорганизации – видоизменении структуры механизма правового регулирования в тех или иных ситуациях (появление при наличии соответствующей потребности правоприменения как дополнительного компонента механизма; изменение в нормативной основе последнего ввиду принятия необходимого официального интерпретационного акта либо формирования правоположений судебной практики и т. д.)³.

2. Системный подход как необходимая методология для анализа механизма правового регулирования (МПР). Все вышеперечисленные принципы системного подхода были реализованы в работе С. С. Алексеева «Механизм правового регулирования в социалистическом государстве», опубликованной в 1966 году. Ученый прямо обозначил, что в данном исследовании он будет ориентироваться на использование метода системного анализа, который «характеризует отдельные явления в качестве составных частей единых систем и “направлен на выявление связей, причем не отдельных, а целого комплекса влияющих друг на друга связей”»⁴. Системный подход просматривается явно уже на первой странице работы – в Предисловии, в постановке цели исследования: «...выяснить механизм воздействия права на общественную жизнь, его основные части, соотношение этих частей между собой»⁵. Позже эта мысль дается с определенными уточнениями: «Цель данной работы – выяснить механизм *специальных юридических средств*, обеспечивающих воздействие права на общественную жизнь, их соотношение и специфические функции»⁶. Основные части, компоненты, или элементы, и их соотношение между собой, их специфические функции – это несколько признаков из определения системы, которое было приведено выше, и одновременно несколько принципов системного подхода. К характеристике методологических оснований своего исследования ученый возвращается и далее, отмечая, что советская юридическая наука проводит юридический анализ не только на основе «глубокого понимания экономической и классовой сущности права» (классического и фундаментального для того времени марксистско-ленинского методологического требования), но и на основе системного подхода, который автор

³ См.: Новая философская энциклопедия. С. 552–553.

⁴ Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. – М., 1966. – С. 4. Ученый цитирует в этом фрагменте работу одного из ведущих советских исследователей системного подхода: Садовский В. Н. Методологические проблемы исследования объектов, представляющих собой системы // Социология в СССР. – Т. 1. – М., 1965. – С. 173.

⁵ Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. С. 3.

⁶ Там же. С. 48.

называл близким, синонимичным термином «системный анализ». По поводу последнего и того, как он меняет видение правовых явлений, ученый пишет: «Наша наука, в особенности в последние годы, осуществляет системный анализ и в соответствии с этим видит в нормах права, правоотношениях, толковании нормативных актов и т. д. не обособленные, изолированные друг от друга правовые явления, а единый механизм правового регулирования, обеспечивающий активное воздействие права на общественные отношения»⁷, т. е. видит в механизме правового регулирования (далее – МПР) не простую (суммативную) совокупность, а органическое системное образование, т. е. единую, целостную динамическую систему, поведение которой подчинено достижению цели активного воздействия права на общественные отношения, необходимого для их упорядочения, урегулирования.

Описав в цитируемом высказывании последствия изменения ракурса видения правовых явлений при использовании юридической наукой системного анализа, ученый пишет: «Изучение права в рамках проблемы правового регулирования имеет *методологическое* значение. Здесь конкретно выражается диалектико-материалистический подход при истолковании правовых явлений»⁸. По сути дела, предметом исследования является право в его воздействии на общественные отношения – право в динамике, право в «работе», а методом – материалистическая диалектика и системный подход. Поэтому трудно согласиться с мнением С. П. Нарыковой, высказанным ею в весьма интересной и глубокой диссертации «Системный подход к исследованию механизма правового регулирования», о том, что «в советской юридической науке первым опытом системного исследования права явилась монография С. С. Алексеева “Структура советского права”»⁹. Но ведь книга «Механизм правового регулирования...», где, как мы видим, опыт системного исследования права выступает в качестве важнейшего источника знания, была опубликована на 9 лет раньше «Структуры советского права» (1975), не говоря уже о работе С. С. Алексеева «Общие теоретические проблемы системы советского права» (1961), которая написана еще раньше «Механизма...».

С. С. Алексеев показывает также, что избранный методологический ракурс предопределен предметом исследования, ибо уже в самой категории «правовое регулирование» заложен потенциал системного анализа, который требует рассматривать явления как комплекс взаимосвязанных и взаимодействующих друг с другом элементов (юридических средств, в данном случае), образующих определенную целостность, единство: «Теоретическая ценность категории правового регулирования состоит, помимо прочего, в том, что она позволяет связать воедино весь комплекс юридических средств, при помощи которых осуществляется правовое воздействие на общественные отношения»¹⁰.

3. Определение МПР через призму системного подхода. Предложенное в работе определение МПР, разумеется, также базируется на системных методологических основаниях: «Под механизмом правового регулирования следует понимать взятую в *единстве всю совокупность юридических средств, при помощи которых обеспечивается правовое воздействие на общественные отношения*»¹¹. Взятая в единстве, совокупность правовых средств обладает особым качеством – целостностью, монолитностью, что выражается в их способности воздействовать на общественные отношения. Взятые по отдельности, указанные средства не смо-

⁷ Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. С. 16.

⁸ Там же.

⁹ См.: Нарыкова С. П. Системный подход к исследованию механизма правового регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М. : Московский университет МВД РФ, 2006. – С. 6.

¹⁰ Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. С. 18.

¹¹ Там же. С. 30.

гут воздействовать на последние – такой способностью, таким качеством (целостностью, эмерджентностью) обладает только их единая, взаимосвязанная совокупность, множество, поэтому, рассматривая основные части МПР, «не следует упускать из виду его глубокого внутреннего единства. Право, нормативные юридические акты, правоотношения, акты реализации, правосознание и правовая культура потому и характеризуются в качестве элементов механизма правового регулирования, что все они находятся в **последовательной, закономерной связи, образуют единую, слаженную систему юридических средств воздействия на общественные отношения**» (выделено нами. – А. С.)¹². Таким образом, данная система обладает целевыми характеристиками, отвечает принципам целостности и структурности, поскольку элементы МПР, образующие систему юридических средств, находятся в последовательной, закономерной, слаженной связи друг с другом и способны поэтому воздействовать на общественные отношения.

Дав определение понятия МПР, ученый подчеркивает, что указанное понятие «охватывает две стороны правового регулирования.

Во-первых, – это обеспечение при помощи совокупности правовых средств правового воздействия на общественные отношения и, следовательно, обеспечение эффективности правового воздействия. С указанной стороны рассматриваемая в настоящей работе проблема имеет своим предметом *механизм обеспечения эффективности правового регулирования*.

Во-вторых, – это внутреннее строение механизма, его отдельные элементы (части), взятые в соотношении. Рассматриваемая в настоящей работе проблема анализируется под иным углом зрения: предметом анализа являются *отдельные средства правового воздействия*, взятые в единстве, а также выполняемые ими *специфические функции* в механизме правового регулирования».

Комментарии ученого о том, что понятие МПР охватывает две стороны правового регулирования, базируются на нескольких положениях системного подхода. Первое из них – это учет целевой направленности функционирования МПР, которая состоит в упорядочении общественных отношений. И здесь важно добиваться максимально возможной эффективности такого упорядочения. Под эффективностью правового регулирования автор понимает целесообразность и результативность правовых мероприятий, юридических норм, а также, со ссылкой на мнение М. П. Лебедева, получение наибольшего результата в достижении поставленной цели данного правового предписания¹³, добавляя при этом, что последнее – получение наибольшего результата в достижении поставленной цели – должно проводиться с учетом «характера выбираемых правовых решений, их соответствия принципам социалистической демократии, началам социалистического гуманизма»¹⁴. С. С. Алексеев подчеркивает таким образом, что далеко не все средства оправдывают даже такую благую цель, как получение наибольшего результата в упорядочении общественных отношений. Кроме того, здесь прослеживается «работа» и такого принципа системного подхода, как взаимозависимость системы – МПР и среды – регулируемых правом общественных отношений.

Следующие два положения системного подхода, на которых базируется предложенное определение МПР, – это принцип структурности («взятые в соотношении») и принцип целостности: говоря о втором аспекте, или стороне, которая охватывается понятием механизма, автор поясняет, что это – не просто «внутреннее строение механизма, его отдельные элементы (части), **взятые в соотношении**. Рассматриваемая в настоящей работе проблема анализируется под иным углом

¹² Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. С. 35–36.

¹³ Там же. С. 32.

¹⁴ Там же.

зрения: предметом анализа являются отдельные средства правового воздействия, **взятые в единстве**, а также **выполняемые ими специфические функции** в механизме правового регулирования»¹⁵ (выделено нами. – А. С.). Взятые в единстве, правовые средства и создают – в том числе и через выполнение ими внутри системы специфических функций – новое интегративное качество МПР (его целостность, единство), состоящее в возможности упорядочения, урегулирования общественных отношений при помощи данной системы средств правового воздействия.

4. Принцип иерархичности и системность, целостность права. С. С. Алексеев неоднократно фиксирует внимание читателя на том, что право является регулятором общественных отношений *в единстве, в системе* своих норм. В данном тезисе ученого реализуется принцип иерархичности системного исследования, поскольку в работе анализируются не только элементы МПР как компоненты, образующие данную систему, но и эти отдельные компоненты последней – в данном случае нормативная основа МПР – рассматриваются им как сложные системы, состоящие, в свою очередь, из других элементов – из элементов другого уровня: «Право является регулятором (регламентатором) общественных отношений *в единстве, в системе* своих норм. Следовательно, характеризуя право как нормативную основу механизма правового регулирования, необходимо учитывать, что такую роль выполняют не отдельные, изолированно взятые юридические нормы, а нормы права в единстве, т. е. правовые институты, а нередко и совокупность правовых институтов разных отраслей права.

Отдельные нормы права никогда не действуют обособленно, изолированно. ... Таким образом, право представляет собой *единый нормативный механизм* регламентирования (нормирования) общественных отношений. Оно функционирует как “цельный организм”, в нераздельном единстве, системе своих норм, институтов. Именно отсюда и проистекает такая важная качественная особенность права, как его системность»¹⁶. При этом различные группы юридических норм выполняют в рамках единой правовой системы свои специфические задачи, особые функции. Затем, согласно иерархическому принципу, проводится анализ отдельного элемента МПР – его нормативной основы, при котором указанный элемент сам начинает рассматриваться как система, поскольку далее изучаются связи и функции элементов и подсистем последней (которая в то же самое время является компонентом другой, более широкой системы – системы МПР). Ученый также отмечает, что «объективно существующую системность права необходимо всемерно учитывать при разработке общих теоретических проблем советской юридической науки»¹⁷, поэтому не каждая правовая норма должна содержать санкцию: юридические нормы, не оснащенные таковыми, охраняются посредством санкций, содержащихся в других юридических нормах, либо при помощи всей системы действующего права.

Отмеченное свойство целостности (эмерджентности), единства, системности юридических норм является глубоким основанием (и порождает необходимость) проведения систематизации нормативных юридических актов, что показывает наличие определенных связей (что характеризует также и принцип структурности) между данными элементами и согласуется с целевыми показателями системы МПР, а также с взаимоотношением, взаимозависимостью системы и среды: если «право действует как единый, слаженный во всех своих частях регулятор общественных отношений, то и нормативные акты должны быть согласованными, еди-

¹⁵ Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. С. 30.

¹⁶ Там же. С. 115.

¹⁷ Там же. С. 118.

ными. Отсюда следует, что систематизация обеспечивает *эффективность и действенность* правового регулирования»¹⁸.

Правоотношения – другой важный компонент системы МПР – также представляют собой систему, т. е. могут быть рассмотрены как система (реализация принципа иерархичности): «Правоотношения представляют собой довольно сложный механизм. Они состоят из нескольких “слоев” правоотношений, которые взаимодействуют друг с другом. Правоотношения в процессе правового регулирования образуют определенную *систему*, и лишь в своей системе они обеспечивают конкретизацию общих предписаний юридических норм для данных субъектов»¹⁹. Здесь реализуется не только принцип иерархичности, но и принцип структурности, поскольку показаны связи (подробнее рассмотрим их позже) одного компонента МПР с другим.

Заметим, что принцип иерархичности системного исследования реализуется в наибольшей степени в третьей главе работы – «Основные элементы механизма правового регулирования», поскольку в ней каждый из элементов рассматривается, по сути дела, как самостоятельная и достаточно сложная система. В данной главе реализованы, конечно, и другие принципы системного подхода – целостность, структурность, взаимозависимость системы и среды и т. д. В то же время принцип иерархичности «работает» и в других частях монографии. Об этом свидетельствует не только сам текст монографии, но иногда даже и название отдельного параграфа, например последнего параграфа первой главы – «Правовое регулирование как часть общественного регулирования при социализме», из которого вытекает вполне очевидный вывод, что система правового регулирования может быть рассмотрена как компонент, элемент другой, более широкой системы – системы общественного регулирования, ведь право представляет собой лишь одну из форм общественного регулирования, помимо которой имеются нормы нравственности, неправовые нормы общественных организаций, неправовые обычаи и др. Параграф открывается соответствующим (принципу иерархичности) тезисом: «Особенности механизма правового регулирования в социалистическом обществе могут быть правильно поняты лишь постольку, поскольку право рассматривается как органическая часть социалистической надстройки, всей системы общественного регулирования при социализме»²⁰.

Таким образом рассматривается включенность права (и, соответственно, правового регулирования) как отдельного компонента не только в систему общественного регулирования, но и в другие, более широкие системы: «Право является органической частью всей общественной системы социализма. В этом отношении необходимо прежде всего указать на связь права с базисом социалистического общества и с социалистическим государством»²¹. Ученый показывает также далее, через какие элементы МПР более широкие системы (надстройка в целом, общественное регулирование) и входящие в них иные – наряду с МПР – элементы оказывают влияние на такой свой отдельный компонент, как правовое регулирование, какие складываются здесь связи и отношения, а именно: идеологическая основа МПР влияет на его функционирование через правовое сознание, правовую культуру и через юридическую науку, которая оказывает воздействие на общественную жизнь не только через государство и право, но и через правовое сознание и правовую культуру тоже (более подробный анализ указанных двух компонентов дается в последней главе монографии).

¹⁸ Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. С. 123.

¹⁹ Там же. С. 140.

²⁰ Там же. С. 39.

²¹ Там же. 47.

5. Принцип многоаспектности описания системы. В работе предлагается несколько моделей МПР, в которых реализуются различные ракурсы анализа данной системы, что соответствует такому принципу системного подхода, как многоаспектность (множественность описания любой системы), ибо в силу принципиальной сложности МПР его адекватное познание требует построения множества различных моделей, каждая из которых описывает лишь определенный аспект системы. Основным аспектом анализа МПР выражается в представлении его модели как совокупности юридических средств, при помощи которых обеспечивается правовое воздействие на общественные отношения. Однако «к вопросу о механизме (структуре) правового регулирования можно подойти и с другой стороны – анализировать его с точки зрения деятельности компетентных (государственных и общественных) органов. В этом случае предметом анализа становятся правовые формы (организационные стороны) деятельности органов государства и органов общественности, осуществляющих правовое регулирование, а не совокупность средств, обеспечивающих правовое воздействие. Основными организационными сторонами правового регулирования являются правотворческая и правоприменительная деятельность компетентных органов. Правоприменительная деятельность в свою очередь имеет несколько разновидностей; она подразделяется, в частности, на правоисполнительную деятельность, правообеспечительную деятельность и др.»²². В последнем случае, выделив два основных компонента системы – правотворческую и правоприменительную деятельность компетентных органов, – автор реализует вновь (и теперь уже в рамках одного из аспектов описания системы) принцип иерархичности, показывая, что каждый компонент системы в свою очередь может сам анализироваться также и как отдельная система: например, правоприменение, рассмотренное как система, складывается из таких компонентов, как правоисполнительная, правообеспечительная и др. правоприменительная деятельность.

Говоря об эффективности правового регулирования, автор отмечает, что большое значение имеет «психологический механизм», при помощи которого право воздействует на общественную жизнь, поскольку указанная эффективность непосредственно связана с тем «механизмом» стимулов и мотивов в психике людей, который законодатель в ходе правотворчества постоянно должен иметь в виду²³. Нас в данном случае интересуют методологические основания, на которых базируется выделение «психологического механизма» правового регулирования – это принцип многоаспектности описания системы. Таким образом, МПР может быть описан как в аспекте совокупности взятых и действующих в единстве юридических средств, порождающих новое качество системы – качество регулятора общественных отношений (чего не в состоянии выполнить ни один компонент системы по отдельности, ни даже какая-то их «частичная», т. е. незавершенная, совокупность) как в аспекте правотворческой и правоприменительной деятельности компетентных органов, так и в аспекте стимулов и мотивов в психике людей, которые законодатель должен учитывать в процессе правотворчества.

МПР может быть изучен также и в других ракурсах – в аспекте структурно-статическом (из каких элементов складывается система, какое место в ней занимает каждый ее элемент, какими свойствами он обладает сам по себе и какой «вклад» делает в «работу» системы, а также какие связи имеются между элементами системы и т. д.) либо в аспекте функционально-динамическом (какими функциями обладает система, какое воздействие оказывает она на среду, какие при этом внутренние изменения происходят в системе и т. д.) и (или) в аспекте целеполагания (какие цели имеет система, каким образом она достигает или ино-

²² Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. С. 30–31.

²³ См.: Там же. С. 33.

гда не достигает их и тогда – в последнем случае – почему и т. д.), в рамках которых и проводит анализ С. С. Алексеев.

Следует заметить, что с точки зрения системного подхода количество аспектов исследования и изучения любого, а тем более сложного социально-правового объекта, рассмотренного в качестве системы, может быть достаточно большим и даже бесконечным. В данной работе автор остановился не на государственно-правовом и не на психологическом (хотя ему и посвящено несколько фрагментов работы – в том числе полностью отдельный параграф второй главы), а, главным образом, на специально-юридическом и связанном с ним целевом и структурно-функциональном аспектах анализа, отметив, что «по своему внутреннему строению механизм правового регулирования складывается из средств правового воздействия, рассматриваемых в единстве, в процессе регулирования общественных отношений»²⁴. С точки зрения указанных аспектов, в работе и были выделены три основные стадии МПР (регламентирование общественных отношений, нуждающихся в правовом опосредовании; действие юридических норм, в результате которых возникают или изменяются правовые отношения – субъективные юридические права и обязанности конкретных лиц; реализация субъективных юридических прав и обязанностей, при которой правовое регулирование достигает своих целей – воплощается в поведении конкретных лиц) и показано, что «трем стадиям процесса правового регулирования соответствуют три основных элемента, или части, его механизма: 1) юридические нормы; 2) правоотношения; 3) акты реализации субъективных юридических прав и обязанностей»²⁵.

Что касается структурно-функционального аспекта, то отметим, что структурный анализ начинается с рассмотрения модели МПР в статическом состоянии, в ситуации ее «моментального среза»: сначала показано, из каких основных элементов она состоит, то есть каково ее компонентное «строение», чтобы в дальнейшем изучать сети связей и отношений между указанными элементами внутри системы (собственно структуру, структурные связи системы).

Функциональный, динамический аспект системы МПР позволяет показать стадии ее внутреннего «движения», внутреннего развития и ее «работу» в целом, то есть выполняемые в социальной системе функции, включая достижение в форме реализации субъективных юридических прав и обязанностей целей, поставленных на первой стадии – стадии регламентации общественных отношений. Динамический, процессуальный (в самом широком, а не только в специально-юридическом смысле этого слова), длящийся аспект системы в целом и отдельных его компонентов (и стадий) в частности отмечается автором неоднократно: он пишет, например, что «не только правовое регулирование в целом представляет собой определенный процесс; длящийся и сложный характер нередко имеет и формирование второго звена механизма правового регулирования – правоотношений»²⁶.

Наконец, целевой аспект анализа важен потому, что поставленные на первой стадии МПР цели являются одновременно и **целями системы в целом**, а потому выступают также и в качестве ее **системообразующего фактора**²⁷, консолидируя систему, направляя ее развитие и функционирование на их достижение: через различные формы реализации субъективных юридических прав и обязанностей они воплощаются, в конечном счете, в поведении конкретных лиц, пройдя до этого момента необходимую стадию правоотношений, т. е. стадию конкретизации указанных целей для данных субъектов.

²⁴ Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. С. 33–34.

²⁵ Там же. С. 34.

²⁶ Там же. С. 154.

²⁷ С. П. Нарыкова считает системообразующим фактором МПР его «способность к регулированию общественных отношений» (Нарыкова С. П. Указ. соч. С. 12, 22).

6. Сложность и многоуровневость МПР как системы. Характеризуя компонентный состав системы, автор рассматривает не только три основных элемента МПР – эти, можно сказать, «простые» его части, но и иные – «сложные» – компоненты: речь идет, прежде всего, о правосознании и правовой культуре, которые занимают специфическое место в МПР и которые схематически «нельзя поместить ни в качестве четвертого звена, ни в каком-либо “промежутке” между тремя указанными выше звеньями. Правосознание и правовая культура имеют *общее* значение в механизме: они подключаются ко всем его частям»²⁸. Речь идет о своего рода удвоении (или даже утроении и т. д.) структуры МПР, о его достаточно **сложном устройстве как системы**, о том, что отдельные его компоненты «подключаются» к его функционированию на всех стадиях движения правовых средств в целях упорядочения общественных отношений. О сложном «строении» МПР ученый говорил неоднократно, иногда даже почти дословно повторяя наиболее важные для него формулировки, давая каждый раз дополнительные пояснения: «Так, в реальных жизненных ситуациях всегда действует система юридических норм. Поэтому на их основе возникает несколько “слоев” правоотношений. Это уже само по себе свидетельствует о сложности процессов, происходящих в механизме правового регулирования. В частности, конкретные правоотношения возникают в результате актов реализации правоспособности или компетенции. Отсюда следует, что акт реализации права – это не всегда конечный итог правового воздействия»²⁹.

Усложнения в МПР проявляются не только в основных его компонентах, но и в других случаях, поскольку в него могут включаться и дополнительные элементы: речь идет об индивидуально-властных велениях, т. е. о правоприменительных действиях (и актах), направленных на казуальное регламентирование общественных отношений, когда правоотношения не могут возникнуть без правоприменительного акта либо когда требуется властная принудительная реализация юридических обязанностей³⁰. Правоприменение как дополнительный компонент МПР способствует соответствующей самоорганизации системы для достижения ее целей в тех случаях, когда без него «работа» системы МПР оказывается невозможной.

7. Принцип взаимозависимости системы и среды, ориентирующий на исследование того, как система формирует и проявляет свои свойства в процессе взаимодействия со средой, являясь при этом ведущим активным компонентом взаимодействия, реализуется, например, в изучении правотворчества, в исследовании «объективных пределов воздействия права на общественные отношения» (название первого параграфа второй главы монографии), которые составляют предмет правового регулирования, непосредственный объект юридического воздействия, а также в анализе ряда других вопросов. МПР как система воздействует на окружающую систему среду – на общественные отношения, имеющие волевой характер, активным образом упорядочивая их; однако это воздействие имеет объективные пределы (различные для разных по характеру отношений), которые и анализируются в данном параграфе с точки зрения указанных требований системного подхода, в частности изучается волевая природа отношений и показывается, что МПР «взаимодействует» со средой, регулирует производственные, экономические и идеологические отношения через их «волевою сторону» – сознание и волю людей³¹. По этой именно причине, что право регулирует отношения людей через их сознание и волю, автор и приходит к рассмотрению «психологического ме-

²⁸ Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. С. 35.

²⁹ Там же. С. 37. Ср. ссылку № 19 о нескольких «слоях» правоотношений.

³⁰ См.: Там же. С. 38. Более подробно вопрос о том, когда возникает необходимость применения права, рассматривается позже: автор выделяет три такие ситуации (см.: Там же. С. 100).

³¹ См.: Там же. С. 53 и далее.

ханизма» воздействия права на общественные отношения – мотивы, интересы, материальные, моральные и иные духовные стимулы человеческого поведения в праве и др., что является, как уже отмечалось выше, реализацией принципа многоаспектности системного анализа, с одной стороны, а с другой – что и хотелось бы акцентировать в данном случае – объясняет причины обращения ученого именно к указанному методологическому приему.

Что касается реализации принципа взаимозависимости системы и среды на примере правотворчества, то в третьем параграфе второй главы отмечается: «Юридические нормы, сформировавшиеся в результате правотворчества на основе назревших потребностей общественного развития, активно воздействуют на общественные отношения, производят в общественной жизни определенный эффект. В то же время здесь существует и “обратная связь”. Практические результаты правового регулирования так или иначе “обратно” влияют на правотворчество, а через него на содержание права, правового регулирования»³². Таким образом показывается не только взаимозависимость системы и среды, их взаимодействие и взаимовлияние, но выделяются также и отдельные компоненты системы, которые – в рамках этой системы и через целостную, органическую совокупность всех составляющих ее элементов – несут основную «нагрузку» такого взаимодействия. К таким же компонентам, несущим большую «нагрузку» в рамках системы, относятся и юридическая наука, активную роль и большое значение которой в МПР ученый подчеркивает неоднократно.

Важным аспектом взаимодействия системы со средой и, в том числе, обратного влияния последней на систему являются ее целевые показатели, выступающие, как уже отмечалось выше, в роли системообразующего фактора системы: «...факты, свидетельствующие о достижении или недостижении поставленных законодателем целей, о тех трудностях, которые возникли при реализации нормативного акта, о параллельных и попутных последствиях. Существенное значение имеет здесь реакция общественного мнения»³³. Получение системой подобной и иной самой разнообразной информации позволяет ей в то же самое время осуществлять более эффективные **процессы самоорганизации** и – в данном случае – через правотворчество. Выполнению этого важнейшего процесса системой способствуют также и другие (в том числе разноуровневые) компоненты системы: иногда – правоприменение (в случае необходимости появления его в системе МПР), всегда – толкование права, без которого невозможна реализация права (особенно в процессе правоприменения, при его наличии), а также – в ряде случаев – интерпретационные акты как особая разновидность правовых актов, существующая наряду с нормативными и индивидуальными актами и неотделимая от них, т. е. от тех актов, которые они разъясняют³⁴.

8. Принцип структурности. На протяжении всей монографии весьма активно реализуется также и принцип структурности, о котором отчасти уже упоминалось ранее: демонстрируется и обосновывается многообразная сеть связей и отношений между элементами внутри системы (дополнительно показывается также влияние извне на отдельные элементы и на их связи друг с другом), а также обусловленность поведения системы не столько поведением ее отдельных элементов, сколько установившимися между ними связями. Так, например, связь норм права с правоотношениями определяется сначала через анализ функций последних (они закрепляют круг лиц, их конкретное поведение и т. д.), а затем показывается, что в целом правоотношения выступают в МПР как «конкретизатор» общих требований правовых норм применительно к данным субъектам, как средство «перевода»

³² Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. С. 87.

³³ Там же. С. 88.

³⁴ См.: Там же. С. 129–130.

общих предписаний юридических норм в плоскость субъективных юридических прав и обязанностей для данных субъектов³⁵. Связь норм права с правоотношениями осуществляется посредством юридических фактов, выполняющих функции «своеобразных рычагов, которые приводят в действие правовые нормы. При наличии юридических фактов норма права конкретизируется применительно к данным субъектам»³⁶. Юридические факты обеспечивают, таким образом, жесткую, закономерную связь одной стадии (и элемента) МПР с другой его стадией (и элементом): переход от регламентирования общественных отношений к правоотношениям. При этом функции юридических фактов и обеспечиваемые ими таким образом связи между указанными компонентами и соответствующими стадиями МПР неодинаковы: они бывают правоизменяющие, правообразующие и правопрекращающие. Несмотря на разнородность связей, они во всех случаях достаточно прочные и тесные, что выражает одну из закономерностей во взаимодействии элементов системы, а именно: чем сильнее взаимосвязь между ними, тем выше степень целостности самой системы – то ее новое качество (эмерджентность), которое не присуще отдельным входящим в нее компонентам и не выводимо из них (по отдельности).

Значение правоотношений в МПР зависит от их свойств и особенностей – от «типа связи между субъективными юридическими нравами и обязанностями (типа правоотношений)»³⁷. Речь идет о правоотношениях активного и пассивного типа. Причем связи последних с третьим компонентом МПР – реализацией участниками правоотношений субъективных юридических прав и обязанностей – прослеживаются автором с учетом как указанных типов правоотношений, других их особенностей, так и с учетом функций юридических фактов, то есть с учетом тех требований, которые проистекают из принципов целостности и структурности системного подхода.

Заключительная стадия МПР во многих случаях не выражается в виде каких-либо отдельных юридических действий, что зависит, опять же, от соответствующих **структурных связей** данного компонента с другими элементами системы: «Таково, например, фактическое поведение лиц, соответствующее общим пассивным обязанностям (запретам), а также фактическое поведение лиц, в котором осуществляются общие субъективные права (право на имя, свобода слова, вероисповеданий и др.). Вместе с тем нередко соблюдение и использование (исполнение) юридических норм выражается в особых актах. В ряде случаев они выполняют функцию правопрекращающих юридических фактов (кроме длящихся правоотношений). С их совершением заканчивается действие механизма правового регулирования.

Акты соблюдения имеют самостоятельное значение главным образом при реализации правоотношений активного типа, где обязанные лица должны совершить положительные действия; акты же использования – главным образом в правоотношениях пассивного типа (например, акты распоряжения вещами в правоотношениях собственности)»³⁸. Все эти особенности демонстрируют специфические связи (принцип целостности и структурности), которые имеются в МПР, рассмотренном как система.

Принцип структурности реализуется весьма активно в параграфе, посвященном правовому сознанию и правовой культуре, в котором использованы также принципы взаимозависимости системы и среды, иерархичности и другие.

³⁵ См.: Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. С. 130–131.

³⁶ Там же. С. 152.

³⁷ Там же. С. 131–132, 139–140.

³⁸ Там же. С. 171.

9. Выводы. В данной статье приведены лишь некоторые образцы реализации С. С. Алексеевым системной методологии (другие методы и методологические подходы, используемые ученым в работе, мы не анализировали), в то время как множество иных фрагментов монографии, посвященной анализу МПР, могут быть рассмотрены с указанной точки зрения. Возникает вопрос о последовательности научной деятельности мыслителя при анализе МПР. Совершенно маловероятным кажется предположение о том, что при работе над темой автор руководствовался только и исключительно рассмотренными выше методологическими постулатами. Это первое предположение обозначает обратный путь по отношению к тому, который был проделан в данной статье: мы анализировали постулаты системного подхода, которые «просматриваются» в тех или иных частях концепции МПР, и отсюда может сложиться вряд ли полностью верное впечатление, что автор только ими и руководствовался при формулировании соответствующих положений концепции МПР.

Можно предположить, во-вторых, что системный анализ в 60-х годах прошлого века приобрел черты парадигмальных оснований науки, и в том числе юриспруденции, т. е. превратился в своего рода парадигму³⁹, которую ученые-юристы использовали для решения своих научных задач и головоломок. Эта гипотеза представляется нам более вероятной, чем первая. Однако автор идеи парадигмы, трактуя последнюю как совокупность некоторых научных достижений, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений⁴⁰, отмечал, что она используется как совокупность некоторых стандартных процедур исследования для функционирования нормальной науки и для революционных открытий и изобретений не годится, в то время как концепция МПР представляет собой не замеченную сразу нашей доктриной научную революцию в области специально-юридического исследования правовой материи. По этой причине самым вероятным нам представляется третье предположение – гипотеза о том, что устойчивые, целостные, целенаправленные и самоорганизующиеся сложные правовые объекты, каковым является МПР, объективно обладают качествами, которые выделены в методологии системного подхода в качестве его принципов и требований – т. е. такими же качествами, которые имеются у любых других системных объектов в природе, технике, социальных образованиях. И С. С. Алексеев, погружившись в сущность исследуемой им правовой материи, установил такие глубинные, фундаментальные, базовые свойства, признаки и качества МПР, которые одновременно являются и качествами любого системного объекта – качествами, выявленными и обобщенными в рамках методологии системного подхода.

Низкая вероятность нашего первого предположения доказывается еще и тем, что в подавляющем большинстве случаев С. С. Алексеев не акцентировал внимания на методологической стороне своего анализа, поскольку не она была главным предметом выполненной им теоретической работы. Однако каждый раз, соответственно тому или иному «участку» избранного им предмета исследования, ученый использовал (если верна вторая наша гипотеза) тот или другой либо несколько принципов системного подхода одновременно, которые наиболее полным образом отвечали как поставленной им в каждом конкретном случае задаче, так и общей цели исследования. Таким образом, сам предмет изучения, отдельные его «участки» и стороны предопределяли тот принцип системного подхода, который мог бы дать и в итоге давал наибольшую эффективность при исследовании соответствующей проблемы. Использование передовой методологии (вторая гипотеза), с одной стороны, и глубокое погружение мыслителя в сущностные процессы,

³⁹ См.: Кун Т. Структура научных революций. – М., 1977. – С. 11, 28–78, 229–258.

⁴⁰ См.: Там же. С. 11.

происходящие в глубинах правовой материи, догмы права (третья гипотеза), с другой стороны, позволили С. С. Алексееву сделать колоссальный прорыв, т. е. заложить фундамент для научной революции в советской юридической науке и определить основные направления ее специально-юридического развития на многие годы вперед – вплоть до сегодняшнего дня, а также и на дальнейшую перспективу. Совершенно верно отметили члены кафедры (заведующий кафедрой профессор В. Д. Перевалов) теории государства и права УрГЮУ в своем коллективном предисловии к первому выпуску сборника Алексеевских чтений, что МПР имеет для нашей юриспруденции не только теоретическое, но и методологическое значение. Эта теоретическая и методологическая конструкция определила дальнейший характер наших юридических исследований, в том числе в отраслевых науках. МПР стал одной из несущих конструкций предмета теории права, да и юридической науки в целом, стал «задавать» организацию ее предмета⁴¹. Отмеченные теоретические и методологические последствия идеи МПР становятся особенно ярко и отчетливо заметными на фоне других континентально-правовых и достаточно развитых национальных юридических доктрин современности, например на фоне французской теории права (или, как ее часто там называют, «Общее введение в право»). Российская юридическая доктрина, главным образом ее ядро – теория права – представлена в четкой «механизменной» форме как хорошо «видимая», логично сложенная, понятная, целостная и очень красивая теоретическая конструкция, вокруг которой организованы практически все основные юридические категории современной российской теории права⁴².

Alexey Pavlovich Semitko,

Doctor of Laws, senior research fellow at RAS, the Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, dean of Law Faculty, head of Public Law chair, professor, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg); visiting professor of Paris-Quest University (France)

**The S. S. Alekseev's mechanisms of legal regulation
as the realization of a system approach**

This article analyzes methods and methodology, first of all, a system approach, of the scientific and research activity of S. S. Alekseev, an outstanding Soviet and Russian academic lawyer, which he demonstrated in the work "The Mechanism of Legal Regulation in the Socialist State" (1966). The methods of this article are the system approach to activity in the field of legal research, as well as methodological reconstruction and the biographical method. The article presents the most active principles and postulates of the system approach to the analysis of the mechanism of legal regulation used by scientists. The conclusions are based on the two hypotheses of methodological work of the scientist: a systemic approach as a paradigm of the jurisprudence of the 1960s and a deep legal, dogmatic analysis of law itself as a means of obtaining revolutionary for Soviet science conclusions on the mechanism of legal regulation.

Keywords: methodology; system; system approach; integrity; structure; interdependence of a system and environment; hierarchy; multidimensional; complexity; focus; self-organization of a system; mechanism of legal regulation; law; norm of law; legal relationship; acts of realization the law; legal application.

⁴¹ См.: Теоретическая юриспруденция: традиции, современность перспективы. Алексеевские чтения. Вып. 1. Отв. ред. В.Д. Перевалов. – Екатеринбург, 2014. – С. 6–7.

⁴² См. об этом: Семитко А. П. Механизм правового регулирования С. С. Алексеева и структура теории права: сравнительный анализ // Теоретическая юриспруденция: традиции, современность перспективы. Алексеевские чтения. – Вып. 1. – Екатеринбург, 2014. – С. 9–20.

**«Невидимая рука» дискриминации.
Социологический этюд**

Юристы много говорят о социологических исследованиях в области права, правового сознания и правовых отношений, о необходимости и полезности их проведения. Однако реально последнее происходит, к сожалению, не так часто. Тем более редко можно увидеть результаты включенного наблюдения. Присланная в редакцию статья отвечает всем указанным требованиям. Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948, в ст. 1 провозгласила: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства». Прекрасное пожелание, которое, как оказывается, не так-то просто реализовать на практике даже в самом центре Европы – в Чехии, где авторы статьи провели включенное исследование дискурсивной практики, наполненной весьма жесткой дискриминацией – настолько жесткой, что перед ней блекнут даже некоторые известные из истории прошлого века дискриминационные практики. На память невольно напрашивается знаменитая метафора Адама Смита о «невидимой руке» рынка. Читая данную статью, понимаешь, что в разных сферах жизни общества есть очень много самых разных «невидимых рук», которые направляют процессы не только в позитивную сторону, как это делает «невидимая рука» Адама Смита, но и в негативную сторону, которая при открытии ее рассмотрении была бы признана и, скорее всего, с весьма искренним осуждением, совершенно неприемлемой всеми теми участниками данного процесса, которые по факту и осуществляют эту дискриминацию. Авторы пытаются раскрыть эти практики, сделать их видимыми и чувствительными не только для тех, кто сам (и их близкие) становится объектом этой дискриминации, но, главным образом, для тех, кто ее осуществляет. Последнее не так-то легко сделать, и вполне возможно, что чешское общество тем или иным образом отвергнет подобное исследование, не «заметит» его либо обвинит авторов в каких-нибудь немислимых и неожиданных грехах (самый распространенный способ в таких случаях в Западной Европе, как бы ни показалось это абсурдным, – обвинение в фашизме) и т. д., и т. п. Правда, прогнозировать ту или иную реакцию «всего общества» – вещь крайне неблагодарная и часто весьма сомнительная, ибо вполне все может произойти и прямо наоборот (восстанут чешские правозащитники, будет запущена широкая публичная кампания по разъяснению, недопущению, противодействию дискриминации и т. д.), поэтому лучший способ ответа на последний вопрос – опубликовать материал в ожидании реакции тех, кто так искусно и тонко «управляет» это «невидимой рукой» дискриминации, т. е., другими словами, тех, кто активно в ней участвует.

А. П. Семитко

**«Ты цыган, но мы тебя все равно любим».
К вопросу о дискриминации в чешском обществе
(на примере отношения к «цыганским» детям
дошкольного возраста)**

Предметом нашего небольшого исследования являются некоторые виды устной и письменной дискриминации, касающиеся сирот дошкольного возраста (младше 3 лет), которые были идентифицированы чешскими чиновниками, часто без всякого основания, как цыганские дети. В основу нашей методологии положены дискурсивный анализ Филиппа Сарасина и дефиниция Бенедикта Андерсена наций как «воображаемых сообществ». Мы анализируем тексты некоторых книг, лекций и брошюр, адресованных потенциальным опекунам и усыновителям «цыганских» детей, потому что мы также являемся опекунами. Мы обсуждали вопрос усыновления/удочерения цыганских детей в беседах с разными людьми, образованными и необразованными в различных, зачастую в самых неожиданных ситуациях и местах.

Ключевые слова: расизм; мультикультурализм; чешское общество; цыган; воображаемое сообщество; нация; национализм; дискриминация; изобретение нации; конструирование нации; мифологическая нация; национальная идентификация; домашний расизм; колониальный расизм.

Предмет и задачи исследования

Данное исследование посвящено различным способам дискриминационного поведения по отношению к цыганским детям, которые мы часто можем наблюдать в чешском обществе. Мы начнем с нескольких характерных примеров: если цыганский ребенок на детской площадке шалит и кричит, то он неожиданно может получить строгое замечание от какого-нибудь взрослого чеха, чтобы вел себя тише, хотя остальные дети ведут себя не менее громко. Цыганенок воспринимается чешскими родителями специфически, а поэтому иногда звучат предостережения, направленные к собственным детям, что вот тот шумный ребенок «злой». В названных случаях приемный родитель или опекун цыганского ребенка, если он иностранец, может подумать, что столкнулся с какими-то не в меру чадолюбивыми чехами, и только местный житель поймет, в чем, собственно, дело. Сообщение, передаваемое поведением или речью, может быть прочитано (декодировано) только слушателем, который, понимая чешский язык, обладает еще и необходимой стилистикой восприятия, позволяющей точно воспринять переданную информацию. Подчеркнем: в таких ситуациях никогда не прозвучит слово «цыган».

Касаясь декодирования, или полного понимания речи, приведем следующий пример: когда видный чешский политик, выставляющий свою кандидатуру на выборах, осуждает «социальных паразитов», то чешский обыватель понимает, что речь идет о цыганах, хотя нигде в публичных выступлениях кандидата о них не сказано ни слова.

У некоторых усыновителей/удочерителей (далее – усыновители) или опекунов вызывает улыбку, у некоторых изумление часто встречающаяся в Чехии

* **Сергей Яковлевич Гаген**, канд. ист. наук, канд. юрид. наук, PhD, внештатный научный сотрудник Славянского института Академии наук Чешской Республики (г. Прага, Чехия).

** **Юлия Янчаркова**, PhD, штатный научный сотрудник Славянского института Академии наук Чешской Республики (г. Прага, Чехия).

спонтанная реакция на сообщение, что их ребенок, очевидно, цыганского происхождения: «Ой, он похож скорее на итальянца!»

Приведенные примеры указывают на явление, которое стоит за всеми этими высказываниями и способами поведения. Речь, несомненно, пойдет о расизме, но не об открытом, сопровождающемся какой-то инфернальной злобой, а о латентном, добродушном и даже «ласковом расизме», с проявлением действительно искреннего участия к судьбе ребенка, которому выпала нелегкая доля родиться цыганом в Чехии. Носителями этого расизма часто являются и поистине замечательные, мужественные люди, которые, несмотря на все установки общества, приняли решение помочь ребенку или детям.

Нашей задачей является рассмотрение форм и способов утверждения в повседневной речи доминирующего положения одной социальной группы по отношению к другой. Поскольку же это речевое поведение проявляется на «микроуровне», а именно в ситуации повседневного социального контакта, поскольку оно закодировано для иностранцев, то на уровне государственных учреждений наличие такого неформального и незаконного третирования и унижения части сограждан официально не признается.

Говоря о расовой дискриминации, мы обратимся к исследованию Бенедикта Андерсена, который пришел к выводу, что расизм не является порождением национализма, что это явление более старое, связанное с представлением «о вечной ритуальной нечистоте, которая распространяется через грязные сожительства» [3, s. 149]. В этом случае речь идет о религиозной общине более раннего времени, в которой постулируется особая чистота крови правящего социального слоя¹. По Андерсену, логическим развитием этого «домашнего расизма» является «колониальный расизм», в котором правящий класс выступает в качестве некоего воображаемого «солидарного сообщества белых людей»². Принципиальным для нас является утверждение Андерсена, что это сообщество по своей сути выдуманное, фиктивное, которое создается и существует, прежде всего, в языке [3, s. 154]. С этой точки зрения расизм можно отождествить с дискурсом, под которым мы понимаем не какой-то определенный метод, но теоретическую или, скорее, философскую позицию, о которой мы упомянем ниже [9, s. 8].

Подчеркнем, что существующая в Чехии ситуация сложна не только для цыганских (везде и всюду их без стеснения называют «черными»), но и для всех остальных (соответственно, «белых») детей, которые должны усваивать свое иное, фактически господское, положение уже на детских площадках, в детских садах, школах и в прочих учреждениях, где они со всей детской непосредственностью воспринимают закодированную речь родителей. В этой связи следует обратить внимание на очень узкий вопрос: отношение государства в лице органов опеки и попечительства (далее также социальных служб) к усыновлению/удочерению (далее – усыновление) или долговременному опекунству малолетних детей (дошкольного возраста), предположительно цыганского или частично цыганского происхождения. Необходимо подчеркнуть, что в этой области не существует какого-либо фундаментального и серьезно разработанного научного исследования, позволяющего создать теоретические принципы, которые могли бы послужить конструкцией для постройки механизмов в деле отношения к цыганским детям как к

¹ Рассуждения Андерсена заслуживают более глубокого анализа, возможно, с опорой на библейские тексты, а также в этом контексте можно припомнить учение Аристотеля о «прирожденном рабстве» всех не-греков, т. е. варваров. В этой связи популярный во всем мире сериал «Игра престолов», в котором сверхъестественные способности персонажей связаны с чистотой их крови и принадлежностью к высшей знати, является открытой публичной пропагандой расизма [3, s. 149].

² Андерсен также считает порождением расизма ранние Женевские конвенции о ведении войны, когда офицерам воюющих армий предписывалась «джентльменское поведение» по отношению к офицерам (но не солдатам!) противника [3, s. 153].

равноправным членам общества и передачи их в семьи, желающие заняться их воспитанием.

Далее кратко обратимся к теории дискурса, которая поможет нам заявленные проблемы рассмотреть. Процесс познания и личный опыт всегда индивидуальны, но чтобы передать его другим, личные переживания субъект пропускает через растр языка. Под таковым растром следует понимать существующие в обществе образцы речевого поведения, опирающиеся на метафоры и клише, которые существуют как бы сами по себе. В этом и заключается проблема дискурса, так как метафоры и клише имеют собственную логику, которая при передаче меняет смысл передаваемого текста. Поэтому люди, имеющие положительный опыт усыновления или опеки цыганских детей, прибегают к клише и метафорам, имеющим негативный по их опыту смысл, и, сами того не желая, часто распространяют прямо противоположные их убеждениям взгляды. На эту проблему до нас никто не обратил внимания, хотя в литературе было отмечено, что дискурс обладает материальностью и собственной логикой, которая отделяет мыслимое субъективно от объективно сказанного [9, s. 37]. В методическом отношении можно считать удачной метафору Филиппа Сарасина [9, s. 59], который предлагает рассматривать существующий дискурс, касающийся определенной проблемы, как напластование полупрозрачных слоев разных дискурсов, которые как бы проступают один через другой, но не связаны генетически или логически. Эти слои являются полностью самостоятельными.

Заявленную частную проблему – латентный расизм как повседневное речевое поведение – мы отделяем от большой проблемы отношения чешского общества к реально существующим цыганам, как сегодня, так и в продолжительной исторической перспективе. Эта проблема хорошо исследована во множестве публикаций.

Расизм особенно ярко расцветает на почве, говоря языком немецких романтиков, чистого «народного духа». Этот «народный дух» наиболее ярко заметен тогда, когда речь идет преимущественно о детях до трех лет – живущих в детских домах или в семьях опекунов, а также об усыновленных детях. Расистский дискурс наделяет этих детей каким-то врожденным бессознательным национальным или этническим самосознанием и заложенной природой судьбоносной тягой к поискам собственной идентичности под влиянием мистического «голоса крови». В этом пункте наш предмет исследования затрагивает более абстрактную проблему, которая касается обнаружения механизма конструирования фиктивных, воображаемых сообществ (*imagined communities*³) и, в частности, того, какую роль в этом конструировании играют «научные» измерения, аргументы и квазиисследования или выводы из интерпретаций известных исследований, а также социальные мифы.

В связи со сказанным выше наш интерес вызывают тексты в широком понимании этого слова: письменные документы и устные рассказы. Главным методом исследования является анализ дискурса этих текстов. Мы обратимся к материалам, призванным помочь опекунам и усыновителям, – многочисленным книгам и брошюрам, подготовленным специалистами социальных служб, лекциям и консультациям с людьми, имеющими к проблеме самое непосредственное или профессиональное отношение: опекунами и усыновителями, опекаемыми и усыновленными, социальными работниками, работающими в разных звеньях государственного механизма заботы о детях, детскими психологами, врачами и медсестрами, юристами. Не менее важная составляющая в сборе материала – собственный опыт (с октября 2017 года мы опекаем мальчика Фому, 2016 г.р.). Дополнительным материалом служат рассказы и реакции на разные жизненные ситуации,

³ Термин от Бенедикта Андерсона (см. также: [9, s. 156–164]).

связанные с цыганскими детьми, окружающей нас местной среды, от малообразованных людей до высокопоставленных чиновников и даже ученых. В добавление скажем, что авторы данного эссе являются не чехами, а иностранцами, долго живущими в ЧР, один из которых имеет гражданство этой страны. Этот, вторичный по значению, факт оказывается важным именно в том, что мы, в отличие от местного населения, не исходим из представлений о цыганах, сформированных в детстве и ставших, как, к сожалению, получается, частью национальной идентичности.

Актуальность исследования заключается в выработке своеобразного «дискурсивного противоядия», жизненно необходимого для людей, усыновивших или взявших в опеку цыганских детей: и дети, и их покровители продолжают страдать от отравляющего их «дискурсивного яда», который вырабатывает чешское окружение. Подчеркнем, что мы тоже используем метафоры, ибо «больное общество» есть очень старая метафора, но считаем, что целителями должны выступать не политики, а интеллектуалы, как специалисты по символам [5, s. 236], способные увидеть механизмы «заражения» общественного сознания через клише и смыслы, влияющие на отношение к определенной социальной группе, которая искусственно обособляется.

Другое практическое применение заключается в выделении проблемы отсутствия в современном чешском обществе метафор и клише для выражения положительного опыта в воспитании цыганских сирот. Многие искренние и самоотверженные люди, взявшие на себя труд идти против течения, парадоксальным образом поддерживают и укрепляют то мнение, с которым они не согласны и с которым борются всю свою профессиональную жизнь. Кроме того, факт дискриминации остается часто невидимым и в правовом поле, так как для описания возникающих специфических ситуаций, которые не подпадают под стандартные случаи дискриминации, просто отсутствует необходимый юридический дискурс.

Дискурсивный яд

Итак, дискурсивный яд – это метафора, помогающая понять, с чем мы имеем дело: при укусе опасного насекомого человек получает порцию яда, которая заставляет его испытывать страдания, так как в организм попадают вредоносные элементы. Подобным образом усыновители или опекуны обоего пола получают дозы «дискурсивного яда», причем в самых неожиданных местах: в больнице, на детской площадке, при визите к знакомым и т. д., т. е. при любом социальном контакте, когда социальная реальность находит свое выражение в речи.

Особое значение имеют случаи распространения антицыганского дискурса непосредственно социальными работниками, которые зачастую вполне искренне осуществляют заботу о детях. Эта проблема, кстати, уже отмечена специалистами, но мы не будем касаться ее в деталях, так как она относится к другому вопросу – эффективности социальных служб.

Метафору «дискурсивного яда» мы можем проиллюстрировать личным опытом. Перед принятием в нашу семью Фомы, мы, в поиске ответов на некоторые вопросы, в сентябре 2017-го, встречались с сотрудницей из большой общественной организации «Хорошая семья». Специально подготовленный специалист по проблемам усыновления и опеки цыганских детей подала нам ряд советов, отражающих современный чешский «научный» подход к этой социальной проблеме. Центральная ее идея была следующая: «Нельзя ничего скрывать. Нужно ему сказать: “Ты цыган, но мы все равно тебя любим”». Здесь следует пояснить, что речь шла о двухлетнем ребенке, который никогда не жил в цыганском окружении и со своей матерью встречался не более двух месяцев.

Стандартная фраза содержит сразу несколько смыслов. Первый и самый главный – «ты цыган, но...». Мы можем перефразировать эти слова так: мы любим тебя, несмотря на то, что ты цыган. В высказывании социальной работницы содержится информация, что наш двухлетний ребенок по факту рождения отличается от других детей. Невольно напрашивается сравнение «цыгана» с неизлечимым наследственным заболеванием или инвалидностью. Метафора болезни незримо присутствует в отношении к этой социальной группе, подчеркнем, коренного чешского населения⁴. Ребенок, причисленный к цыганам, должен с ранних лет принять мистическую, т. е. рационально необъяснимую, «вину» за свою врожденную «испорченность».

На наш вопрос: «А как же узнать, цыган ли наш мальчик, это ведь нигде не написано?» – квалифицированная сотрудница попросила показать его фотографию на телефоне. Посмотрев, она сказала: «Да, цыган, это ясно, мы, чехи, это видим сразу». Данное высказывание по своей сути – проявление магического чувства крови, наделяющего чехов, как избранный народ, особым даром «видеть» цыган. Нужно добавить, что с подобным утверждением сталкиваешься в ЧР постоянно. Тезис об умении «видеть» цыган объединяет членов общества, которые по своей профессии являются как бы носителями «научного» мировоззрения, с обычными людьми. Когда чешские массмедиа признают существование «латентного расизма» в обществе, то они лишь отчасти лукавят. Расизм по отношению к цыганам, которые здесь родились и являются гражданами ЧР, является «латентным» только для лиц, которые не освоили чешскую культуру и не могут «декодировать» соответствующий дискурс. Но для носителей чешской культуры расизм вполне открытый и, как можно вывести из данного контекста, является легальной составной частью чешской самоидентификации (что доказывает умение распознать «чужого» по внешнему признаку). Ирена Райхова отмечает, что во время последней переписи населения Чехии в 2011 году только 11 000 жителей заявило о своей цыганской национальности, тогда как разные статистические исследования оценивают цыганскую популяцию в 150–200 тыс. человек [7, s. 35].

Таким образом, отнесение ребенка к цыганам осуществляется чехами, как можно предположить, на основании отождествления себя с мифологической чешской нацией.

Миф как основа национального чувства характерен не только для Чехии. В этой связи интересен анализ преамбулы Конституции Федеративной Республики Германии Куртом Хюбнером, который показал, как в одном небольшом тексте могут сосуществовать и непротиворечиво уживаться мифическое, немифическое и мифически нейтральное [2, с. 330–333]. С точки зрения названного текста, «нация представляет собой индивидуум, идентичность которого неподвластна времени и поэтому является чем-то сверхъестественным. <...> Принадлежность к ней является не субъективной диспозицией, а судьбой и вследствие этого не имеет ничего общего с профанной каузальностью и случайностью» [2, с. 331]. Итак, цыгане исключаются из чешской мифической нации-индивидуума, куда свободно могут быть включены выходцы из современной Западной Украины.

Вернемся к описанному случаю консультации в организации «Хорошая семья». Психология сегодня усиленно пытается помочь при депривации, а также занимается вопросами «доверия – недоверия» в связи с отношениями родителей и детей. И достижения психологии, утверждающие, что любовь важна, а принятому в семью ребенку лучше сказать правду о том, что он не биологический, чтобы не подорвать его доверия к приемным родителям в будущем, без сомнения, сотруд-

⁴ Об этом подробнее см.: [9, s. 223–229].

ники чешских центров знают. Но на это полезное знание накладывается либеральная идея-представление об обществе как архипелаге малых идентичностей.

С точки зрения социальной службы Чехии, проявлением «любви» со стороны родителей или опекунов к малышу является формирование его национальной идентичности как цыгана. Понять эту «любовь» возможно только в том случае, если принадлежность к нации, т. е. к упомянутому выше «сверхъестественному индивидууму», двухлетнего ребенка, который никогда не имел никакого соприкосновения с цыганским этносом, культурой или языком, воспринимается как объективная реальность, как судьба. Естественно, было бы жестоко лишать ребенка его «судьбы», даже если эта судьба состоит в том, чтобы стать человеком второго сорта в чешском обществе.

Далее нам посоветовали следующее: чтобы чешское общество относилось к цыганскому ребенку толерантно, родители должны найти в нем таланты и развить их. Если он будет в чем-то, например в музыке, лучше чехов («нас» – так дословно звучал совет защитника цыганских прав, в котором присутствовало ясное разделение на «мы» и «они»), то его будут больше уважать и, может быть, даже почти примут. Получается, что чешский малыш, автоматически записанный в «мы», имеет право на спокойное и счастливое детство без реализации программы – быть лучшим, а такой, как наш Фома, по факту своего рождения и неподходящей внешности принадлежит к низшей социальной группе и должен прилагать усилия, быть лучшим, чтобы окружающая среда была к нему благосклонной. Социальный работник помещает «цыганского» ребенка вне общества, в котором он появился на свет, не включая его в понятие «мы». Но, добавим, и признание его возможных жизненных успехов не сделает цыгана чехом, которые в этом случае будут смотреть на него как на природный курьез, как на исключение из правил. Следующим предрассудком, к которому мы еще вернемся, является высказывание о том, что в системе ценностей у цыган образование занимает едва ли не последнее место.

Еще одна расхожая идея заключалась в предположении социального работника, что преуспеть в музыке нашему мальчику не составит большого труда, так как «все цыгане очень музыкальны». Здесь опять воспроизводится идея нации как сверхъестественного мифологического индивидуума. Повторим, что речь идет о двухлетнем ребенке-сироте, который короткое время видел своих родителей и никогда не был за пределами детского дома. Но он уже цыган, обладающий в силу этого музыкальными талантами. Многие социальные работники начисто лишены необходимой для критического восприятия действительности рефлексии на собственные утверждения. Они не замечают абсолютной нелепости этих утверждений. С точки зрения здравого смысла понятно, что цыгане так же, как и остальные люди, могут иметь музыкальный слух, а могут и не иметь его.

Таким образом, мы можем заметить, что мифологическое представление о нации как о мифическом индивидууме, как упоминает цитированный выше Курт Хюбнер, воспринимается некритически. Определение этничности детей, которые остались без родителей, являет собой показательный пример формирования подобного «воображаемого сообщества» с использованием научных методик, которые становятся псевдонаучными, когда переносятся на мистические объекты: нацию и этнос.

Определение этничности. Зачем?

Если обратиться к официальным данным, то цыганские дети ЧР появляются в статистике только в возрасте от 0 до 3 лет [4, s. 9]. При этом в Чехии нет законов, запрещающих сбор информации об этнической принадлежности, хотя нет и прямых указаний собирать такие сведения. Поэтому социальные работники признают, что они заносят в личные дела детей, т. е. фиксируют документально, данные

о цыганском происхождении в тех случаях, когда получают их от родителей или родственников этих детей. В иных случаях, когда родители себя цыганами не называли, т. е. когда для родителей подобная самоидентификация неважна или нежелательна, записи о цыганских корнях, по всей логике, не должны возникать.

Однако социальные службы всегда действуют в интересах ребенка, а тут всё зависит от того, что же считать его интересами? Как показывает анализ материалов пособий и книг, творящих стратегию поведения социальных служб, государство считает высшей ценностью жизни ребенка-цыгана его будущую самоидентификацию. Поэтому логично, что ей предшествует идентификация в момент попадания ребенка в детский дом в Чехии; при отсутствии иных данных, его этничность определяется визуально: по цвету его кожи, глаз, волос. Обратимся к брошюре «Пожизненное наказание. Цыганские дети в детских домах Чешской Республики», которая сообщает: «Органы социально-правовой охраны детей могут в случае необходимости производить аудиовизуальные записи ребенка и его семейной среды, которые, без сомнений, могут нести сведения об этничности ребенка/родителей» [4, s. 23]. Другими словами, органы социально-правовой охраны детей проводят тайное расследование с целью выяснения этничности ребенка и его родителей, что является, по их собственной терминологии, «чувствительной информацией» [4, s. 23]. Практика определения детей прямолинейно описывается в том же источнике остравским куратором по работе с детьми и молодежью. Приведем здесь фрагмент интервью с директором детского дома в городе Мост: «В отделениях детских домов, предназначенных для грудных детей, этническая принадлежность определяется по имени ребенка и по его внешнему виду или же путем запроса, направленного в социальную службу» [4, s. 90, прим.]. Получается, что, несмотря на отсутствие точных определяющих признаков этнической принадлежности и указания закона устанавливать таковую, субъективное решение анонимного чиновника может определить дальнейшую судьбу ребенка. Следует подчеркнуть, что здесь со стороны чиновников органов социальной опеки нет никакого злого умысла.

Описанная практика интересна с точки зрения обнаружения тонкой грани между воображением и действительностью. Субъективное воображение сотрудника социальной службы оборачивается кошмарной действительностью для ребенка. Однако воображение чиновника не является «фикцией»⁵, т. е. произвольным измышлением, фантазией, не соответствующей действительности, так как для него, как для чеха, нация существует как мифологический индивидуум. В принципе, в этом романтическом представлении ничего порочного нет. Зло возникает тогда, когда чиновник берет на себя функцию борца за чистоту расы. Функцию, по сути, карательную, которая, однако, не прописана ни в каких официальных документах. Иначе сложно было бы объяснить, почему чиновники прилагают столько усилий, которых государство как работодатель от них вовсе не требует.

Можно предположить, что конкретный человек, не только чиновник, но даже близкий и благожелательный по отношению к ребенку человек, его опекун или усыновитель, в подобном случае выступает как носитель коллективного сознания, которое подчиняет и подавляет его индивидуальный опыт и субъективное восприятие ситуации. В этом смысле такая мифологема, как «голос крови», имеет вполне реальное воплощение и артикуляцию. Когда обычные люди рассказывают вымышленные или «правдивые» истории о неполноценности «цыганских» детей и их врожденных преступных наклонностях, то в них действительно говорит «голос крови», другими словами коллективное сознание, отражающее филогенез данного народа, отлитый в устоявшихся клише. Мы не говорим здесь «коллек-

⁵ Мы не согласны с Филиппом Сарасином, что речь идет о фикции (ср.: [9, s. 151]).

тивное бессознательное», которым можно многое оправдать. Как христиане, мы признаем, что существует свобода воли, ибо контроль за собственным сознанием дан каждому человеку и каждому народу.

Этнос как синоним слова «цыгане»

Употребление слова «этнос»⁶ в чешском обществе отличается от научного и имеет свою специфику. Сейчас мы переходим к описанию наших шагов по приему в семью Фомы в хронологическом порядке. Такой подход поможет нам рассматривать проблемы, с которыми мы сталкивались, в их постепенности, так, чтобы не возникало путаницы и повторений. Наша история началась с посещения районной социальной службы, где мы заявили о своем намерении взять ребенка из детского дома под опеку или в усыновление/удочерение. Нам сразу был задан первый вопрос: «Вы толерантны к “иному этносу”»? На наш вопрос: «А что имеется в виду, какой такой иной этнос?» – последовал недоуменный ответ: «Цыгане!» Интересно, что народная семантика слова «этнос» у чехов фактически приближается к первоначальному греческому значению, так как древние греки обозначали им варваров, не обладающих политической организацией, или просто собрание живых организмов (например, «этнос муравьев») [6, s. 480].

По нашим наблюдениям, в Чехии под термином «этнос» подразумеваются именно цыганские дети, а не вообще дети других народов, например русских, украинцев, вьетнамцев или прочих, даже более экзотических для Средней Европы национальностей. Подобных детей прямо так и называют: украинец, русский, вьетнамец, негритенок и т. п. Следует заметить, что, несмотря на бытовую ксенофобию по отношению к русским и украинцам, сироты этих народов (их, правда, не так много) фактически не задерживаются в детских домах и быстро находят чешских усыновителей. Добавим, что людей в Чешской Республике, желающих иметь ребенка, больше, чем юридически свободных детей. Брошенные маленькие вьетнамцы и негритята, которые появляются крайне редко, кажутся чем-то совсем необычным, что тоже вызывает интерес потенциальных опекунов или усыновителей обоего пола. На основании личного опыта мы пришли к мнению, что этнический предрассудок в области усыновления или взятия под опеку детей существует только по отношению к «цыганским» малышам, которые, по данным социальных служб, составляют основной контингент детских домов.

Обратимся сейчас к понятиям «этнос» и «национальность». Рассуждениям на эту тему посвящает свое внимание Мартина Ванчакова – известный чешский психолог, мать четверых детей, из которых двое – цыганского происхождения – растут под ее опекой. Она является очень активным человеком, работала в Канцелярии Совета правительства по вопросам цыганской культуры, в настоящее время сотрудничает с целым рядом различных организаций, помогающих в усыновлении или передаче под опеку цыганских детей, координатор многих проектов и автор книг и статей. Мы можем с полным правом назвать ее одним из создателей и столпов существующего в стране дискурса по отношению к цыганам.

По мнению Мартины Ванчаковой, на которое ссылаются и которое часто цитируют, этнос отличается от национальности тем, что его нельзя выбрать, в то время как принадлежность к нации – дело личного вкуса. При этом Ванчакова в качестве примера этноса приводит чехов, словаков, немцев и вьетнамцев [10, s. 7], хотя сами немцы не считают, что немцем можно только родиться, и предоставляют немецкое гражданство эмигрантам, как, собственно говоря, и чехи. Ванчакова же выделяет гражданство в так называемую «формальную» категорию и призывает не путать его с этносом и с национальностью. Гражданство в ее интерпретации

⁶ Проблему этноса как воображаемой группы поставил в 1920-х годах Макс Вебер (см.: [9, s. 152–156]).

есть некая фикция, необходимая лишь в практической жизни. Подчеркнем, что если гражданство есть всего лишь правовая фикция, то и равенство граждан перед законом есть равная тому правовая фикция.

Выходит, что человек, похожий на цыгана, рожденный в Чешской Республике и воспитанный в детском доме, имеющий чешское гражданство и пожелавший, поскольку имеет право выбора, иметь чешскую национальность, все равно навсегда останется цыганом. В этой связи этнос приобретает особое, мистическое значение, возвышающее его над понятиями нации и гражданства. В своем пособии М. Ванчакова трактует «этнос» как «общество людей, которое имеет общее расовое происхождение, обычно общий язык и общую культуру», но здесь же она отождествляет этнос с расой – «общее расовое происхождение» [10, s. 6–7]. Добавим, что от социальных работников мы неоднократно слышали понятие «цыганская раса». Получается, что в наше время, когда человек может выбрать себе даже пол по собственному желанию, изменить свое цыганское происхождение никто не в силах.

Далее Ванчакова приводит цитату из чешского Социологического словаря Я. Яндоурека, изданного в 2001 г., где, между прочим, уточняется, что одним из признаков этноса «может быть и то, что его представители понимаются другими как этнически иные». Заметим по ходу, что это высказывание социолога позволяет подвести научную базу под упомянутую мистическую способность чехов «видеть» цыган.

Анализируя взгляды М. Ванчаковой, интересно отметить особое выделение отдельным параграфом вопроса «происхождения» и «полупроисхождения» [10, s. 7]. «Полупроисхождение» обычно означает смешанное происхождение, когда ребенок имеет, например, одного родителя из доминирующего этноса, а другого из этнического меньшинства [10, s. 7]. Упоминание о «полупроисхождении» как раз и показывает, что в этом случае не подразумевается какое-то знание языка, фольклора и прочих культурных элементов, а под словом «этнос» и выражениями, его содержащими, мыслится именно расовое происхождение в его самом прямом историческом смысле. В этой связи вспоминается факт, что в Третьем рейхе выделялась особая группа людей полуеврейского происхождения: так называемые «мишлинги» [1, с. 32].

Вернемся к хронологии и к нашему первому походу в районную социальную службу. Итак, вопрос, который задается абсолютно всем будущим усыновителям или опекунам, приходящим в социальную службу со своими справками и документами, на нормальный язык переводится как вопрос о том, согласны ли они взять цыганского ребенка. Отметим комичную ситуацию – в отличие от Ванчаковой, которая этносом считает и чехов, чехи, сидящие в социальных службах, этносом считают только цыган.

Что же все это означает на практике? И тут опыт показывает, что в момент, когда надо решить, согласен ли потенциальный родитель на усыновление цыганенка, о какой-либо культурной принадлежности, языке, институтах, сопутствующих понятию «этнос», не думает никто. В ситуации, когда надо ответить «да» или «нет», весь «цыганский дух» содержится только в одном – во внешности малыша.

И тут выясняется, что цыгане бывают все-таки разные: от совсем «черных», не совсем «черных» и до совсем «белых». Социальная реальность создала в чешском языке особое понятие, которого, как кажется, не существует в других странах – «белый цыган», – обозначающее цыганского ребенка с белой кожей и голубыми глазами.

Следует отметить большое старание сотрудников социальной сферы пристроить цыганских детей в чешские семьи. Именно они активно используют эти не-

обычные выражения, уговаривая будущих родителей: «Цыганочка, но ведь этого не видно! Глаза голубые! Ей уже год, это уже не поменяется!» Тут, по ходу, можно отметить противоречие: если детям нужно говорить «правду», что они цыгане, и воспитывать их с этой правдой, то какая разница, какие у крохи глаза, карие или голубые? Если же официальным лицом делается упор на то, что чего-то не видно, то будущему родителю или опекуну как бы дается намек на то, что без «правды-матки» тоже можно жить. Этот намек, как мы увидим далее, понимается с полуслова.

В некоторых случаях, со стороны социальных работников с более развитым воображением, даже делается попытка вычислить процент цыганской крови. 50 % или менее – это тоже аргумент для усыновителя. Встречаются и такие выражения: «Он черненький, но он цыган всего наполовину, он может и побелеть еще» (наш случай, это слова одной из социальных работниц). А вот, скажем, 75 % цыганской крови уже заставляет приемных родителей задуматься, ибо большинству не хочется, чтобы «в коляске сидело что-то черное» (слова одной нашей знакомой, удочерившей «белую цыганочку»).

Суровая действительность заставляет многих искренних, хороших и добрых людей участвовать в унижительных играх. Люди отчаянно тратят время и силы, пытаясь обмануть расизм соотечественников. У многих возникает необходимость проконсультироваться с родственниками, даже устроить младенцу постыдные смотрины, чтобы родители приемных родителей – будущие дедушка и бабушка малыша – помогли определить, можно ли визуальнo отнести ребенка к цыганам. Мнение прародителей о том, что ребенок на цыгана не похож, часто является решающим доводом принять ребенка в семью. В дальнейшем многие родители тревожно всматриваются в малыша: не начинает ли он меняться не в ту сторону, т. е. не превращается ли он в чудовище, как в известных голливудских фильмах? В летний период многие усиленно и систематически мажут деток кремами против загара с самым высоким фактором – 50, подтавливая себя, наоборот, самым агрессивным солнечным лучам для того, чтобы добиться большего сходства.

Подведем итоги сказанному. Во-первых, мнение Макса Вебера или Бенедикта Андерсона, что этнос, как и нация, являются «вымышленными сообществами» [9, s. 156–164], а также осторожный подход к этим терминам в научной среде чешские социальные службы не принимают во внимание. Отсутствие всякого следа научного мышления у социальных работников обнаруживается уже в том, что, как уже было упомянуто выше, детей записывают в цыгане легко, и исключительно по внешним признакам. Поскольку юридически свободных детей мало, то желающим иметь ребенка ставится вопрос о возможности принятия в семью ребенка «инога этноса», что в переводе на нормальный язык означает, что речь идет о малыше, которого приписали к цыганам. В этой связи пространные этнологические экскурсы в пособиях для усыновителей и опекунов только запутывают читателя, указывая кремнистый путь в непролазные дебри научных споров на тему, что есть этнос. Кроме того, потуги Ванчаковой и ее коллег привести научную дефиницию этноса избыточны. Как показывает наш личный опыт, в среде социальных работников этим термином обозначаются исключительно «цыгане» и даже в пособии самой Ванчаковой, где, судя по названию – «Ребенок инога этноса в приемной семье», – вроде бы должна идти речь о детях разных этносов, подразумеваются главным образом цыгане.

С точки зрения не только науки, но и здравого смысла, нельзя говорить об этнической принадлежности детей, которые не пришли ни в малейшее соприкосновение ни с языком, ни с культурой своих родителей, а последние иногда и вовсе неизвестны. Тот факт, что юридически свободные «черненькие» цыганята («черные как полено»), по образному чешскому выражению, подразумеваемому, само

собой, полено обгоревшее) отправляются в международное усыновление и перебираются в Италию, Данию, Швецию, где никто не озабочен проблемами пробуждения «голоса крови», поисками в подростковом возрасте цыганской идентичности и прочими сопутствующими чисто чешскими «фольклорными» проблемами, показывает, что «голос цыганской крови» звучит исключительно в чешской голове⁷. В этой связи хуже всего приходится юридически несвободным детям: они, лишённые какой-либо моральной поддержки, проводят детство и юность в детских домах, впитывая в себя информацию о своей второсортности и врожденной ненормальности.

Представления о цыганах.

Отсутствие ума и близость к природе

Ни о каких врожденных особенностях человеческой природы русских, украинских, вьетнамских детей в области, связанной с заботой о детях, в Чешской Республике не говорится или почти не говорится (вьетнамцев, например, иногда обозначают как быстрых в реакциях, трудолюбивых, а чехов, что показательно, – как нормальных). Зато цыгане – излюбленная тема, которой озабочены не только специалисты по социальным вопросам. На эту тему с легкостью поспешит поделиться опытом почти любой чех или чешка. Каков же этот «этнос» в воображении чешского населения? А точнее, какие качества создают образ цыгана?

Один высокопоставленный чиновник, имеющий научное звание, доверительно сообщил нам, что мы должны быть готовыми к тому, что наш двухлетний Фома не сможет в силу умственного развития получить высшее образование (октябрь 2017). Этот уважающий себя администратор, само собой разумеется, никогда не видел ребенка и не знал о нем ничего. Для обоснования своего утверждения он рассказал нам историю своих знакомых, уже имевших ребенка и взявших в детском доме цыганского мальчика. Собственный малыш пошел в родителей, хорошо учился, а приемный мальчик, в силу врожденных данных, не мог. Отлично у него получалось только петь и плясать. Эта история послужила доктору наук материалом для обобщения и заключения о недостаточных умственных способностях нашего ребенка.

Подобных историй приемным родителям и опекунам цыганских детей предстоит услышать множество, причем в самых неожиданных местах и в то время, когда они менее всего будут к этому готовы. Все наши попытки привязать любой подобный рассказ к действительности, как правило, кончались неудачей. На вопрос, можно ли связаться с людьми, которые в своей жизни столкнулись с проблемами в воспитании цыганского ребенка, рассказчики иногда действительно жутких кошмаров, как правило, сообщают, что люди, о которых идет речь, уже уехали в далекие края, или же «они настолько стыдятся своего цыганского ребенка, что ни с кем не разговаривают». Истории эти построены по одной схеме и похожи одна на другую, заканчиваясь морализаторским выводом в духе «кровь не изменишь».

Но вернемся к описанному случаю, который как раз демонстрирует невозможность юридически доказать факт дискриминирующих высказываний. Невозможно показать умысел рассказчика, так как он якобы исходит из добрых побуждений, желая «предупредить» коллегу. Вероятно, то же имел в виду адвокат из благотворительной церковной организации, который посоветовал нам уехать из этой страны, так как цыган не имеет здесь никаких шансов жить нормальной жиз-

⁷ Однако «несуществующее» не означает «нереальное». Если люди в ведьм верили, то само по себе несуществование ведьм никак не помогло тем несчастным женщинам, которых сожгли в качестве ведьм.

нию («Достаточно будет перебраться всего на пару километров от чешских границ туда, на Запад!»).

Истории о врожденной глупости цыган, рассказываемые человеком, принадлежащим к интеллектуальной элите общества, однако, имеют иной социальный вес, чем подобные байки, распространяемые обычными людьми. Речь идет о неосознаваемой (осознаваемой?) социальной ответственности. Очень часто толерантность, терпимость, доброта не являются этическим кодексом научных работников. Научная работа, как видно, никак не связана не только с этическими нормами, но также с рефлексией и критическим подходом к жизненным ситуациям. Хотя это не наша тема, но стоит упомянуть и о роли ученых в чешском обществе. Люди, авторитет которых подтвержден учеными степенями, вовсе не являются источником здравого смысла и рациональной критики и точно так же, как необразованный таксист, бездумно распространяют слухи и вымыслы.

История о «неразвитом» цыганском уме имеет разные варианты. Многие уверяют, что для цыган образование не является приоритетом, а точнее, более научно-образно, оно в системе их ценностей стоит на самом последнем месте. Здесь мы имеем дело с весьма известной и сильно критикуемой теорией «культуры бедности». Суть ее в том, что бедные бедны потому, что имеют иную, чем богатые, систему ценностей, и их ценности не позволяют им получить образование и хорошую работу. Правда, дети до трех лет вряд ли успели обзавестись какими-то ценностями, если только не предположить, что эти ценности врожденные и обусловлены генами. Занимательно, что М. Ванчакова, принимая названную выше теорию, подчеркивает, что «культура бедности соединена с социальной ситуацией и никоим образом не зависит от этничности или расы человека», но тут же сообщает, что ребенок, живший до трех лет в такой культуре, уже усвоил ее ценности и при сочетании неблагоприятных факторов легко соскользнет в «патологические формы жизненного стиля» [10, s. 20].

В качестве замаскированного обоснования цыганской «культуры бедности» приводится информация о якобы большей, чем у других народов, близости цыган к природе. Эти рассуждения мы услышали от сотрудницы «Хорошей семьи», которая нам рассказывала на вышеупомянутой консультации об особенностях цыган. Мы недоумевали: почему наш Фома ближе к природе, чем любой другой ребенок? Он же не Маугли, и растет не в лесу! В этой связи нужно подчеркнуть просто немыслимый «винегрет», состоящий из смеси понятий, фактов и буйной фантазии и служащий объяснением «натуральности» цыган. Коротко: близость к природе продиктована жизнью в кочевом таборе. А табор – их стихия. На наше недоумение по поводу кочевого табора, в котором никто из современных цыган не вырос, сотрудница сказала, что свободу цыган в Чехословакии ограничили коммунисты, пришедшие к власти в 1948 году. Это они запретили кочевать, заперли цыган в квартиры, а там они жить не могли и не могут, не умеют и не хотят («срывают паркет и устраивают костер»). Эти рассказы вызывают соблазн пошутить о том, что, руководствуясь такой логикой, цыгане должны рваться к скрипящим, подпрыгивающим на каждой кочке и грохочущим по европейским каменным мостовым деревянным повозкам, а не к использованию современных и комфортных авто. Как мы видим, коммунисты ответственны за еще одно преступление против народа.

Замечательно, что романтическое описание кочевников мы встречаем уже в «Илиаде» Гомера⁸. Кочевники гиппомолги у Гомера – самые справедливые из всех людей, и это потому, что они пьют молоко. Как потребление молока может быть связано со справедливостью? Разумеется, только мифологически. Примерно

⁸ «...И дивных мужей гиппомолгов / Бедных, питавшихся только млеком, справедливейших смертных» (Илиада, пер. Гнедича, любое издание, 13,5-6).

такой же «гомерический» уровень аргументации обнаруживают те, кто объясняют, что цыганский ребенок, родившийся в Чешской республике и никогда не видевший никакого табора, хочет туда и не желает приспособиться к жизни в квартире. В этом и выражается его близость к природе, развивающая эмоции, а не мозг. Именно поэтому, как объясняют в Чехии, цыгане не учатся в училищах и университетах и не получают ни среднего, ни, тем более, высшего образования.

Печальная правда заключается в том, что чешское общество, погруженное в предрассудки, связанное путами бытового расизма, в лице своей образованной части – посредством психологов – отправляет детей, часто действительно родителями не подготовленных (но не неспособных к учебе), из социально слабых цыганских семей в школы для отстающих в развитии детей. Закончив их, в силу некачественного среднего образования, они не имеют возможности получить высшее. Однако этот социальный факт в чешском национальном сознании перерабатывается в факт мифологический.

Мифотворчество о цыганах – отдельная тема. К сожалению, мифотворчеством заняты также родители и опекуны, растящие цыганских детей. Основа мифов – убежденность в существовании этноса как сверхъестественного трансцендентального единства. С этой точки зрения все сложности и недостатки поведения, которые в случае чешского ребенка объяснялись бы естественными причинами, например неспособностью сосредоточиться, элементарной ленью, рассеянностью, злоупотреблением Интернетом и т. п., в случае цыганского ребенка объясняются врожденной тягой откочевать в какой-то табор, убежать на волю, в некие пампасы. В этой связи перегруженность приемных родителей и опекунов специфической информацией о цыганах, об их происхождении, суцая пуганица в понятиях «раса», «этнос», «национальность», «гражданство» не только не помогает им, но прямо мешает. Вместо того чтобы решать конкретную проблему, а именно разобраться в причинах, почему ребенок плохо учится, приемные родители и опекуны заняты попытками проникнуть в индийскую мифологию и прочую мистику, пытаясь постичь суть загадочной цыганской души, которую нельзя мерить общим аршином.

Гены как богини судьбы

От проблем «отсутствия ума» мы перейдем к иным легендам. К ним относятся взрывной темперамент цыган и их повышенная эмоциональность. Объяснения содержатся опять же в сфере «близости к природе». Такие фразы, как «Цыгане ничего не забывают – ни добра, ни зла», «Если ты к ним с добром, они тебе ответят сторицей», «Если ты им что-то сделаешь, они могут тебя и зарезать», не происходят из каких-либо тестов или исследований. Они – результат чистой фантазии.

Некоторые мифы, однако, опираются на «научные» конструкции. Сотрудница «Хорошей семьи» на полном серьезе рассказывала нам, что в Чехии были проведены психологические тесты, которые показали, что цыганские дети в силу наличия особых генов не умеют предвидеть последствия своих поступков, поэтому они с легкостью совершают преступления. Получается, цыгане просто не понимают, что их могут поймать и наказать. Публикации подобных тестов и их организатора нам не удалось разыскать.

Одна мама, удочерившая «белую» цыганочку, рассказывала нам, что в Праге есть лаборатория, куда можно сдать слюну ребенка. Наука, по ее словам, способна определить, является ли хозяин этого биологического материала цыганом или нет. На наш вопрос, а определяется ли частичное «цыганство», она ответила сначала, что да, само собой разумеется, а потом в своих словах засомневалась. Эти рассказы мы встречаем неоднократно. На их фоне опять всплывает тема отождествления «цыганства» с генетическим заболеванием или инвалидностью. Попытка

опровергнуть взгляды наших собеседников с точки зрения здравого смысла, что, дескать, если «цыганство» – это болезнь, то тогда нужно менять законодательство и прощать совершенные злодеяния, ибо преступники в них неповинны, вызвала искреннее недоумение. Но ведь больных людей действительно нужно не наказывать, а лечить. Тут, однако, встал бы вопрос: прощать ли только того, кто похож на цыгана – «черных» цыган? А как же быть с «белыми»? Или чехи и их «видят»? Абсурдность обвинения, лежащая прямо на поверхности, почему-то незаметна сотрудникам социальной сферы.

Следует отметить, что объяснение негативных человеческих качеств «плохими» генами – распространенная, очень опасная и очень сильная метафора, которая отражает воздействие научных исследований на общество. Цыганам предъявляется обвинение и в таких «генетических проблемах», как, например, нежелание работать. В одном из пособий, подготовленных и изданных в 2006 году словацким обществом «Возвращение», переведенном на чешский язык, опубликованном в Праге в 2012 году и бесплатно распространяемом в Чешской Республике, есть небольшая глава с названием «Цыгане имеют своеобразный жизненный стиль и своеобразные ценности» [8]. В ней сказано: «Их жизненный стиль характеризует: семейная жизнь, каждодневное ведение хозяйства, нелегальная работа, жизнь в настоящем, разница диалектов и солидарность» [8, s. 27]. «Нелегальная работа», т. е. труд, с оплаты которого не взимается государственный налог, по мнению психологов и иных специалистов общества «Возвращение» и их чешских коллег, вместе с разницей диалектов, – характерная особенность жизненного стиля цыган. Кстати, формулировка «жизнь в настоящем» (то, чему нас учит, например, йога) есть своеобразный вариант рассуждений о «близости» к природе. Нелепость брошюры просто вопиющая, но ее выдают желающим усыновить ребенка и всем ищущим информации об этом. Она существует и в версии цифровой, рассылаемой всем желающим.

«Они не приспособливаются» – вердикт, наиболее часто звучащий в средствах массовой информации. Что под этим подразумевается, нам непонятно. Может быть, то, что не все цыгане в жизни преуспели более, чем чехи? Словацкая брошюра тоже не обошлась без комментария этого факта: «У нас самым известным способом решения *цыганского вопроса* является стремление их ассимилировать, т. е. приспособить к большинству. (Эта идея в недавнее время легла в основу государственной политики.) Но и эти стремления не решают проблем совместного проживания цыган и нецыган. Примером их *неприспособляемости* у нас является, например, высокий процент цыганских детей в детских домах» [8, s. 27].

О культурных отличиях «этнуса» сообщают социальные работники, называя, например, цыган «громкими», упоминая, что в трамваях они способны кричать друг другу что-то через весь вагон⁹. Только культурные отличия подменяются словом «генетические». Эти замечания сродни замечаниям об ограниченном уме цыган. Названная выше брошюра словацких специалистов предлагает такую информацию: «То, чем цыгане отличаются, тяжело охарактеризовать. Мы не располагаем никаким научным исследованием, которое бы нам точно описало, каковы цыгане, чем они отличаются от нецыган. Среди нас живет представление, что они темпераментные, громкие и агрессивные, более или менее отличаются в одежде, дети имеют проблемы в школах, а взрослые – на работе, они любят музыку, песни, танец, имеют много детей, живут большими группами на маленьких площадях, занимаются криминальной деятельностью, многие из них умеют использовать ситуацию в свою пользу и проч. Поэтому, чтобы мы могли их лучше понять, нужно знать о них больше» [8, s. 26–27]. Это восприятие словаками цыган анало-

⁹ Кстати, такими же «громкими» в восприятии чехов являются и русские, и, особенно, немецкие туристы.

гично восприятию русскими чеченцев или любых других кавказских народов, т. н. «кавказцев». Разумеется, «научное» изучение цыган ничего в этом смысле не даст, так как изучать нужно самих словаков, а именно механизмы формирования в словацком общественном сознании «воображаемого сообщества» в лице цыган. «Кровь не изменишь: вырастет и начнет воровать» – это выражение, как аксиома, устойчиво вписалось в сознание многих людей в чешском обществе, даже работников научных учреждений с учеными степенями. Мы не занимаемся обществом словацким, но, судя по брошюре, и там ситуация подобна.

Итак, вновь подведем итоги сказанному: по мнению, бытующему в чешском обществе, цыгане неумны, способны лишь петь да плясать, неспособны видеть ни на шаг вперед, очень эмоциональны, «громки», невоспитанны, не желают работать, а если работают, то не платят налогов, – одним словом, они не приспособляются. К этому можно добавить, что их традиционно обвиняют в воровстве и торговле наркотиками. Все эти «грехи» в народе называют «генетическими». Такой набор качеств – это то, что, по мнению многих, течет у малыша в крови. Именно поэтому чешские семьи не спешат принимать к себе детей, которые могут быть «цыганами».

Рассмотрим теперь значение термина «генетический». Мы не являемся специалистами-генетиками, но для нашего исследования важно не то, чем являются гены с научной точки зрения, а то, чем они представляются в общественном сознании. Гены воспринимаются как код судьбы, отсюда научный термин «генетический код» становится метафорой предопределенности и абсолютной предопределенности, если речь идет, например, об опасном наследственном заболевании. С одной стороны, это то, что не находится в нашей власти, с другой стороны, например, Анджелина Джоли удалила из своего тела яичники и молочные железы, так как ген онкологического заболевания этих органов угрожал ее жизни. Она стала примером для многих женщин планеты. Возможность устранить потенциальную угрозу здоровью действительно является достижением генетики и медицины.

Однако в контексте цыганской проблематики генам приписывается влияние на социальное поведение индивида, которое, в отличие от наследственного заболевания, невозможно ни удалить, ни просто поставить под контроль. В этом случае гены становятся синонимом бессознательного, под которым подразумевается наличие врожденных моделей поведения, лишаящих человека свободы воли и способности к рациональному поведению. Однако, в конечном итоге, когда мы говорим о бессознательном, то речь идет не о науке, а о философской позиции, которая отвергает объективное существование внешнего мира и нашу возможность познавать этот мир [12, s. 135].

В зависимости от занятой философской позиции ученые могут приходить к разным выводам относительно свободы воли и степени влияния бессознательного на поведение. Эти темы дискуссионные, и по ним нет и не может быть определенного мнения, так как в основе споров лежит метафизический вопрос об объективном существовании и познаваемости мира.

Конкретный специалист, который должен помогать обычным людям, оказывается в сложной ситуации. С одной стороны, он признает, что «голос крови» есть предрассудок и что генетика не влияет на поведение, но, с другой стороны, вынужден давать совсем противоположные советы, из которых прямо следует, что «испорченность» цыган врожденная, а значит, что следует логически, определяется генетическим кодом. В частности, М. Ванчакова предупреждает читателя, что не нужно воспринимать «цыганство» как своего рода инвалидность [10, s. 20], но из сущности ее советов никакое другое восприятие «цыганства» просто невозможно. «Цыганство» описывается именно как своеобразное генетическое заболевание:

«Родители обычно желают воспитанием *перебить* генетическое наследие биологической семьи ребенка» [10, s. 22]. Другими словами – воспитанием уничтожить некое зло или «культуру бедности», которые малыш, биологический отец которого часто вообще неизвестен, а общение с матерью было сведено к минимуму, все же обреченно несет в себе.

В этой связи вернемся к обозначенной Ванчаковой теме «полуцыганства», о которой мы говорили выше. Согласно ее мнению, «полуцыгана» все равно надо считать полностью цыганом, и в этом она более радикальна, чем пресловутые авторы «Нюрнбергских законов», так как «цыганство» может проявляться через поколения, что создаст в будущем проблемы чешским супругам. Ведь если один из них является «тайным» цыганом, то у них может появиться «потомок с ясными чертами этнического отличия» [10, s. 28]. Вот поэтому, предупреждает Ванчакова, «ребенок, который имеет этническое происхождение, отличающееся наполовину (и даже на еще меньшую часть), должен восприниматься как ребенок этнически отличающийся» [10, s. 28]. Для сравнения заметим, что в Третьем рейхе потомство от смешанных браков – метисы или мишлинги – «уже не считаются евреями, и немецкий закон, очень определенно в целом ряде параграфов, берет их под свою охрану, исходя из той мысли, что человек, в жилах которого имеется хотя бы половина не-еврейской крови, именно во внимание к этой не-еврейской половине, не должен уже считаться евреем, а если часть не-еврейской крови больше половины, то для отнесения его к еврейской категории и подавно нет основания» [1, с. 32].

Мы позволим себе задать вопрос: а не проявляется ли в процитированных опасениях забота о чистоте чешской расы? Не является ли эта чистота более высокой ценностью, чем благополучие маленьких граждан ЧР, которые могут, даже чисто гипотетически, замутить своим черным «цыганством»¹⁰ белое «чешство»?¹¹

Подростковый возраст у цыган

Итак, у некоторых потенциальных усыновителей цыганских детей страх парализует здравый смысл, и они отказываются от своей затеи, но есть и такие, у кого все же желание иметь малыша пересиливает предубеждения белой расы. Так в чешском обществе появляются «кокосы». Термином «кокос» чехи обозначают цыганского ребенка, который вырос в «белой семье». Метафора предельно понятна: коричневый снаружи – белый внутри. Интересно, что сами по себе «кокосы» психологов нервируют. Специалисты возражают и против двойной идентичности, «цыганский» ребенок, с их точки зрения, ни в коем случае не должен выдавать себя за чеха, даже если один из его родителей чех. Обычно дети-билингвы, т. е. рожденные в смешанных браках и свободно владеющие двумя языками, имеют то социальное преимущество, что признаются за своих и в том и в другом обществе. «Двойная идентичность» – несомненное социальное преимущество, что чешские психологи, как показывает анализ текстов, отрицают исключительно в отношении цыган [10, s. 26].

Итак, получив ребенка, родители начинают растить и воспитывать своего «кокоса». И тут с самого первого дня, как ночной кошмар, родителей или опекунов преследует трансцендентальный страх, основанный на жутких рассказах, повторяемых везде и всюду, о том, что с наступлением подросткового возраста ребенок перестанет быть нормальным, бросит учиться, начнет искать компанию, в поисках самоидентификации он прибьется к «своим» – цыганам и начнет воро-

¹⁰ Romství – слово, отсутствующее в Большом чешско-русском словаре 2005 года и в интернет-версии словаря-справочника чешского языка (см: URL: <http://prirucka.ujc.cas.cz/?slovo=romstv%C3%AD>). Получается, что слово не существует в чешском языке, но поисковик Google выдает 2 810 000 случаев употребления этого слова в Интернете.

¹¹ Češství – чешское национальное самосознание.

вать, употреблять наркотики, а все девочки поголовно станут проститутками. Когда мы впервые привели нашего Фому к детскому врачу на запись, медицинская сестра сразу спросила: «Он цыганенок?» Этот вопрос застиг нас врасплох, на наш утвердительный ответ она покачала головой и сказала: «Но... а подростковый возраст?»

Этот страх подростковых мятежей «кокосов» прочно укоренился в сознании приемных родителей и опекунов в Чехии. Неудивительно, что одним из строителей этого мифа является весьма известная писательница, сценарист и публицист Тереза Боучкова. На ее роли в создании общественного мнения об усыновлении цыганских детей мы остановимся особо.

Писатели как выражение национального самосознания

Тереза Боучкова подарила Чехии собственный печальный опыт усыновления цыган. После удручающего диагноза – бездетность, – который позднее оказался неверным, она в революционные 1988 и 1989 годы взяла двух цыганских мальчиков из детского дома (в 1991-м у нее родился собственный сын). Мы слышали мнение одной социальной работницы, что «цыганскими» детьми Боучкову «наказали» коммунисты за диссидентство ее отца («Ей бы красивого, белого малыша не дали!»). Ванчакова также отмечает эту репрессивную практику коммунистического режима не давать «нормальных» детей политически неблагонадежным людям. Дескать, люди, за которыми водились некоторые политические грешки, получали в усыновление только «цыган», в качестве наказания [10, s. 11].

В связи с этим необходимо отметить, что единственное в Чехии исследование, сравнивающее цыганских и нецыганских детей, появилось именно при коммунистах, в 1981 году. Работа, основанная на анализе 800 цыганских и нецыганских детей, находящихся в семьях приемных родителей, не обнаружила никакого значительного различия между детьми. Правда, приемные дети, как цыгане, так и нецыгане, в целом чаще, чем дети из нормальных семей, не справлялись с программой обычной школы и были вынуждены посещать спецшколы. На это указывает сама Ванчакова [10, s. 27]. Получается, что коммунисты, даже научно доказав отсутствие различий между цыганскими и нецыганскими детьми, наказывали диссидентов, давая им в усыновление только цыган. Что это? Показательный пример двойных стандартов коммунистов или же мифология послереволюционного времени? Тут нужно разбираться отдельно.

Сейчас, ради небольшого исторического экскурса, мы ненадолго отвлечемся от судьбы Терезы Боучковой. Он необходим нам для того, чтобы лучше понять ситуацию. Ванчакова справедливо замечает, что, например, в Великобритании потенциальные усыновители и опекуны, которые не согласны принять ребенка другой расы, вообще не могут стать опекунами или усыновителями [10, s. 10]. Особенность Чешской республики психолог объясняет тем, что это государство отличается «от многих европейских стран тем, что мы долго жили относительно законсервированными, изолированными от пестроты иных отличающихся народов. Смешанные партнерства или даже семьи являются для нас до сих пор темой сплетен и слухов» [10, s. 11].

Здесь мы сталкиваемся с полностью фантастическим историческим образом самих себя. Если не принимать во внимание сложные отношения со словаками в рамках одного государства, то даже в границах современной Чехословакии-Чехии в XX веке разыгрался серьезный этнический конфликт между чехами и немцами, который являлся хоть и не главной, но одной из причин Второй мировой войны. Кроме того, с 1921-го по 1938 год в Чехословакии была проведена Русская акция помощи – первая в мире успешная масштабная государственная программа по приему политических эмигрантов. В результате этой программы в чешское и сло-

вацкое общество влились и успешно в нем ассимилировались эмигранты разных национальностей, в том числе таких экзотических для Европы, как буряты, караймы и калмыки, с территории бывшей Российской империи. В качестве иронии судьбы можно воспринимать тот факт, что объединение чешских женщин-фашисток возглавляла Екатерина Гайдова, супруга генерала Родолы Гайды, черкешенка из Екатеринбурга. Говоря об иностранцах, можно вспомнить, что современные чешские националисты сплотились вокруг Томио Окамуры, выходца из чешско-японской семьи. Фактически, «законсервированным» народом чехов можно рассматривать только с 1993 года, что по историческим меркам – совсем короткий временной период. Исследователь с английским образованием Ирена Райхова замечает, что до 1945 года Чехословакия была многонациональным государством [7, s. 36].

Но вернемся к Терезе Боучковой и к эпохе, последовавшей после падения «коммунизма». Будучи сначала активным сторонником усыновления цыганских детей, она написала книгу «Индианский бег», по которой был создан романтический и добрый фильм с отвратительным, однако, названием «Вонючки». В нем рассказывается о семье, принявшей двух мальчиков и мужественно защищавшей их от предвзятости и грубой агрессии людей в чешской провинции, где все они жили. Жизнь, однако, шла своим чередом, в подростковый период у детей возникли проблемы с поведением. Боучкова вступила с детьми в открытый конфликт, сдала их в исправительную колонию для несовершеннолетних, а потом прервала с ними всякие контакты, лишив их наследства. Свой плачевный опыт она изложила на страницах книги с названием «Год петуха», представив себя, согласно собственным ощущениям, жертвой и признав, что эксперимент не удался. Тем самым она свела на нет всю красоту и благородство поступка, совершенного приемными родителями в описанном фильме.

Из текста книги «Год петуха» следует, что во всем виноваты не столько детские травмы, уж вовсе не воспитание и не обстоятельства, а то, что течет в жилах детей, – цыганская кровь. Причем сама автор этого открытым текстом не говорит. На собственной странице в Интернете Боучкова разместила многочисленные отклики на свое произведение. Один из них принадлежит известной чешской писательнице Мартине Биттнеровой, он носит название «Год петуха: Книга также о том, что цыган мы действительно не перевоспитаем». Вот что усвоила Биттнерова из книги Терезы Боучковой: «Без лишнего приукрашивания и сантиментов (Т. Б.) пишет в автобиографическом дневнике <...> о том, как разрушилась ее мечта о большой и дружной семье, как она старалась повлиять на гены своих двух усыновленных детей цыганского происхождения. В успешном фильме “Вонючки” Боучкова рассказывает об их детстве, “Год петуха”, однако, показывает время, когда ее “цыганские мальчики” становятся подростками или, скорее, взрослыми. Она изображает момент, когда в них победили их биологические родители, когда в них в полной мере проявилось нежелание что-либо делать, жить нормальной жизнью, получать образование, заниматься спортом. Обоих парней, наоборот, потянуло бродяжничать, не работать, принимать наркотики, а, главное, с помощью воровства дома получать средства для своего странного существования»¹².

Книга стала популярной. Само собой разумеется, что она вызвала и волну критики. Критика сейчас, по прошествии лет, утихла, а книга осталась, и в многочисленных филиалах городской библиотеки на нее нужно записываться в очередь. Для нашей проблематики важно то, что, по нашим данным, чаще всего из книги Боучковой делают именно такие выводы, какие мы привели выше. Люди верят и писательнице, и ее умозаключениям не задумываясь. Читая, они почему-то не за-

¹² Tereza Boučková : [сайт]. – URL: Terezabouckova.cz

мечают пассажиров, в которых писательница искренне рассказывает о своих воспитательных методах, которые нормальный человек воспримет как жестокое, граничащее с издевательством обращение с детьми, что заслуживает если не вмешательства полиции, то, по крайней мере, внимания социальной службы.

Кроме данного литературного опуса, многие в Интернете делятся собственным негативным опытом, рассказывая, что именно в подростковом возрасте их детей будто подменили. Интересно, что эти рассказы очень похожи один на другой. Родители снимают вину с себя, с обстоятельств, списывая все на «гены».

Если в двух словах обобщить эту информацию, то угроза звучит так: цыганский ребенок, вырастающий в «белой» семье, став подростком, начнет поиск собственной идентичности. Без каких-либо альтернатив, этот поиск приведет его туда, где ему будет комфортно, туда, где он будет чувствовать себя собой. Место это – этническая преступная группа.

А теперь отвлекусь от цыган. Проблеме подросткового возраста в настоящий момент уделяется в обществе внимание большее, чем когда-либо в истории. Это связано не только с развивающимся с 1930-х годов детоцентризмом, но и с тем, что родители в эпоху чрезмерно потребительского общества, с его дефицитом моральных ценностей, не справляются с воспитанием детей. Именно поэтому, например, грубое хамство подростка легче списать на возраст, чем пытаться ему противостоять. Противостояние или же воспитание требует сил, а силы исчерпаны работой и поиском средств для поддержания уровня все дорожающей жизни.

Чешские семьи, как и семьи в иных странах, тоже стоят перед вопросом подросткового возраста детей и негативных проявлений подростков. При этом ни от психологов, ни от социальных работников мы никогда не слышали о том, чтобы чешских подростков волновал вопрос самоидентификации с точки зрения народности или «этнуса», чтобы они задумывались над своей «чешскостью», чтобы путь поиска самих себя привел их в чешские преступные группы, которые, безусловно, существуют. Ничего подобного мы не нашли применительно к вьетнамцам, которых в Чехии много. Вьетнамцы сами себя не ищут, получается? А вот цыгане ищут идентичность. Так ли это? А если да, то кто толкает их на эти поиски?

Цыгане воображаемые и реальные

Напомним уже упомянутый факт, что добровольно отождествили себя с цыганами в Чешской Республике только 11 000 человек, а свыше 200 000 были отнесены к цыганам помимо их воли. Как показывают наблюдения, с тем «воображаемым сообществом» цыган, которое сконструировано в чешском общественном сознании, и сами цыгане, и «белые», воспитывающие цыганских детей, не хотят себя идентифицировать.

Наша знакомая, мама приемной дочери, «белой» цыганочки, рассказала нам, что правду о цыганском происхождении ее дочь если и узнает, то только тогда, когда вырастет и «будет соображать», кому эту информацию сообщить можно, а кому нет. Нам известны истории молодых людей, воспитанных в чешских семьях, где им не было сказано о том, что они цыгане. Родители фантазировали, выдумывая предков из Индии или из Италии, что впоследствии всем доставило много проблем и разочарований. Мы слышали от переживших большие муки «кокосов» о том, как они вращались окружающим, испытывая при этом колоссальный дискомфорт. Парадоксально и больно в XXI веке в центре Европы видеть 35-летнего юриста, который стесняется сообщить своей девушке о своем цыганском происхождении. Белая женщина со смуглым ребенком сейчас уже не привлекает внимания, но белая пара в подобной ситуации обращает на себя внимание на детских площадках. Словацкая брошюра, изданная обществом «Возвращение», наивно и простодушно констатирует факт: «Мы не привыкли принимать иную культуру и

считать ее такой же хорошей, как и наша» [8, s. 26]. В этом высказывании, под которым могут подписаться и многие чехи, очевиден взгляд на цыган как на иностранцев, которые пришли в Чехию или Словакию со своей культурой. Но это – намеренное искажение фактов, так как речь идет о части словацкого и чешского общества, которое фактически, за исключением совсем небольшого числа, не обладает никакой иной культурой, кроме чешской или словацкой. Тем более, когда речь идет о малолетних детях. Их фактически лишают родины, языка, культуры, искусственно создавая из них «иностранцев».

В данной ситуации возникает вопрос: а зачем вообще нужна такая расовая идентификация, раз она приносит одну боль и психические проблемы? И тут мы подходим к проблеме искусственно создаваемого давления на родителей и опекунов, детей и подопечных. А источник этого давления – психологи и социальные работники, книги, пособия, фильмы и пр. По мнению всей этой многочисленной команды, цыган должен осознавать, что он – цыган. Несмотря ни на что: ни на то, что он вырос в чешской семье, ни на то, что он не хочет быть цыганом, ни на то, что он просто вообще не желает об этом думать.

Советы специалиста: план поддержки идентичности

Представим себе ситуацию: мы взяли в семью оставленного родителями годовалого ребенка. Чешская социальная служба определила его по внешним признакам как цыгана. Мы переживаем, нервничаем, ищем ответы на многие вопросы в литературе. Несколько раз упомянутое выше пособие М. Ванчаковой предлагает приемным родителям держаться правила из пяти частей. Прокомментируем это абсолютное недоразумение.

1. Принять отличия

Чтобы мы смогли естественным путем помочь создать его собственную идентичность, мы должны, в первую очередь, внутренне принять факт, что его идентичность отличается от нашей и от идентичности наших биологических детей. Она не хуже и не лучше, она так же качественна, но отлична.

2. Постепенно

Если мы будем заботиться о развитии ребенка с самого начала, мы сможем сделать более спокойным бурный период подросткового возраста, когда ребенок будет остро переживать, что он «иной».

3. Естественным путем

Элементы, которые помогут ребенку развивать его идентичность, нужно включить в каждодневную жизнь всех членов семьи. Если у ребенка сильное ощущение, что он иной, то он может часть собственного «я» начать подавлять, желая слиться с остальными.

4. Положительно

Наследие происхождения ребенка мы должны считать обогащением нашей жизни, нашей семьи. Принятый ребенок будет обогащен нашей культурой, мы обогатимся познанием его культуры.

5. Действовать по плану

Для развития идентичности принятого ребенка иной культуры мы должны сделать что-то сверх того, что при воспитании детей того же самого этноса делается как бы автоматически, нам в детстве было достаточно спонтанно принимать нашу идентичность от наших родителей и педагогов [11, s. 11].

Получается, что, приняв «цыганенка», который еще и ходить-то толком не научился, в семью, согласно этой рекомендации мы должны заставить себя осознать его «иную идентичность» – но ведь у него ее еще нет! Он не знаком с цыганской культурой, не знает цыганского языка, как еще не знает и чешского, и какого-либо другого. Попав в нашу семью, он может расти в ней точно так же, как и

наши собственные дети. Но нет! Ванчакова констатирует: «Если мы решили принять в семью ребенка иного этнического происхождения, мы должны одновременно взять на себя и обязательство развивать эту часть идентичности нашего ребенка. Как подчеркивает доктор Иероним Климец, речь идет о необходимости, а не об обязанности познакомить ребенка с миром цыган. Только так у нас есть шанс предотвратить проблемы с идентичностью, которые, вероятно, появятся в период созревания» [11, s. 22]. Добавим, что Иероним Климец – известный чешский психолог. Ванчакова разработала «План поддержки идентичности», который касается детей в возрасте от 0 до 19 лет. Для грудных детей до 2 лет она авторитетно советует родителям делать следующее: «Узнайте, как можно в вашем районе связаться с цыганской семьей или со взрослыми цыганами» [11, s. 24]. Далее: «Дайте возможность вашим детям (не только цыганским) слушать звуки цыганского языка, мелодии цыганской музыки» [11, s. 24]. Автор советует родителям погрузиться в мир изучения истории цыган, посетить Музей цыганской культуры в городе Брно. «Примите тот факт, что принятый в семью цыганский ребенок становится одновременно и чешским, а ваша семья с этого момента – частично цыганской. Каково Ваше отношение к цыганам, таковым Ваш ребенок примет его и по отношению к себе» [11, s. 24].

Для развития идентичности детей в возрасте от 3 до 6 лет специалистка рекомендует родителям продолжать интенсивно общаться с цыганскими семьями, далее изучать историю цыган, выучить наизусть несколько цыганских песен, а в окружающем мире искать цыганские авторитеты. Так, например, находясь в супермаркете, родители приемного цыганского ребенка должны поискать кассира-цыгана и пойти оплачивать покупку к именно ему, в больнице – обратиться к цыганке-медсестре, выбрать себе цыганку-парикмахера, пригласить в дом цыганского, а не чешского и не украинского сантехника. На вопрос – почему, она отвечает: ребенку нужен положительный пример, ибо «он поможет на бессознательном уровне нейтрализовать негативную информацию о цыганах, которую изливают средства массовой информации...» [11, s. 25]. Подчеркнем, что ключевым словом здесь является «бессознательно», оно намекает на коллективные архетипы Юнга, о которых будет сказано далее.

Итак, по мнению Ванчаковой и многих других специалистов, мы, принеся в дом малыша, оставленного цыганской мамой, должны включиться в некую нелепую ролевою игру, навязывать ему эту игру вместо реальной жизни, да еще и растить в ней и собственных детей. Для правдоподобия мы обязаны в нашу каждодневную жизнь включить цыганские ритуалы – скажем образно, исполнять цыганские песни, освоить цыганские танцы или гадание по руке, выучить на цыганском языке стихотворение. Старших и младших собственных дочек мы можем обвешать, например, золотом. Весь этот цирк, по мнению специалистов, нас «обогастит», и все участники представления должны это осознавать и понимать, что дети той же культуры перенимают ее от родителей, просто живя рядом, а дети «иной» культуры культуру приемных родителей перенять не могут, ибо она – не их. Их культура – это, как показывают многочисленные пособия, пара слов или песен на цыганском языке, цветастые одежды и гремящие золотые браслеты... и всё.

Реальный же мир цыганской культуры состоит из многих частей, о которых мы – не специалисты и не цыгане – не знаем фактически ничего. Цыганский язык имеет много диалектов, отдельные группы цыган представляют самостоятельные культурные традиции, при этом очень большая часть цыганской культуры находится сейчас, в силу исторического развития, в упадке. Эта область является самостоятельной специальностью, и чтобы ее освоить, нужны годы. Стоит ли с помощью цветастых нарядов или широкополых шляп устраивать представление, и кому оно нужно? Оно не знакомит ребенка, рожденного и оставленного цыган-

кой, которая, скорее всего, и сама-то по-цыгански не говорила и, значит, носителем цыганской культуры не являлась, с вымышленным «миром цыган», оно не поможет ему в этот мир попасть. Выучив цыганское приветствие или стихотворение, мы не дадим ребенку знания языка, который имеет много диалектов и особенностей.

Принудительное отчуждение

Вернемся еще ненадолго к пособию «Цыганский ребенок в приемной семье», в котором этот культурный «коктейль», который родители должны каждодневно мешать в своей семье, доведен до абсурда: «Если в семье есть дети и чешского происхождения... думайте и об их идентичности. <...> У детей младшего возраста необходимо следить за тем, чтобы не произошло путаницы. Может случиться, что при построении идентичности цыганских членов семьи могут и нецыганские дети понять, что они – тоже цыгане» [11, s. 22]. Далее брошюра приводит комичный пример, как мать приготовила кекс на 8 апреля – День цыган. А один из нецыганских детей ее семьи отказался от него со словами: «Я подожду, когда ты испечешь кекс для нас, для чехов!» [11, s. 22].

Итак, изложенные здесь факты показывают, что речь идет об искусственном мире, о фиктивной, в реальности не существующей проблеме. А теперь задумаемся над темой, а что же весь этот фольклор, подчеркнем – страшный! – вырастающий из убеждения: ты – не наш, не чех, ты – иной, может с душой малыша сотворить?

Брошюра общества «Возвращение» выносит бесхитростный вердикт: «Поскольку все имеют право свободного выбора собственной этнической принадлежности, Ваш ребенок тоже имеет свободу выбора быть (или остаться) цыганом. Цыганом как есть – с иного цвета кожей, характерным внутренним переживанием, с чувствительной душой, с любовью к музыке и к танцу...» [8, s. 29].

О национальностях мы уже говорили. Чех может по желанию стать словаком, а словак – чехом. «Мы сами себя переделать не можем, не можем стать цыганами, даже если захотим», – поучает брошюра [8, s. 29]. Заметим мимоходом, что существуют случаи, когда действительно цыганская семья не имеет наследника, а его наличие в цыганской культуре важно. Тогда родители берут мальчика из детского дома и этот ребенок оказывается, к примеру, русским по национальности. Он растет в цыганской семье, впитывает все традиции, отождествляет себя с ними, наследует имущество родителей. Кем является этот человек? Русским или цыганом? Согласно чешским интерпретациям – русским, ибо «мы не можем стать цыганами».

Цыган в Чешской Республике, а также и в Словацкой Республике, как следует из подобного рода поучительной литературы, не имеет выбора, свое «цыганство», по мнению чешских и словацких специалистов, он должен в себе пережить, смириться, принять – это звучит просто невероятно, но это так. А приемные родители обязаны помочь ему в этом.

Именно мы, получается, и должны сделать из принесенного в дом ребенка цыгана. Но не того цыгана, который является носителем действительно цыганской культурной традиции, – это не в наших силах, ведь мы к ней не принадлежим и не имеем шансов принадлежать, если только целенаправленно не посвятим этому большую часть жизни. Какого же? Нам предлагается вырастить человека, рожденного в Чешской Республике, как нечеха, более того, как нечто второсортное, мы и наш «цыганенок» должны согласиться с диагнозом, поставленным погрязшим в предрассудках обществом.

Если что-то в воспитании ребенка-цыганенка не получится, влияние среды окажется слишком сильным, он вырастет и попадет в этническую банду преступников, то это можно понять. Словацкая брошюра объясняет будущим родителям,

не выбирая выражений: «цыганский» ребенок «имеет невыгоду в том, что наши жизненные условия созданы в большей степени для нас, белых, а не для детей природы» [8, s. 29]. Эти утверждения вызывают грустные мысли о расизме. Особенно неприятно то, что речь идет о беспомощных детях, которых, повторимся, фактически лишают их родины.

Успехи микробиологии в XIX веке привели к важному открытию роли микроорганизмов как возбудителей инфекционных заболеваний. Читающая публика в этот момент получила возможность нового восприятия уже знакомой и старой метафоры, отождествляющей общество с организмом, который атакуют болезни. Теперь вредоносные бактерии, чтобы проникнуть в здоровый организм, должны, прежде всего, попасть на территорию страны, где проживают эти здоровые организмы. Заражение осуществляется посредством больных организмов, приходящих извне и приносящих заразу. Филипп Сарасин цитирует немецкие газеты, описывающие начало эпидемии тифа в Германии в 1879–1880 гг. как результат проникновения вредоносных элементов, являющихся переносчиками бактерий. В качестве таковых замечательно упоминается «банды цыган из шести человек, которая перекочевала откуда-то с севера на улицы Гейдельберга» [9, s. 226–227].

Вряд ли это был первый случай, когда цыгане приравнивались к социальным паразитам. С этой метафорой связывается метафорическая же задача политиков, как «врачевателей общества», придумать, что делать с «вредоносными организмами», которые переносят «инфекцию». К ней, добавим, позднее стали причислять и «бактерии коммунизма» или какие-нибудь вредные для общества взгляды или модели поведения.

Вернемся к нашей задаче показать расизм как речевое поведение. На примере метафоры о социальных паразитах мы показали, как научный факт, что некоторые болезни возбуждаются паразитами, становится оторванным от реальности художественным образом, где цыгане понимаются как общественные паразиты. Эта метафора обладает собственной логикой и фактически предопределяет восприятие реальности в чешском обществе. Однако эта метафора вряд ли обрела бы действенную силу, если бы не было изначальной установки воспринимать себя как господствующую «белую» расу.

Заключение и выводы

Анализ дискурса позволяет нам утверждать, что латентный расизм не является безобидным курьезом и пережитком сложностей чешской истории. Латентный расизм есть дискурс и речевое поведение, отрицающие принадлежность к народу, т. е. к метафизическому «мы», некоторой части населения, которая, в свою очередь, должна сознательно принять свою второсортность по отношению к настоящим, т. е. «белым», чехам.

В нашем коротком исследовании относительно чешского расизма как дискурса особенно явственна иррациональная вера в то, что все цыгане изначально заражены какой-то мистической испорченностью, которую нельзя исправить, так как речь идет об испорченной крови, о мистике крови. Все это указывает на то, что мы имеем дело с тем видом расизма, который, опираясь на идеи Андерсена [3, s. 153], мы можем определить как *донациональный*. Конечно, в чешском обществе присутствует и самый обычный национализм как вера в исключительность собственной нации, которая присуща фактически каждому народу. Однако дискурс превосходства чехов, например, над русскими или немцами никогда не упоминает о «голосе крови», в нем нет намека на неисправимую врожденную испорченность детей этих народов. Негативный образ России, построенный средствами массовой информации в сознании многих граждан Чешской Республики, не касается рус-

ских детей-сирот, и они вполне могут стать чехами, и чехи их охотно принимают в свои семьи.

На уровне государственного подхода к проблеме в Чехии и Словакии, цыгане рассматриваются как своеобразные «иностранцы», из них делают изгоев, культурных чужаков или, обобщенно, – «воображаемое сообщество» национального меньшинства. В этом случае государство создает проблему «колониального расизма» [3, s. 152], которую потом решает привычными способами мультикультурного подхода: конструирует цыганскую культуру и язык и навязывает их чехам, похожим на цыган. Возможно, что 11 000 человек, которые реально считают себя цыганами в Чехии, как показала последняя перепись, действительно страдают от расизма и нуждаются в защите и развитии своего языка и культуры, но настоящая проблема не в них, а в тех 200 000 граждан Чехии, которые были принудительно записаны в цыгане.

Негативное отношение чешского общества именно к цыганским сиротам показывает, что вовсе не мифический асоциальный «кочевой» образ жизни цыган, не этническая преступность цыган, а именно взгляд чехов на самих себя как на «белых» и «нормальных» является причиной негативного отношения к цыганам. При этом, как мы попытались показать, речь идет вовсе не о национальном самосознании. Чешский национализм ничем не отличается от любого другого, и в конструировании чешской нации как воображаемого сообщества цыгане не играют почти никакой роли. Но их роль незаменима в осознании чехами себя в качестве, говоря сегодняшним языком, «цивилизованных европейцев». Именно это отчуждение цыган как воображаемого сообщества «черных», как нечистого, больного элемента, способного заразить здоровое общество, как раз и обнаруживает эту вторую самоидентификацию, которую легко спутать с национализмом, но которая им не является.

Для самоидентификации в качестве расы белых господ, как полагает Андерсен [3, s. 153], американцам были нужны негры, которые играли эту роль, даже являясь юридически свободными людьми, ну а немцам, за неимением негров, потребовались евреи. Правда, следует заметить, что если в Третьем рейхе «полуеврей» все же имел какие-то шансы на социализацию, то в современной Чехии даже «полуцыган» никогда не сможет стать чехом. Тем не менее утверждения Андерсена помогают понять утвердившуюся в чешском и словацком дискурсе поляризацию чехов (словаков) и цыган как «белых» и «черных», хотя голубоглазые цыганочки иногда имеют более белую кожу, чем многие чешки. Но «белизна» и «чернота» появляются в дискурсе как метафоры, которые имеют религиозно-мистическое значение чистоты крови (традиционно: ангелы – белые, а черти – черные).

Отождествляя национальную и расистскую самоидентификацию, Ирена Райхова пришла к выводу о том, что при построении национальной идентичности необходим образ «другого» и здесь цыгане заменили чехам словаков, так как типические черты, такие как «близость к природе», повышенная «эмоциональность», культурная «отсталость», ранее приписывались именно словакам [7, s. 38–39]. Вывод И. Райховой, без сомнения, интересен, но нам не кажется, что он исчерпывающе объясняет ситуацию. Ведь специфическое отношение к цыганам существовало и до 1993 года, когда словаки выделились в отдельное государство.

Итак, цыгане как «воображаемое сообщество» необходимы чешскому обывателю для конструирования собственной идентичности. Обоснование этой идентичности иррационально и мистично, опирается на веру в происхождение. Об этом свидетельствуют такие факторы.

Во-первых, это признание научных фактов и игнорирование их в одном и том же тексте. Например, специалисты подчеркивают, что к «цыганству» нельзя отно-

ситься как к врожденному генетическому заболеванию, как к «инвалидности», но по факту именно так и рекомендуется относиться к цыганам, т. е. ни в коем случае не пытаться делать даже из «полуцыгана» чеха, так как «цыганство» может проявиться в последующих поколениях. Данные единственного научного исследования 1981 года, которое не выявило различий между приемными цыганскими и нецыганскими детьми в чешских семьях, цитируются, но при этом полностью игнорируются. В соответствии с упомянутой моделью Сарасина, научный дискурс как бы проявляется в мифологическом дискурсе, но никак с ним не соединяется. Если мы проведем мысленный эксперимент и уберем из антицыганского дискурса слой научного дискурса, то основные тезисы, обосновывающие генетическую второсортность цыган как этноса, не изменятся, но не будут соответствовать общей либеральной риторике. Если же оставить только дискурс научный, то под угрозой окажется конструирование цыган как «воображаемого сообщества», что является неотъемлемой частью создания воображаемой чешской нации.

Во-вторых, «цыганство» фактически воспринимается специалистами как «коллективное бессознательное» в смысле идей Карла Густава Юнга; отсюда разного рода советы, касающиеся контакта ребенка с «цыганским» окружением, которое будет для него «бессознательным» источником положительных примеров, – кассиром, напоминающим по виду цыгана, в супермаркете. С одной стороны, «коллективное бессознательное» Юнга – это, фактически, иррациональная концепция, тогда как наука рациональна. С другой стороны, речь идет о концепции, употребляемой научным сообществом в психологии, культурологии и прочих науках. Эта двойственность концепции «коллективного бессознательного» позволяет обосновать то, что одновременно отвергается специалистами как антинаучное, а именно влияние генов, т. е. «голос крови», взгляд на «цыганство» как на наследственное заболевание и проч.

В-третьих, в пособиях и рекомендациях мы видим своеобразную игру с данными таких наук, как этнография, культурология и прочих. Поверхностное, «фольклорное» изучение цыганской культуры фактически уводит опекунов и приемных родителей далеко в сторону от реальной, насущной социальной проблемы. Предполагается, что ребенок до трех лет уже все это «богатство» культуры содержит в своей маленькой головке, а родители должны это в нем пробудить своим нелепым поведением – танцами и гаданием по руке. Цель такого «этнографического» давления на родителей и опекунов заключается в том, чтобы сделать из цыган культурных «чужаков», сформировать их восприятие как пришлого элемента в чешскую культуру. Добротные научные данные по этнографии и культуре цыган вообще не имеют никакого отношения к проблеме чешского расизма, так как в случае чешских цыган речь идет не о людях чужой культуры, а о гражданах Чехии, которые здесь родились и вырастают.

В-четвертых, для оправдания собственного расизма, который открыто признается и, получается, вообще считается не чем-то постыдным («Да, мы расисты» – частое выражение социальных работников, психологов и прочих граждан страны), а своеобразным следствием исторической судьбы, искажаются исторические факты и чешское общество подается как несущее следы «законсервированности»: дескать, оно с незапамятных времен было сплоченным, надежно охраняемым от каких-либо контактов с иными народами, что не соответствует исторической действительности. Впрочем, данные научных изысканий не обладают самостоятельным авторитетом и имеют вторичное, инструментальное значение для обоснования социальной сегрегации. Научные данные обычно никак не связаны с текстом и приводятся только для придания тексту вида «научности». Кроме того, как показывает Курт Хюбнер, в основании современных национальных государств ле-

жит представление о нации как о «сверхъестественном индивидууме» [2, с. 331], что, конечно же, очень далеко уводит нас от рациональных научных представлений.

Литература

1. Варшавский С. И. Очерк гражданского права. Лекции, читанные на юридических курсах при Русском свободном университете в Праге. – Прага : Издание Русских юридических курсов, 1942.
2. Хюбнер К. Истина мифа : пер. с нем. – М. : Республика, 1996. – 447 с.
3. Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. – London : New York : Verso, 2016.
4. *Doživotní trest. Správa Evropského centra pro práva Romů. Romské děti v ústavní péči v České republice*. – Budapešť, 2011.
5. Israel J. *Der Begriff Entfremdung*. – Hamburg, 1972.
6. Liddell H. G., Scott R., Jones H. S. *A Greek-English Lexicon*. – Oxford : Clarendon, 1996. – 2436 p.
7. Raichová I. a kol. *Romové a Nacionalismus?* – Brno : Muzeum romské kultury, 2001. – 247 p.
8. Roháček M., Priehradná D. a kol. *Zvýcháme si jeden na druhého aneb nová náhradní rodina v procesu adaptace : druhé revidované vydání / překlad Z. Straková*. – Praha : Středisko náhradní rodinné péče o.s., 2012.
9. Sarasin Ph. *Geschichtswissenschaft und Diskursanalyse*. – Frankfurt am Main : Shurkamp, 2014.
10. Vančáková M. *Dítě jiného etnika v náhradní rodinné péči*. – Praha : Středisko náhradní rodinné péče o.s., 2011.
11. Vančáková M. *Romské dítě v náhradní rodině. Občanské sdružení Rozum a Cit*. – Praha, 2008.
12. Windschuttle K. *The Killing of History. How literary critics and social theorists are murdering our past*. – San Francisco : Encounter Books, 2000.

Sergey Yakovlevich Gagen,

Cand. Sci. (History), Candidate Sci. (Law), PhD, visiting fellow, the Slavonic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic (Prague, Czechia).

Yulia Yancharkova,

PhD, research staff member, the Slavonic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic (Prague, Czechia).

«You are Gypsy but we love you in any case».

To the Question of Discrimination in Czech society

(illustrated by attitudes to so-called gypsy pre-school-age orphans)

The subject matter of our short investigation is some forms of verbal and written discrimination concerning pre-school age orphans (under 3 years old). Often without reasons, officials have identified them as "Gypsy" children. The authors constructed their methodological approaches based on the Philipp Sarasin's discursive analysis and Benedict Anderson's definition of nations as «imagined communities». We analyzed some texts of books and brochures written to help people in search to adopt a child or be a guardian. We visited some lectures and consultations for guardians because we are guardians, too. Moreover, we discussed and debated the question of gypsy children adoptions with different people, whether uneducated or well-educated, in different, often unexpected situations and places.

Keywords: racism; multiculturalism; Czech society; Gypsy; imagined communities; nation; nationalism; discrimination; invention of nation; construction of nation; mythological nation; national identification; domestic racism; colonial racism.

Ложь и правовая определенность

Анализируется принцип правовой определенности, проводится сравнение с одним из аспектов последнего – с *res judicata*. Утверждается, что правовая определенность – это более широкое понятие, а соответствующий принцип призван гарантировать стабильность и является, в свою очередь, элементом принципа верховенства права. Однако принцип правовой определенности, берущий корни из аксиомы римского права о том, что судебное решение должно приниматься за истину, не имеет цели превращать ложь в истину. Поэтому если решение основывается на лжи – намеренном искажении фактов и представлении сфальсифицированных доказательств, то это должно рассматриваться как злоупотребление правом и суд должен отказать в защите такого права. Ложь не создает правовой определенности. Лицо, скрывающее информацию от суда или искажающее ее, должно понимать, что вскрытие этого факта само по себе лишит его возможности ссылаться на *res judicata*. Делается вывод, что там, где суд не смог восстановить нарушенное право, поверив лжи, не может быть правовой определенности.

Ключевые слова: правовая определенность; принцип правовой определенности; *res judicata*; принцип окончательности судебного решения; верховенство права; ложь; обман; злоупотребление правом; заведомо ложные факты; фальшивые доказательства.

Что основано на лжи,
не может быть правом.
К. Победоносцев

В российской юридической литературе правовая определенность чаще всего соотносится с правовыми позициями ЕСПЧ, в которых говорится, что «правовая определенность предполагает уважение *res judicata* (принципа окончательности судебных решений), который означает, что ни одна из сторон не может требовать пересмотра окончательного и обязательного решения с той лишь целью, чтобы получить возможность нового разбирательства и вынесения нового решения». Существуют различные подходы к толкованию *res judicata* [17]. В то же время правовая определенность более широкое понятие.

Принцип правовой определенности имеет своей целью обеспечить участников соответствующих отношений возможностью точно спрогнозировать результат своих действий и в том числе дать надежду, что права данных лиц будут защищены, что при разрешении спора действия правоприменителя также будут прогнозируемы и предсказуемы и не будут меняться от случая к случаю и от региона к региону. Этот принцип призван гарантировать стабильность. Судебная система, стремящаяся выполнять стабилизирующую функцию, создавать уверенность в справедливости и надежности законов, объективности и предсказуемости правосудия, также работает на принцип правовой определенности, который, в свою очередь, является элементом принципа верховенства права [10].

ЕСПЧ, оценивая судебные толкования, неоднократно разъяснял, что «для совместимости судебного толкования с требованиями Конвенции необходимо, чтобы его результаты соответствовали природе правонарушения, а решения суда были разумно предсказуемы»¹, поскольку судебные толкования также обеспечивают

* Айдар Рустэмвич Султанов, начальник юридического управления ПАО «Нижнекамскнефтехим», член Ассоциации по улучшению жизни и образования (г. Нижнекамск).

¹ S. W. против Соединенного Королевства от 22.11.1995 г., п. 36; Кокинакис против Греции от 25.05.1993 г., п. 52.

правовую определенность – предсказуемость судебных решений для лиц, участвующих в деле.

Таким образом, *res judicata* – это лишь одна грань принципа правовой определенности, который является только одним из элементов принципа верховенства права.

Мы сами неоднократно [13; 14; 7; 5] ссылались на правовые позиции Европейского суда по правам человека, согласно которым «одним из основополагающих аспектов верховенства права является принцип правовой определенности, который, среди прочего, требует, чтобы принятое судами окончательное решение не могло быть оспорено. Правовая определенность подразумевает недопустимость повторного рассмотрения однажды решенного дела» [6; 8; 15].

Однако очевидно, что принцип правовой определенности, берущий корни из аксиомы римского права – *res judicata pro veritate habetur* (судебное решение должно приниматься за истину), – никогда не имел цели превращать ложь в истину.

Безусловно, лицо, которое пошло на ложь в суде, не может и не должно рассчитывать на то, что решение, основанное на лжи, не будет пересмотрено. Полагаем, что лицо, которое пошло на обман, самым фактом обмана поставило себя в положение, при котором вскрытие обмана лишит его всех преимуществ, полученных им благодаря лжи, в том числе подвергнет риску отмены решения, основанного на лжи.

В Древнем Риме было известно, что *fraus omnia corrumpit* (ложь разрушает все). В том числе и судебные решения также разрушаются ложью, лишая их свойства неоспоримости. Можем вспомнить пример, приведенный в кн. 49 «Дигест» Юстиниана: «Ульпиан... в 14-й книге “Комментариев к эдикту” ...Если по поводу завещания предъявлен иск по тайному соглашению, то следует рассмотреть, имеет ли силу решение судьи. И божественный Пий в ответ на жалобу на то, что связанные между собой лица по тайному сговору действовали во вред легатариям и вольноотпущенникам (по завещанию), разрешил последним подать апелляцию. И сегодня мы пользуемся тем правилом, что они могут подавать апелляцию, а также вести дело у того самого судьи, который рассматривает [вопрос] о завещании, если они подозревают, что наследник ведет дело недобросовестно».

Несколько лет назад мы в жалобе в Конституционный Суд РФ, оспаривая положения АПК РФ, ограничивающие подачу жалоб для лиц, не привлеченных к рассмотрению дела², писали, что «...помимо обязанности суда верно определить состав лиц участвующих в деле, определенными процессуальными правами и обязанностями обладают и лица, участвующие в деле. Понимая, что решение затрагивает права лиц, не участвующих в деле, и не предпринимая никаких мер для их привлечения к рассмотрению дела, лица, участвующие в деле, не вправе рассчитывать на то, что судебное решение создаст правовую определенность, защищаемую принципом “*res judicata*”» [9]. В данной жалобе мы оспаривали процессуальные сроки, которые также служат правовой определенности, но не должны быть средством для торжества неправовой определенности и несправедливости [9].

² Конституционный Суд РФ согласился с нашим подходом и в Определении № 234-О-П от 16.01.2007 указал, что «взаимосвязанные положения ч. 2 ст. 117 и ч. 2 ст. 276 АПК Российской Федерации – по своему конституционно-правовому смыслу в системе норм действующего арбитражного процессуального законодательства и с учетом правовой позиции, выраженной Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 17 ноября 2005 года, – не предполагают отказ в удовлетворении ходатайства о восстановлении пропущенного срока подачи кассационной жалобы лишь по причине истечения предусмотренного ими предельно допустимого срока подачи соответствующего ходатайства лицам, не привлеченным к участию в деле и узнавшим о решении арбитражного суда по истечении шести месяцев с момента его вступления в силу».

ЕСПЧ, ратуя за правовую определенность, сам защищается от лжи – в формуляре для обращения в ЕСПЧ заявитель заверяет, что вся изложенная в жалобе информация является достоверной с учетом его осведомленности на момент подписания жалобы. Более того, существует обширная практика ЕСПЧ, трактующая намеренное искажение фактов и представление ЕСПЧ сфальсифицированных доказательств злоупотреблением правом по смыслу п. 3 ст. 35 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Европейский суд неоднократно подчеркивал недопустимость указания в жалобах и состязательных документах заведомо ложных фактов, а также представления фальшивых доказательств. Если Европейский суд обнаруживает, что жалоба намеренно основана на фактах, не соответствующих действительности, или в подтверждение представлены сфальсифицированные доказательства, жалоба отклоняется со ссылкой на злоупотребление правом по смыслу п. 3 ст. 35 Конвенции [1].

Более того, жалоба может быть отклонена ввиду злоупотребления правом, если при описании фактов упущены или искажены важные для правильного разрешения дела обстоятельства. Непредставление стороной документов (информации), существенно влияющих на правовую оценку обстоятельств, важных для правильного рассмотрения дела, расценивается Европейским судом как злоупотребление правом по смыслу п. 3 ст. 35 Конвенции³.

В случае нарушения заявителем обязанности, установленной в п. 6 ст. 47 Регламента Европейского суда, об уведомлении Европейского суда о любом изменении важных для разрешения дела обстоятельств, Европейский суд отклоняет жалобу ввиду злоупотребления правом по смыслу п. 3 ст. 35 Конвенции⁴.

Полагаем, что убедительной иллюстрацией последствия использования лжи в процессе может быть Постановление Европейского суда по правам человека от 6 июля 2006 г. по делу «Жигалев (Zhigalev) против Российской Федерации» (жалоба № 54891/00).

Данное дело было начато в ЕСПЧ по интересному правовому вопросу об ограниченности статуса третьего лица в судебном разбирательстве, инициированном прокурором, в частности о невозможности заявить о применении заявления о сроке давности.

По нашему мнению, установление сроков давности также направлено на внесение правовой определенности [11]. Впрочем, это не только наша точка зрения; так, профессор Г. Ф. Шершеневич писал: **«Действительное основание давности заключается в том, что общество нуждается в прочном порядке и всякая неопределенность отношений, способная колебать приобретаемые права, возбуждает против себя протест. На этом основывается ограничение собственника при строгом осуществлении его права собственности в торговом обороте, на этом же основывается и давность. С течением времени утрачиваются доказательства, умирают свидетели; и возбужденный через много лет спор способен нарушить целый ряд установившихся отношений. По воле законодателя время прекращает такую неопределенность»** [18, с. 241; 16].

Первое впечатление при ознакомлении с Решением ЕСПЧ о приемлемости было связано с тем, что прокурор подал заявление в суд, указав Жигалева в качестве третьего лица, с целью обойти право последнего на заявление срока давности.

Но когда мы знакомимся с текстом Постановления ЕСПЧ, то увидели в одном из пунктов, что заявитель Жигалев в своем интервью курской газете «Друг для друга» (номер от 22 февраля 2005 г.) утверждал: «Когда я только составлял заявление, “добрые люди” советовали: мол, где ты видел, чтобы кому-нибудь уда-

³ См. Решения ЕСПЧ по делам Al-Nashif and others v. Bulgaria; Kerechashvili v. Georgia [1].

⁴ Решение ЕСПЧ Hadrabova and others v. the Czech Republic [1].

валось обмануть государство? Видимо, так же думали и представители России в Суде».

Власти Российской Федерации подчеркнули, что никто никогда не пытался оспорить долю Жигалева в крестьянско-фермерском хозяйстве «Луч». Напротив, именно Жигалев пытался захватить имущество других членов хозяйства, которое никогда ему не принадлежало.

В процесс в качестве третьей стороны вступили также члены крестьянско-фермерского хозяйства «Луч», которые утверждали, что причиной различных споров между ними и Жигалевым являлся тот факт, что Жигалев считал себя единственным владельцем имущества крестьянско-фермерского хозяйства «Луч», а других членов хозяйства – наемными работниками, что в действительности не имело оснований. Жигалев не позволял другим членам хозяйства принимать участие в управлении хозяйством и распределять доходы хозяйства. Фермеры неоднократно направляли жалобы прокурору Курской области на нарушения Жигалевым их прав.

Члены крестьянско-фермерского хозяйства «Луч» утверждали, что целью подачи Жигалевым жалобы в Европейский суд было завладение землей, принадлежащей другим членам хозяйства. Его жалоба не имела оснований ни по вопросам фактов, ни по вопросам права и, соответственно, должна быть отклонена.

ЕСПЧ в данном деле вначале пришел к выводу, что нарушение ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции отсутствовало, а затем сделал вывод о том, что поскольку у заявителя не было права на имущество, подлежащего защите, то и право его на суд не было нарушено⁵.

В качестве одного из примеров того, что ЕСПЧ ставит справедливость выше принципа правовой определенности, можно привести Решение ЕСПЧ от 23 марта 2006⁶ о восстановлении в списке жалоб, ранее исключенных решением ЕСПЧ по делу «Алексенцева и 28 других против России» (жалобы № 75025/01, 75026/01, 75027/01, 75028/01, 75029/01, 75030/01, 75031/01, 75032/01, 75033/01, 75034/01, 75035/01, 75036/01, 75037/01, 75038/01, 75136/01, 76386/01, 76542/01, 76736/01, 77049/01, 77051/01, 77052/01, 77053/01, 3999/02, 5314/02, 5384/02, 5388/02, 5419/02, 8190/02 и 8192/02) от 4 сентября 2003 года. Из текста решения ЕСПЧ от 4 сентября 2003 видно, что ЕСПЧ расценивал заявление российских властей о выплате денежных средств, которые, по мнению властей, компенсируют материальный и моральный вред и все издержки заявителей, как одностороннее заявление. То есть заявление, которым власти берут на себя определенные обязательства независимо от волеизъявления других лиц. Из текста заявления российских властей можно было сделать вывод, что оно является односторонним заявлением, а не офертой к заявителям о заключении мирового соглашения.

Однако, как в дальнейшем выяснилось, это заявление о выплате денежных средств не было односторонним заявлением и порождало для заявителей возможность получения выплат только при условии подписания мирового соглашения, а в случае неподписания заявители не получали ничего. Полагаю, что ЕСПЧ был крайне удивлен таким толкованием и всё же надеялся, что российские власти выплатят указанные в заявлении суммы заявителям. По всей видимости, именно это и послужило основанием для проведения дополнительных консультаций

⁵ Обычно ЕСПЧ устанавливал нарушение ст. 6 Конвенции, а лишь потом ст. 1 к Протоколу № 1 к Конвенции.

⁶ Которое было подвергнуто критике, как допускающее отход от правовой определенности, в статье Ю. Ю. Берестнева и М. В. Виноградова «Практика Европейского Суда по правам человека: принцип правовой определенности или *quod licet jovi, non licet bovi?*» [2].

Очевидно, что ЕСПЧ с 2003-го по 2006 год надеялся, что заявители всё же получат обещанные денежные средства. Мягкость и тактичность формулировок в решении от 26 марта 2006, где ЕСПЧ писал:

«При вынесении Решения от 4 сентября 2003 г. об исключении настоящих жалоб Европейский суд отметил готовность властей Российской Федерации выплатить определенные денежные суммы заявителям в качестве компенсаций морального вреда, причиненного посредством длительного неисполнения судебных решений, вынесенных в их пользу. Однако власти Российской Федерации поставили выполнение своих обязательств в зависимость от отзыва заявителями своих жалоб и заключения мировых соглашений...», – отнюдь не означает, что ЕСПЧ не понимает, что с ним слугавили.

В конечном итоге, когда стало очевидным, что денежные средства не будут выплачены, жалобы были восстановлены в списке подлежащих рассмотрению [12].

Таким образом, вряд ли можно утверждать, что ложь порождает правовую определенность. Всякий обман вреден государству, так как без доверия «нравственная связь между людьми невозможна, а всякое правоотношение... вырождается» [3].

Очевидно, что лицо, скрывающее информацию от суда или искажающее ее, должно понимать, что вскрытие этого факта само по себе лишит его возможности ссылаться на *res judicata*.

ЕСПЧ неоднократно разъяснял, что «Конвенция в принципе позволяет возобновить рассмотрение окончательно разрешенного дела, если открыты новые обстоятельства. Например, статья 4 Протокола № 7 к Конвенции прямо позволяет государствам устранять ошибки при уголовном судопроизводстве. Приговор, в котором проигнорированы ключевые доказательства, также может рассматриваться как ошибка судопроизводства. Однако полномочия по пересмотру должны осуществляться в целях исправления грубых судебных ошибок или ошибок при отправлении правосудия, а не просто как “завуалированное обжалование”» [4].

В заключение напомним, что «правовая определенность» – это термин, который возник задолго до появления ЕСПЧ. В начале XX века профессор Т. М. Яблочков обращал внимание на то, что «нарушение права, а вовсе не “правовая определенность” есть исходная историческая идея необходимости создания суда, и никем не доказано, что эта идея в течение истории изменилась» [19].

Там, где суды не смогли восстановить нарушенное право, поверив лжи, не может быть правовой определенности.

Литература

1. Афанасьев Д. В. Обзор практики Европейского суда по правам человека по вопросу злоупотребления правом на подачу жалобы // Законодательство. – 2009. – № 6. – С. 62–71.
2. Берестнев Ю. Ю., Виноградов М. В. Практика Европейского суда по правам человека: принцип правовой определенности или *quod licet jovi, non licet bovi*? // Российская юстиция. – 2006. – № 11. – С. 64–68.
3. Ильин И. А. О сущности правосознания // Ильин И. А. Теория права и государства. – М. : Зерцало, 2003. – С. 370.
4. Постановление ЕСПЧ от 18 января 2007 г. по делу «Булгакова (Bulgakova) против Российской Федерации» (жалоба № 69524/01). – URL: <http://www.iprossoft.ru/docs/?Nd=902115036>.
5. Султанов А. Р. Борьба за правовую определенность или поиск справедливости. – М. : М-Логос, 2017. – 664 с. – URL: <http://m-lawbooks.ru/index.php/product/a-r-sultanov-borba-za-pravovuyu-opredelennost-ili-poisk-spravedlivosti/?fbclid=IwAR0uHLPXKEQ5kx7Fyp2r-zqCSvtMmcppg2bcP9I-3bSLUKRLayNKNQ6tkeY> (электронный вариант доступен для бесплатного скачивания).
6. Султанов А. Р. Будущее системы защиты прав и свобод человека и Россия // Адвокатские вести. – 2010. – № 3-4. – С. 22–25.

7. Султанов А. Р. Восстановление нарушенных прав и правовая определенность // Российская юстиция. – 2011. – № 4. – С. 58–61.
8. Султанов А. Р. Защита прав и свобод человека и правовая определенность // Конституционные основы гражданского судопроизводства: современное состояние и пути совершенствования : сборник статей по материалам Междунар. науч.-практ. конф. студентов и аспирантов, посвященной 80-летию Саратов. гос. акад. права. – Саратов : Изд-во ГОУ ВПО «Саратов. гос. академия права», 2010. – С. 54–57.
9. Султанов А. Р. О правах лиц, не участвующих в деле, и процессуальных сроках с точки зрения Конституции РФ // Адвокатская практика. – 2007. – № 5. – С. 17–22.
10. Султанов А. Р. Правовая определенность в надзорном производстве ГПК РФ и практика Конституционного Суда РФ // Право и политика. – 2007. – № 5. – С. 30–39.
11. Султанов А. Р. Правовая определенность и антимонопольное законодательство // Арбитражная практика. – 2007. – № 4. – С. 59–65.
12. Султанов А. Р. Правовая определенность и справедливость, или Юпитер, ты сердисься, значит, ты не прав... // Закон. – 2007. – № 9. – С. 157–164.
13. Султанов А. Р. Правовая определенность и судебное нормотворчество // Законодательство и экономика. – 2007. – № 11. – С. 39–45.
14. Султанов А. Р. Правовая определенность и уважение судебного решения, вступившего в законную силу, по делам об оспаривании действий государственных органов // Законодательство и экономика. – 2011. – № 8. – С. 53–64.
15. Султанов А. Р. Совершенствование ГПК РФ в свете решений Европейского суда по правам человека // Российский юридический журнал. – 2008. – № 6 (63). – С. 107–114.
16. Султанов А. Сроки давности в антимонопольном праве // Корпоративный юрист. 2009. – № 7. – С. 38–41.
17. Терехов В. В. Понятие и содержание категории «res judicata» в российском и зарубежном гражданском процессе // Российский юридический журнал. – 2014. – № 5. – С. 203–209.
18. Шершеневич Г. Ф. Наука гражданского права в России. – М. : КонсультантПлюс : Статут, 2003. – 247 с.
19. Яблочков Т. М. Судебное решение и спорное право // «Недостаточное обоснование» требования (иска или возражения). – Петроград, 1915. – С. 36.

Aidar Rustemovich Sultanov,

Head of Legal Department of PJSC Nizhnekamskneftekhim,
member of Association for Better Living and Education (ABLE) (Nizhnekamsk)

A lie, and legal certainty

The paper analyzes the principle of legal certainty and compares it with one aspect of it – res judicata. The author argues that legal certainty is a broader concept and the principle aims to guarantee stability and is, in its turn, part of the rule of law. However, the principle of legal certainty, rooted in the axiom of Roman law that judgment must be made for the truth, has no purpose of turning lies into the truth. Therefore, if the decision is based on a lie – deliberate misrepresentation of facts and the presentation of falsified evidence, one should consider it an abuse of law and the court should deny the protection of such a right. Lying creates no legal certainty.

A person who hides information from a court or distorts it must understand that uncovering this fact will in itself prevent him from invoking res judicata. The author concludes that where the court has failed to restore the violated right by believing lies, there can be no legal certainty.

Keywords: legal certainty; principle of legal certainty; res judicata; principle of finality of judgment; rule of law; lies; deception; abuse of law; knowingly false facts; false evidence.

|| ФИЛОСОФИЯ

«Ужас конкретности»: к философии поступка М. К. Мамардашвили

В статье освещаются основные положения концепции поступка как «действия без опоры на знание», представленной в творчестве М. К. Мамардашвили. Ключевыми моментами данной концепции выступают парадоксальная идея свободы как безусловной необходимости, не определяемой извне, и тезис о несоизмеримости общего характера норм и конкретности (уникальности) действия. Последнее всегда предполагает акт трансцендирования, выводящего человека на предел мира и знания. Этот «невозможный» акт оказывается неизбежным в силу двойственной «природы» человека, существующего как в измерении причинно-следственной необходимости, так и в измерении свободы. Личность как онтологический феномен осмысливается в рамках данной позиции сугубо негативным образом. Измерение личностного бытия (свободы) открывается только в движении преодоления человеком себя как индивида, обладающего определенным набором свойств. Таким образом, в акте трансцендирования человек открывается себе как уникальное предназначение. Философия в данном контексте выступает не столько как форма познания, сколько как практика формирования личностных структур. Личностный акт (поступок) обнаруживает здесь свой онтологический смысл. Поступок выступает событийным «основанием» мира как осмысленного целого. «Философия поступка» М. К. Мамардашвили приобретает особую актуальность в современной ситуации информационной перенасыщенности и неопределенности.

Ключевые слова: поступок; личность; мир; свобода; М. К. Мамардашвили.

Жизнь современного человека отмечена странной закономерностью: чем больше всевозможных знаний его окружает, чем более насыщенной становится его информационная среда, тем более трудным для него оказывается принятие решения в той или иной ситуации, в том числе и в бытовой, повседневной сфере. Разумеется, странность эта – только кажущаяся: действительно, рост числа вариантов выбора неминуемо осложняет сам выбор. Однако психологически мы всё же привыкли связывать большую информированность с более высокой степенью уверенности в том, что мы делаем, как мы поступаем. Именно эта связь и оказывается сейчас под вопросом. Вот здесь-то и возникает нужда в фундаментальном философском осмыслении той ситуации, когда мы оказываемся перед необходимостью *поступать*. Иными словами, перед нами встает вопрос: на чем мы основываемся, когда действуем так или иначе (если, конечно, предположить, что наше действие осмыслено, что мы отдаем себе отчет в его основаниях).

Один из самых глубоких и парадоксальных ответов на этот вопрос дается в философии Мераба Мамардашвили, которая применительно к этому аспекту существования современного человека оказывается все более актуальной. Мысль, которая в разных вариациях проговаривается в текстах Мамардашвили, и прежде всего – в его лекционных курсах, одновременно и проста, и противоречит всем нашим мыслительным привычкам, стереотипам сознания. Речь идет о том, что *ни один человеческий поступок не имеет достаточного основания в виде того или иного знания*. Именно в «точке выбора», в момент, когда необходимо принять решение действовать так или иначе, мы не можем опереться на знание о том, что *должно* – просто потому, что всякое знание относится к *сфере общего*, а посту-

* Елена Васильевна Бакеева, д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры онтологии и теории познания УрФУ им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

E-mail: elenabk2008@yandex.ru

пять приходится здесь и сейчас, предельно конкретным образом. В курсе лекций «Введение в философию» мыслитель обозначает эту ситуацию как «ужас конкретности»: «Ужас бытия человеческого состоит в том, что ничто не вытекает ни из каких правил, ни из каких законов, оно должно быть конкретно, вот здесь установлено и понято. И это каким-то чудом согласованно понимается людьми. Но и это согласование – чудо» [1, с. 110]. Означает ли, однако, эта невозможность опоры на знание невозможность осмысленного и ответственного действия? Нет, согласно Мамардашвили, дело обстоит прямо противоположным образом: именно потому, что мы не можем в своем поступке просто воспроизвести какие-то готовые нормы, знания о том, что следует и чего не следует делать в той или иной ситуации, мы полностью ответственны за этот поступок. Именно ответственность, в свою очередь, и наделяет мой поступок смыслом.

Иными словами, осмысленность моего действия как раз и определяется моей способностью действовать в ситуации неопределенности, когда, с одной стороны, я нахожусь в конкретных обстоятельствах, требующих от меня поступка, а другой – пытаюсь примерить к этим обстоятельствам какие-то знания о том, что хорошо и что плохо, что можно и что – нельзя. Мамардашвили высвечивает применительно к этой ситуации «очевидность», чаще всего «невидимую» для нас: не существует непрерывного перехода от готовой нормы (закона или правила) к конкретному действию (поступку). Как бы далеко мы ни продвинулись в нашем знании «должного и недолжного», всегда останется промежуток, или зазор, который нам придется преодолеть, так сказать, на свой страх и риск.

Здесь, впрочем, сохраняется существенная неясность, связанная с характером самого этого рискованного действия. Даже если мы согласимся с тем, что только свободное (т. е. не определяемое напрямую какими-то готовыми, заранее заданными нормами) действие может быть ответственным и осмысленным (т.е. поступком), все же остается вопрос: в чем заключается принципиальное отличие этого поступка от случайных или даже злонамеренных действий, нарушающих нормы, так сказать, без всякого смысла?

Необходимость ответа на этот вопрос обращает нас к *феномену свободы*, точнее, к тому, как этот феномен осмысливается в философии Мамардашвили. Вопреки расхожему представлению о свободе как о возможности делать «все, что угодно», в том случае, если речь идет о полной или абсолютной свободе, с которой, конечно, в повседневности мы никогда не встречаемся, философ говорит о свободе как о непреложной необходимости *поступать именно так, а не иначе*.

Иными словами, свобода – в том, как она открывается человеку – есть понимание и ощущение *невозможности поступить иначе*. В лекции под названием «Философия и свобода» Мамардашвили говорит: «...свобода в нас есть такая внутренняя, неумолимая необходимость, к которой нельзя прийти в силу другой необходимости. Вне самой себя, вне акта своего существования свобода не имеет никакой другой причины. И, будучи таковой, она неразложима, непродлеваема, ничем не заместима, поскольку сама является длительностью. То, что само является временем, не имеет времени» [2, с. 366].

Эта последняя загадочная фраза обращает нас к интуиции, которую можно было бы назвать *интуицией истины*. Человек почти никогда не обращает внимания на одно исключительно важное обстоятельство: то, *что* его окружает в жизни, что проходит через него как череда событий и ситуаций, всегда так или иначе сверяется человеком с тем, что – *вне времени*. Это такой почти незаметный фон, на котором и разворачиваются события человеческой жизни. Именно этот «невидимый» фон, можно сказать воздух, которым мы дышим, и есть то, что мыслитель называет *истиной* или – *свободой*.

В тот момент, когда мы «прорываемся» к этому фону (осуществляем, по выражению Мамардашвили, действие трансцендирования), нам и открывается свобода во всей своей парадоксальности: как *невозможность выбора*, как несомненное переживание необходимости поступить определенным образом. Здесь, конечно, может возникнуть еще один резонный вопрос: почему все же применительно к этому переживанию речь идет о свободе, а не о необходимости, которую мы обычно трактуем как противоположность свободы? Ответ – прост и одновременно сложен, так как требует от человека обратиться к собственному опыту свободы. Последняя распознается по единственному признаку: все, что можно назвать свободным феноменом, существует независимым образом, ни из чего не вытекает и ничему не служит. Мамардашвили очень часто повторяет эту мысль в своих лекциях и выступлениях, но, пожалуй, наиболее точным и афористичным образом она выражена в следующем тезисе философа: «свобода производит только свободу».

Итак, согласно Мамардашвили, именно тогда, когда мы доходим до предела в своих поисках опоры для действия – в виде того или иного знания, – нам и открывается та «пропасть неопределенности», которую необходимо преодолеть, поступая так, а не иначе. Но это и означает, что само это переживание, отчетливое ощущение необходимости действия вопреки сохраняющейся неопределенности есть не что иное, как действие свободы в нас. Иными словами, для того, чтобы увидеть этот зазор между знанием о нормах и конкретной ситуацией, в которой необходимо действовать, чтобы почувствовать «ужас конкретности», необходимо уже какой-то своей «частью» находиться в измерении свободы. То есть сам этот «ужас» возникает в ситуации осознания человеком своей двойственности. В курсе лекций «Эстетика мышления» Мамардашвили определяет человека как «существо, которое одновременно сковано причинно-следственной цепью и в то же время находится где-то в другом месте, когда рождаются в нем какие-то человеческие состояния, для которых нет естественного механизма» [3, с. 46].

Это различие двух «измерений», в которых одновременно обитает человек, отчетливо проводится уже в кантовской философии. Мамардашвили, однако, до предела усиливает момент несвязанности друг с другом этих двух измерений. Если у Канта человеческий поступок совершается в опоре на голос универсального (общечеловеческого) практического разума, или, по выражению философа, «нравственный закон во мне», то для Мамардашвили речь идет о разрыве со всякой универсальностью, который переживается в момент поступка. Своеобразной «приметой» этого переживания выступает прежде всего ощущение риска *не быть* – именно в том случае, если человек действует только в опоре на общеобязательные нормы. Парадоксальным образом человек становится человеком только тогда, когда перестает быть частным случаем общего, простой единицей множества, которое обозначается словом «человек». Именно тогда и возникает феномен личности, определяемый в курсе лекций «Введение в философию» следующим образом: «...личность в нас – это такое измерение, в которое мы входим, выходя из самих себя...» [1, с. 41].

Итак, поступок совершается только «в измерении личности», которое открывается человеку только в том случае, если он решается на отказ от анонимного существования (протекающего по принципу: «так делают все» или «так принято делать») в пользу существования собственного, т. е. – уникального. Последнее, как уже было сказано, можно только переживать непосредственным (предельно конкретным) образом, оно не может быть абстрактным предположением, но всегда открывается в опыте – в опыте бытия, истины и свободы. Повторим еще раз – вслед за Мамардашвили, – что речь здесь идет о феноменах, которые *нельзя знать*. Именно поэтому переход в «измерение личности» требует освобождения от всего «заранее данного» и утверждения себя на новом основании, или «второго

рождения». Последнее, по выражению мыслителя, есть творение «...в акте добра. Это как бы огонь бытия, который мерно (задавая меру) должен вспыхивать каждый раз заново. И длительность человеческих качеств или свойств и есть длительность поддержания и передачи этого огня. То есть наличие в человеке высшего честолюбия, состоящего в том, чтобы *существовать*» [2, с. 367].

Известный гераклитовский образ огня-логоса связывается здесь с парадоксальным моментом разрыва человека со своей «естественной» сущностью (т. е. данной ему извне, определяющей его как частный случай общего) и принятия своей ничем не обеспеченной уникальности. Последняя и существует только таким – «вспыхивающим» – способом, будучи не связанной ни с прошлым, ни с будущим, т. е. с какой-то культурной традицией. Именно этот парадоксальный способ человеческого бытия и требует, согласно Мамардашвили, обращения к философии не как к «системе знаний», но как к *практике особого рода*. В этом смысле философия, по словам Мамардашвили, «...есть конститутивный элемент объективного бытия в мире личностных структур. Если под личностной структурой понимать то, что вне данной культуры, вне данных обычаев, вне данной традиции, вне данных общественных установлений, нравов и привычек. Что не основано ни на обычае, ни на традиции. А на чем? *На самом себе*. И если в истории зафиксированы такого рода акты, то мы всегда рядом с ними находим философский язык. Язык мудрости» [1, с. 34].

Здесь уместно спросить: что же все-таки выступает, так сказать, «материей» этого переживания уникальности моего бытия? Иными словами, *что* во мне уникально, что остается мне за вычетом либо природных (и, соответственно, общечеловеческих) свойств, либо тех самых «общественных установлений», которые тоже принадлежат *сфере общего*? Предельно внимательное вслушивание в этот вопрос вновь ставит нас перед лицом того, что можно назвать парадоксом человека: собственно моим во мне можно назвать не то, что мне принадлежит в виде каких-то свойств или характеристик (все это опять же проходит по ведомству *общего*), но только то, что *я должен сделать*. Иными словами, моим во мне является *мое предназначение*, которое и открывается в момент трансцендирования, разрыва со всякого рода *общим* и перехода в измерение истины и свободы. Это означает, что я как личность (т. е. уникальное во мне) соизмерим только с целым миром – но не с «готовым», уже данным миром, а с тем миром, который только через меня и может возникнуть, актуализироваться. «В этом смысле, – говорит Мамардашвили, – личность одна, в одиночестве перед миром, потому что... в помощь ей, коллегиально с нею никто и ничто не может работать. <...> Если я не осуществляю личностный акт, то через меня этот же мир уйдет в небытие. И в нем никогда не будет чего-то, что могло бы быть; это невозместимо никаким социальным сотрудничеством, никаким временем» [3, с. 111].

Предназначение, таким образом, указывает не на меня (от которого – в смысле каких-то «свойств» – здесь уже ничего не остается), а на тот мир, который должен через меня или посредством меня родиться.

В каком смысле мы говорим здесь о рождении нового мира и, тем самым, исходим из предположения *множественности миров*? Разумеется, речь не идет о каких-то фантастических сюжетах, повествующих, к примеру, о существовании параллельных вселенных и т. п. Напротив, философия Мамардашвили обращает нас к той реальности, которая, при всей ее привычности, гораздо фантастичнее всяких воображаемых сюжетов: наши миры различаются не своим содержанием, а своим смыслом. Иными словами, оставаясь на первый взгляд одним и тем же (мы живем в одних и тех же домах, ходим по одним и тем же улицам, путешествуем по одним и тем же местам), мир всякий раз оказывается другим в зависимости от того, *как мы поступаем*. То есть *подлинное начало мира коренится в по-*

ступке. Например, поступая «по справедливости», я тем самым становлюсь «точной отсчета» такого мира, в котором существует справедливость – в противоположность миру, лишенному таковой. При этом содержание моего действия (ответ на вопрос: что делать для того, чтобы осуществилась справедливость?) не дано мне заранее, но открывается только в самом моем движении, которое Мамардашвили и называет трансцендированием. Справедливость здесь как бы «высвечивается» отрицательным образом, как то, что не совпадает с нашим эгоистическим желанием существовать анонимно, т. е. – вне абсолютной ответственности. Именно поэтому, как говорит Мамардашвили, «...из самого содержания справедливости не следует, что она будет в следующий момент, хотя мы в этом моменте устремлены в момент следующий и хотим справедливости, но из нашего желания справедливости она не возникнет в следующий момент, потому что мы должны с ней встретиться. К тому же, встретившись, она должна пройти через нас» [3, с. 397].

А пройти через нас она может только в том случае, если мы станем проницаемыми для нее, т. е. сможем «расчистить место» для нее, отказавшись от себя в пользу своего предназначения. Иными словами, отказавшись от человеческой природы, которую Мамардашвили характеризует довольно беспощадно: «...бездушные, ограниченность, некая врожденная тупость человеческого сердца и такое же непонимание – все это в природе человека. И, только возвышаясь над ней, следуя высшему назначению, мы можем что-то испытывать, а потом случившееся воспринимается как фонд человеческой души и человеческого бытия. Но это постфактум. Ничего этого не существует самого по себе так, чтобы это существование само собой разумелось и длилось бы, как механизм» [3, с. 400].

«Ужас конкретности», таким образом, открывает здесь свою обратную сторону: только оказавшись перед этой пропастью неопределенности, отсутствия готового механизма действия в той или иной ситуации нравственного выбора, человек получает шанс родиться «вторым рождением», т. е. оказаться в измерении личности или в пространстве свободы. Собственно, и самó «чувство собственного существования» как ощущение своей несвязанности готовыми, данными извне нормами и правилами можно тогда понять как действие парадоксального закона человеческого бытия, которое осуществляется, по выражению Мамардашвили, только «на множестве экземпляров». То есть принятие и признание этой пропасти между любым готовым знанием о том, что следует делать в той или иной ситуации, и самим действием позволяет дать ответ на один из вечных, или «проклятых», вопросов, волнующих человека: «Каков смысл именно *моего существования* – как конкретной, вот этой “единицы бытия”?» Применительно же к миру в целом этот вопрос принимает ту формулировку, которая постоянно встречается в размышлениях Мамардашвили: «Почему существует многое, а не одно?» Признавая неустранимую конкретность действия, мы фактически отвечаем на этот вопрос следующим образом: потому что *одно* (иными словами, подлинное бытие как истина, добро и красота) не может длиться без нашего участия, *одно осуществляется только через многое*, тем самым «вспыхивающим» способом, о котором говорилось выше. Но при этом *одно* продолжает парадоксальным образом оставаться *одним* – именно поэтому, совершая поступок, человек всякий раз возобновляет единство и целостность всего мира. И именно поэтому слова, которые указывают на эту неизменную, несмотря на все изменения, основу мира – одни и те же. В этом смысле связь между этими разными мирами – чудо, как утверждает Мамардашвили, в частности, в курсе лекций «Введение в философию»: «Везде в тех разрывах, внутри которых вспыхивает акт творчества, есть этот “ужас невытекания” из чего-то другого, более высокого или низкого. Ничья жизнь не есть частный случай каких-то правил. И тем не менее, каким-то чудом она находится в “связи человечества”<...> И это возобновление связи человечества, которое само

не “закодировано” и не может быть выведено ни из каких правил – фон и основание того, что все философские или философоподобные акты воспроизводятся примерно с одинаковыми словами и одинаковыми понятиями, но с разными решениями» [1, с. 110]. «Философские акты» здесь, очевидно, выступают как «сопутствующий момент» всякого поступка, или как момент той «реальной философии», которую Мамардашвили противопоставляет узкопрофессиональной «философии понятий и систем».

Итак, «ужас конкретности», открывшийся современному человеку в качестве оборотной стороны утверждения относительности всех и всяческих норм, Мамардашвили трактует как *приглашение к свободе*. Собственно, у человека в этой ситуации радикальной неопределенности, разрушения или, точнее, релятивизации тех общезначимых оснований, которые обычно определяют человеческие поступки, и не остается другого выхода. Здесь обнаруживается та «обреченность на свободу», которую Жан Поль Сартр считал важнейшим «свойством» человека.

Есть, однако, существенная разница между этим сартровским толкованием человека и позицией Мераба Мамардашвили. Та «бездна свободы», или «ужас конкретности», на которых сосредоточена мысль Мамардашвили, говорит не столько о человеке, сколько о самом бытии. Точнее – говорит о «бытии трансцендирующего усилия», которое осуществляется *посредством человека*.

Иными словами, «ужас конкретности», ставящий человека перед необходимостью всякий раз *начинать с самого начала*, есть залог вечной жизни как бытия, основанного на самом себе: «Мы вечны, – говорит Мамардашвили, – если живы, и нужно идти к тому, **чего в принципе нельзя знать**. А на это способны только свободные существа. И само это движение есть проявление свободы» [2, с. 374]. Но это как раз и означает, что порожденная обилием информации неспособность к действию как примета современной жизни есть онтологический вызов, требующий более глубокого проникновения в тайну существования. Это существование может быть теперь только *собственным* – в абсолютном смысле этого слова.

Литература

1. Мамардашвили М. К. Введение в философию // Мамардашвили М. К. Философские чтения. – СПб. : Азбука-классика, 2002. – С. 7–170.
2. Мамардашвили М. К. Философия и свобода // Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. – М. : Прогресс : Культура, 1992. – С. 365–374.
3. Мамардашвили М. К. Эстетика мышления. – М. : Московская школа политических исследований, 2000. – 416 с.

Elena Vasilyevna Bakeeva,

Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Full Professor at Ontology and Epistemology Chair,
Ural Federal University named after First President of Russia
B. N. Yeltsin (Ekaterinburg)

The Terror of Specificity:

Regarding M. K. Mamardashvili's Philosophy of the Act

This article highlights the key provisions of the concept of the act as *an action unsupported by knowledge*, presented in the works of M. K. Mamardashvili. The key points of this concept are the paradoxical idea of freedom as an absolute necessity, not determined from the outside, and the thesis of the incommensurability of the general nature of rules and specificity (uniqueness) of an act. The latter always implies an act of transcending, which takes a person beyond the bounds of the world and knowledge. This *impossible* act turns out to be inevitable due to the dual *nature* of human beings existing both in the dimension of cause-and-effect necessity, and

in the dimension of freedom. Personality as an ontological phenomenon is conceptualized within the framework of this position in a purely negative way. The dimension of personality existence (freedom) only reveals in a person's movement of rising above himself as an individual, having a certain set of properties. Thus, a person discovers himself in the act of transcending as a unique destination. The philosophy in this context is not so much a form of knowledge, as the practice of formation of personality structures. Personal act finds here its ontological meaning. Act plays a role of an event-driven *basis* of the world as a meaningful whole. M. K. Mamardashvili's *Philosophy of the Act* gains particular relevance in the current situation of information overload and uncertainty.

Keywords: act; personality; world; freedom; M. K. Mamardashvili.

Антропологические воззрения А. Маслоу: концепция человека

В статье рассматривается концепция человека, разработанная известным американским психологом А. Маслоу как ядро его антропологических воззрений. Он заложил начала психологической антропологии, которая также имеет философско-мировоззренческое значение. Маслоу предложил свой взгляд на соотношение биологического и социального в человеке. Он отверг видение внутреннего мира человека как детерминированного только социальным. Исследуя животную природу человека, Маслоу показал роль инстинктов в реализации человека. Он связал в единую цепочку потребности, инстинкты и бессознательное, что позволило ему раскрыть разные способы существования человека. Маслоу сумел протянуть цепочку связей от потребностей к переживаниям человека и через их анализ охарактеризовать духовное в жизни человека. Это также позволило ему раскрыть взаимодействие природного и духовного в жизни, показать, что духовный мир присущ внутренней природе человека. Он доказал, что переживания человека определяют качества его бытия. Выделив и проанализировав пик-переживания и их структуру, он раскрыл сакральное в природе человека, сущность религии и выдвинул идею космического сознания.

Ключевые слова: психология; внутренний мир человека; потребности; инстинкты; переживания; трансцендентальное; духовное.

А. Маслоу относится к числу наиболее известных психологов XX в. Его творчество было разносторонним и многогранным. Оно оказало влияние на многие области научного знания: психологию, менеджмент, образование. Основу всего этого составляют его антропологические воззрения. Поэтому большой интерес для рассмотрения представляет концепция человека А. Маслоу.

А. Маслоу сконцентрировал антропологические исследования на внутреннем мире человека. Его концепция человека примечательна в двух отношениях. Во-первых, она построена на базе психологии. Во-вторых, ею были намечены пути выхода в прикладную антропологию, в частности в психологическую антропологию.

Встает вопрос: имеется ли достаточно оснований для построения концепции человека на основе психологии? Ответ на этот вопрос мы находим в тех характеристиках психологии, которые дает А. Маслоу.

В работах А. Маслоу мы встречаем разные определения современной ему психологии. Он называет ее то глубинной психологией и философией, то гуманистической психологией, то психологией бытия или онтопсихологией и даже «субъективной» биологией. В этом виден поиск наиболее точного и полного ее определения.

В чем же видятся задачи новой психологии? В самом общем виде А. Маслоу формулирует их так. Она «помогает определить способ существования, образ жизни не только для самой личности в пределах ее личной психологии, но и для этой же личности в пределах ее социального бытия как члена общества» [2, с. 11]. Это функциональное определение дополняется содержательным, согласно которому «третья» психология раскрывает высшую природу человека через самость, целостность, феноменологию. И еще более конкретизируется с определением

* **Ольга Владимировна Коркунова**, д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры «УСЭС, философия и история», Уральский государственный университет путей сообщения (г. Екатеринбург).

E-mail: ovkor@e1.ru

психологии бытия. Психология бытия «имеет дело с предельными характеристиками, нежели с сиюминутными значениями, то есть с предельными переживаниями, с конечными ценностями, с конечным знанием, человеком, который живет “на пределе”» [2, с. 70].

При этом А. Маслоу ясно осознает, что данная психология, ориентированная на построение целостного образа человека, выходит за рамки предмета своей науки и перерастает в философскую и мировоззренческую концепцию. В связи с этим он оценивает гуманистическую психологию как одну «из граней общего мировоззрения, новой философии жизни, новой концепции человека». А в своих поздних работах пишет, что «постепенно этот подход превратился в общую философию психологии и науки вообще, религии, труда, менеджмента, а теперь и биологии. По сути, он стал мировоззрением» [1, с. 11]. Он объясняет это тем, что данная психология обращается к исследованию тех слоев психики, бессознательного в человеке, которые еще не исследовались философией. А также тем, что она дает «взгляд внутрь, в поисках реальной Самости». И тем, что эта психология не является чисто описательной или академической, она предполагает активные действия.

А. Маслоу ясно видел дальнейшие перспективы развития концепции человека в рамках психологии, оценивая при этом гуманистическую психологию как переходную к еще более высокой. В качестве таковой он рассматривал трансперсональную психологию. «Я также должен сказать, что рассматриваю гуманистическую психологию, третью силу психологии как переходный момент, как подготовку перехода к еще более “высокой”, четвертой психологии, трансперсональной, трансчеловеческой, центрированной скорее на космосе, чем на человеческих потребностях и интересах, уходящей дальше человечности, идентичности, самоактуализации и тому подобного» [2, с. 7].

Опираясь на психологию, А. Маслоу вносит новый ракурс в исследование природы человека. Как психолог, он делает акцент на изучении его внутренней природы, в качестве которой рассматривает психический мир человека. Такой подход требует показать картину внутренней природы человека, преломленной через дихотомию биологического и социального в нем. Производя данную процедуру, Маслоу показывает, что внутренняя природа биологична по своим основаниям, что существует внутреннее инстинктоидное ядро человеческой природы. Во внутренней природе одновременно выражены видовые и уникальные характеристики человека. Она включает в себя базовые потребности, базовые эмоции и способности. Он обосновывает это так. «Человек не просто является частью природы, и она не просто является частью человека, но он должен быть, хотя бы в минимальной степени, изоморфным природе (подобным ей) для того, чтобы быть в ней жизнеспособным. Природа “эволюционировала” человека. Его приобщение к тому, что его превосходит, таким образом, не должно определяться как неприродное или сверхприродное. Оно может рассматриваться как биологический “опыт”» [1, с. 318].

В связи с этим он пишет: «“Проект человек” предопределен биологически для всех людей, и его основная цель стать человеком» [2, с. 200].

Раскрывая биологическую сторону внутренней природы, Маслоу показывает, что она имеет неразрывную связь с социальной стороной. Прежде всего он фиксирует это в том, что «человек является своим творением и создает себя. Но в то же время он ограничен в том, что может сотворить из себя» [2, с. 199–200]. Таким образом, оказывается, что «проект человек» осуществим только через общение с другими, т. е. социум.

Этим А. Маслоу преодолевает крен видения внутреннего мира человека как только продукта его социализации. Данная позиция была преобладающей в психологии и философии. Маслоу же показывает, что «жизнь в семье и культура аб-

солютно необходимы для *актуализации* этого психологического потенциала, который определяет суть человечности. Давайте избегать смещения. Учитель или культура не создают человеческую сущность... Они либо принимают, либо способствуют, либо развивают, либо помогают тому, что было заложено в эмбрионе, проявиться в реальности... Культура – это солнце, еда и вода, но не начало» [2, с. 133].

Он подробно рассматривает вопрос о влиянии культуры на развитие человека и приходит к выводу, что западноевропейская мысль решала его узко и односторонне. Традиционно культура рассматривалась в качестве инструмента контроля и подавления животной природы человека. Этому во многом способствовала трактовка инстинктивных состояний как иррационального в человеке, которое опасно своими неконтролируемыми импульсами. Поэтому их лучше подавлять, избавляя таким образом организм от напряжения и обеспечивая ему состояние покоя. В противовес этому А. Маслоу показывает, что эти состояния сами по себе вписаны в структуру человеческой природы. Они имеют биологическую, генетическую основу, а развиваются в культуре. Даже высшая человеческая природа, идеалы основываются, по его мнению, не на отказе, а на удовлетворении инстинктов. «Мы социальные животные, причем на самом глубинном уровне», – заключает он, подводя итоги своим психологическим исследованиям [2, с. 164].

Более того, он обосновывает идею, что внутренняя природа обладает собственной динамической силой. И если она руководит жизнью человека, то обеспечивает ему здоровье, творчество, счастье. В связи с этим он считает, что культура должна выполнять новую функцию – создание условий для универсальной самореализации человека.

В своих работах Маслоу проводит идею параллелизма, синхронности внутренней и внешней (культура, социум) сторон жизни человека.

Проблему соотношения социального и биологического как высшего и низшего в человеке Маслоу рассматривает в ракурсе соотношения животного и божественного в нем. Основной его вывод сводится к тому, что наши «богоподобные качества основываются на животных и нуждаются в них» [2, с. 143]. Этим обеспечивается целостность человека.

Ключевая роль в обосновании этой идеи отводится трансцендентальному, которое рассматривается как сущностная характеристика человеческой природы. Маслоу приводит более десятка трактовок этого понятия. Но в общем слово «трансценденция» используется им в том смысле, что «иерархически-интегративный способ мышления... подразумевает только то, что высшее строится и основывается на низшем и включает его в себя» [2, с. 147]. Трансценденция, позволяя человеку выходить за пределы самого себя, с одной стороны, оценивается как потенциал человеческой природы, а с другой – позволяет человеку достичь божественного. «Трансценденция означает также стать Божественным или богоподобным, выйти за пределы чисто человеческого. Но здесь надо быть осторожным в том смысле, чтобы не вкладывать в это утверждение какого-то сверхчеловеческого или сверхъестественного содержания... Это часть человеческой природы, хотя ее не часто можно видеть в действии. Это потенциал человеческой природы» [1, с. 259].

В то же время трансцендентальное приравнивается им к духовному и оценивается как необходимая сторона жизни, без которой «мы становимся больными», ибо нас одолевают безнадежность и апатия.

Таким образом, через трансцендентальное Маслоу подходит к раскрытию двух сторон жизни человека: ценностных, смыслообразующих ориентиров и сути представлений о божественном. Последнее позволяет ему найти альтернативу религиозной вере.

Более детальное раскрытие внутренней природы человека осуществляется Маслоу через цепочку понятий «первичные и вторичные процессы» – «потребности» – «ценности».

Первичные процессы характеризуют как раз инстинктоидные психические потребности, которые принадлежат сфере бессознательного. Они представляют собой врожденные качества и способности человека. Вторичные процессы берут начало в первичных процессах. Они принадлежат сфере сознания и определяются воспитанием, образованием, культурой и социальной средой. Поскольку способности требуют своей реализации, то они выступают как потребности внутренней природы.

Выделяя базовые потребности и строя на их основе иерархическую систему потребностей, А. Маслоу отмечает, что эти положения являются результатом двенадцати лет психотерапевтической работы и двадцати лет изучения личности.

К базовым потребностям он относит, помимо физиологических потребностей, потребность в безопасности, принадлежности и идентификации (в любви и дружбе), в уважении и престиже, наконец в самореализации. На их основе строится вся иерархия потребностей, которая определяет последовательное развитие человека как переход от удовлетворения низших потребностей к удовлетворению высших.

В этой иерархии А. Маслоу особо выделяет два вида потребностей: дефицитарные (Д-потребности) и бытийные (Б-потребности). Их удовлетворение обеспечивает человеку разные способы существования.

Поскольку Д-потребности могут быть удовлетворены только другими людьми, то они дают человеку приспособление как способ существования. Данный способ существования делает человека зависимым от внешних детерминант и управляемым другими. При этом человек оказывается центрированным на себе, эгоистичным по отношению к миру.

Б-потребности, удовлетворяясь через пик-переживания и творчество, выводят человека в сферу чистого бытия, что обеспечивает ему рост и самоактуализацию. Это делает человека более самостоятельным, позволяет ему опираться на свою внутреннюю природу, свой потенциал, самому управлять собой. В результате человек трансцендирует за пределы своего Эго, центрируясь на мире.

Маслоу считает, что человеческое существование сконструировано так, что толкает нас в направлении все более полного существования [2, с. 128]. А полнота существования может быть достигнута при интеграции обоих способов существования. В реальности человек сам выбирает способ существования. При этом Маслоу отмечает, что развитие человека обусловлено прежде всего тем, что происходит внутри, а не вовне. Определяющую роль в этом играет диалектическая связь двух потребностей: потребности в безопасности и потребности в знании. Если доминирует потребность в безопасности, то она порождает страх и стремление приспособиться. Если доминирует потребность в знании, то человек идет по пути роста и самоактуализации.

Для изучения этих способов существования Маслоу исследовал две категории людей: 1) тех, кто обращался за помощью к психологам и психотерапевтам; 2) психически здоровых, благополучных, реализовавших себя личностей. Включение в объект исследования второй группы было новацией. Маслоу придавал этому большое значение, так как считал, что только эти люди в полной мере воплощают «модель» развития человеческого рода.

Исследование этой группы людей позволило ему открыть и описать особую категорию переживаний человека, названную им пик-переживаниями. В эту категорию он включил трансцендентальные, мистические и религиозные переживания. Детально характеризуя эти переживания, Маслоу определил их главную особенность как то, что они открывают человеку предельные, конечные состояния

бытия. В результате человек познает целостность мира, сакральное, достигает «радостного слияния с абсолютным», осознает реальность самого себя и жизнь как трансцендентное и трансперсональное явление. Таким образом, у Маслоу получается, что предельные основания бытия как мира, так и себя человек постигает посредством особых переживаний.

Исходя из анализа пик-переживаний, Маслоу делает несколько важных выводов относительно сущности и существования человека. Во-первых, опыт пик-переживаний дает человеку смысл и высшие ценности бытия. Он делает заключение, что высшие ценности, составляющие основу духовного мира человека, присущи структуре человеческой природы. Они обусловлены ею благодаря мудрости тела и знания организмом, что ему нужно.

В этой натуралистической теории ценностей духовное и природное оказываются интегрированы. Духовное выступает развитием, раскрытием природы человека, обеспечивая ему реализацию самого себя. В связи с этим Маслоу пишет: «Человеческое бытие является тем, что оно есть, и тем, чем оно стремится быть» [2, с. 132]. И развивает эту мысль так. «Человек не слит со своей человечностью, не слеплен по этой мерке, его не учили быть человеком в полном смысле слова» [2, с. 132]. Поэтому через переживания человек частично открывает свои ценности в себе, а частично создает их для себя.

А. Маслоу обосновывает положение о том, что основания духовного мира человека лежат не в сфере сверхъестественного, а присущи его внутренней природе, посредством исследования феномена религии.

Маслоу анализирует религию через призму переживаний человека. Он показывает, что в основе любой мировой религии изначально лежит мистический опыт какого-либо пророка: Будды, Иисуса Христа и т. д., которым в откровении даны некоторые истины. Этот мистический опыт выражается в терминах сверхъестественного и представляет собой субъективные религиозные переживания. «Изначально внутренним ядром, сутью, универсальной составляющей любой известной нам религии... было личное, приходящее в одиночестве просвещение, откровение или экстаз какого-нибудь высоко чувствительного пророка... Характерный пророк – это одинокий человек, который узнал некоторую истину о мире, космосе, этике, Боге и в своем существовании в этих пределах из собственного переживания, которое он расценил как откровение», – пишет А. Маслоу [2, с. 210–211].

Что же такой подход дает для оценки религии? Он вскрывает некоторые существенные стороны религии. Во-первых, любая ортодоксальная религия имеет организованную форму в силу того, что в удобном для группы виде передает установленный мистический опыт пророка. При этом она отсекает все переживания, выходящие за пределы этой формы. Именно поэтому, считает А. Маслоу, ортодоксальной линии всякой религии сопутствует мистическое направление, которое аккумулирует в себе живой опыт религиозных переживаний, выходящих за рамки установленных форм. Исходя из этого, он делает вывод, что религия лишает человека полноты бытия, ограничивает реализацию его сущности частичными проявлениями.

Встает вопрос: почему? Для ответа на этот вопрос Маслоу анализирует содержание мистических переживаний. В результате он приходит к выводу, что эти переживания открывают человеку предельные, конечные состояния бытия. Они раскрывают ему сакральное. Исходя из этого, Маслоу заключает, что религия, провозглашая свое право на сакральное, разрывает, разрушает целостность бытия человека. Он формулирует принципиально новое положение: сакральное не оторвано от обыденного. «Величайший урок подлинных мистиков, монахов Дзен, а сейчас и гуманистических и трансперсональных психологов заключается в том, что сакральное содержится в обычном, что его можно обнаружить в нашей повсе-

дневной жизни, в наших соседях, друзьях, семье, на заднем дворе, что путешествие может быть полетом от соединения с сакральным – этот урок может быть с легкостью утерян. Если кто-то хочет найти чудо в другом месте, то для меня это первый признак непонимания того, что чудесно все вокруг» [2, с. 196]. Такой вывод позволяет ему поставить другой вопрос: имеют ли такое же содержание другие переживания и можно ли его выразить иначе, чем в религиозных терминах?

Ответ на этот вопрос дает исследование пик-переживаний, к которым кроме религиозных и мистических переживаний относятся и трансцендентные переживания. Сравнивая их, Маслоу выдвигает гипотезу: «Все мистические или пик-переживания по сути идентичны и всегда будут такими же, все религии по сути одинаковы и всегда будут таковыми. <...> Нечто общее, то, что остается после того, как мы уберем все частности, все детали, связанные с конкретным языком или определенной философией, все этически окрашенные формулировки... мы можем назвать “религиозным опытом” или “трансцендентным переживанием”» [2, с. 211].

Это позволяет ему сделать вывод, что сакральное имеет основания не в религии, а в природе человека. В результате в новом свете предстает духовная жизнь человека, которую религия всегда определяла. Духовные ценности и духовная жизнь человека теряют свое основание в сверхъестественном. Оно лежит в самой природе человека, его внутреннем мире.

Интересно обоснование, которое делает Маслоу своей позиции. Он исходит из общепринятого факта, что духовный кризис, охвативший человека и человечество, связан с падением веры. Эту тенденцию усиливают успехи науки. Следовательно, если усматривать источник духовных ценностей в религии, тогда духовный кризис может стать затяжным и превратиться в перманентный. Кроме того, при такой позиции человек воспринимает духовные ценности как нечто внешнее в своей жизни. Если раскрывать основания духовных ценностей исходя из природы человека, то он обретает их источник внутри себя и может вне религии раскрыть свою сущность и обрести полноту бытия.

Как же Маслоу прокладывает мостик от мистических переживаний к духовным ценностям? Через содержание переживаний. Сакральное в виде конечных, предельных оснований бытия обретает значимость ценностей. Переживание сакрального раскрывает человеку вечное, прекрасное, доброе в их абсолютном значении, давая ему таким образом высшие духовные ценности.

Исходя из приведенного анализа религии, Маслоу делает вывод, что по мере развития человека неизбежно должны изменяться взаимоотношения между религией и наукой. Религия может стать объектом изучения науки, предметом рационального познания. «Религия может быть совмещена на высших стадиях человеческого развития с рациональным, наукой, с социальным. Она может в принципе достаточно легко интегрировать здоровое животное и эгоиста с естественно трансцендентным, духовным и аксиологическим» [2, с. 197]. Это позволит науке перестать быть чисто технологической, включить в свою сферу духовные ценности и научить человека полноценной жизни. В силу таких изменений наука и религия вступают в диалог, который имеет тенденцию к единению, определяемую стремлением обрести целостный образ человека.

А. Маслоу видит альтернативу религии в том, что происходящее дает человеку чувство единения, гармонии с Космосом. Используя понятие «бытие» в значении «космос в целом», все существующее, все действительное, можно достичь целостной взаимосвязи его сторон. «Единственная и целостная вещь – это Космос в целом. Все меньшее является частичным, неполным, вырванным из сети связей и отношений ради преходящего, практического Удобства» [1, с. 129].

Обобщая материалы по исследованию пик-переживаний, он отмечает особую ценность достигаемого в них чувства принадлежности человека к Космосу. «Речь

идет об особом феноменологическом состоянии, когда человек каким-то образом воспринимает весь космос, или, по меньшей мере, единство и интеграцию его и всего в нем, включая собственное Я. При этом он чувствует, что по праву принадлежит космосу. Он становится членом космической семьи, а не сиротой. Он входит внутрь, а не наблюдает извне. Он одновременно чувствует свою малость перед лицом обширности Вселенной и свою важность – благодаря абсолютному праву находиться в ее составе. Он часть вселенной, а не незнакомец или пришелец» [2, с. 262]. В результате при самоактуализации человек достигает холистичности в своем отношении к миру. «Для них существуют единое человечество и единый космос, а такие понятия, как “национальный интерес”, или “религия моих отцов”, или “различные уровни людей или их интеллекта”, для них либо не существуют, либо легко преодолеваются» [1, с. 273].

Как следствие у человека формируется новый тип сознания. Для обозначения его А. Маслоу использует понятия «объединенное сознание» и «космическое сознание». Суть его он характеризует как восприятие Космоса в целом, «когда все одновременно является всем другим, все связано со всем и вся действительность – это единая вещь, которую мы воспринимаем под разными углами зрения... Очарованное восприятие части мира, как если бы это был весь мир» [1, с. 128].

Данные тенденции изменений в понимании бытия и сознания проистекают, как показывает Маслоу, из изменения научной картины мира, которая меняет взгляд на Космос. Отказ от механистического понимания Вселенной в пользу эволюционной парадигмы позволил рассматривать Космос как организованную целостность, в которой человеку отводится свое определенное место и роль. Вследствие этого, считает Маслоу, может трансформироваться значение слова Бог. «Если Бог будет определяться как “чистое бытие”, или как “интегративный принцип вселенной”, или как “целостность всего”, или как “смысловая наполненность космоса”, или еще каким-либо не-личностным способом, то против чего будут бороться атеисты?» [2, с. 225–226]. В результате снимаются «мировоззренческие» препятствия к рациональному пониманию этого представления. Данная мысль А. Маслоу получает подтверждение в наше время. Действительно, появляются работы, в которых с разных позиций дается рационалистическое осмысление этого феномена.

Итак, мы видим, что Маслоу создал свой оригинальный вариант антропологии. Он предложил новые подходы к рассмотрению сущности и существования человека, наметил пути его самоактуализации. Это стимулировало дальнейшее развитие как психологии, так и философии.

Литература

1. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы / под общ. ред. Г. А. Балла и др. ; пер. с англ. Г. А. Балла, А. П. Попогребского. – М. : Смысл, 1999. – 423 с. – (Золотой фонд мировой психологии).

2. Маслоу А. По направлению к психологии бытия: религии, ценности и пик-переживания / пер. с англ. Е. Рачковой ; под ред. Е. Рыбиной. – М. : Эксмо-Пресс, 2002. – 271 с. – (Сер. «Психологическая коллекция»).

Olga Vladimirovna Korkunova,

Dr. Philos. Sci., Associate Professor, Professor,
Department of USES, Philosophy and History,
Ural State University of Railway Engineering (Ekaterinburg)

The anthropological views of A. Maslow: the concept of man

The article discusses the concept of man, developed by the famous American psychologist A. Maslow. He argued that the concept of man can be built based on psychology and laid the foundation for psychological anthropology. He revealed the inner world of man and his features, such as self-identity and integrity. Maslow presented his view on the correlation between the biological and the social in man. He rejected the vision of the inner world of man as determined only by the social. Exploring the animalistic nature of human beings, Maslow showed the role of instincts in the realization of man. Knitting together needs, instincts and the unconscious allowed him to reveal different ways of human existence. Maslow managed to lay a chain of connections from human needs to human experiences and through their analysis to characterize the spiritual in human life, thereby disclosing the interaction of the natural and the spiritual in life. Maslow also disclosed the meaning of the highest values of a human being and concluded that the spiritual world belongs to the inner nature of man. He showed that human experiences determine the quality of his being. The psychologist analyzed the "peak of experiences" and their structure and revealed the sacred nature of man, the essence of religion and put forward the idea of cosmic consciousness.

Keywords: psychology; man's inner world; needs; instincts; experiences; transcendental; spiritual.

Визуализация и ее роль в современном политическом дискурсе (на примере российского и австрийского политического дискурса)

Политический дискурс – это общение в политической сфере, при котором у граждан формируются представления о «политически правильных, верных» решениях. В качестве средств передачи информации в социальном общении выступают вербальные и невербальные (визуальные) знаки.

Современный политический дискурс тяготеет к визуализации, что напрямую связано с глобальным поворотом современной массовой коммуникации от речевого кода к изобразительному. Особую роль начинает играть визуальная репрезентация как воспроизведение виденного, слышанного, прочувствованного человеком с помощью визуальных образов. Изображение становится главным способом передачи и получения информации.

Главным методом исследования визуализации политического дискурса выбран дискурс-анализ, так как автора исследования прежде всего интересуют механизмы смыслопорождения в процессе визуальной коммуникации, а также роль в этом процессе каждого из участников (адресанта и адресата).

Анализ роли визуализации в российском и австрийском политическом дискурсе показывает, что пространство визуального в российском политическом дискурсе – это сфера идеологии, где смотрящему отводится роль пассивного наблюдателя. В австрийском политическом дискурсе визуальная составляющая подчеркивает демократические традиции австрийской политической коммуникации и представляет собой сферу идей, где каждый гражданин – активный участник.

Ключевые слова: политический дискурс; дискурс-анализ; визуализация; визуальная репрезентация; визуальная коммуникация; концепт.

В широком смысле политический дискурс можно определить как общение в политической сфере. Его основной целью и одновременно содержанием является борьба за власть. Его предназначение – формирование у граждан представлений о «политически правильных, верных» решениях или оценках. В связи с этим возможен анализ дискурса «с точки зрения... сценариев, установок, социальных репрезентаций, организующих социальное общение и понимание» [5, с. 59].

В качестве средств передачи информации в социальном общении могут выступать разного рода вербальные и невербальные знаки. В связи с этим политический дискурс может рассматриваться как семиотическое пространство, в котором реализуются всевозможные концепты.

Поскольку наиболее важным при анализе представляется понимание процесса смыслопорождения и интерпретации концептов, наиболее подходящим методом исследования выступает дискурс-анализ. Именно с помощью дискурс-анализа можно определить, как в коммуникации воспроизводятся социальные структуры и как в дискурсе создаются, приписываются и воспроизводятся значения [3, с. 23].

Отличительной особенностью современного политического дискурса является его очевидное тяготение к визуализации, что связано с глобальным поворотом современной массовой коммуникации от вербального кода к изобразительному. Немаловажную роль в этом повороте играют массмедиа, которые погружают современного потребителя информационного продукта в пространство визуальных образов. Особую роль начинает играть визуальная репрезентация – воспроизведе-

* Архипова Юлия Владимировна, канд. филол. наук, доцент кафедры «Реклама и связи с общественностью» факультета социальной психологии, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

ние виденного, слышанного, прочувствованного человеком с помощью визуальных образов. В процессе репрезентации важную роль играют внутренние структуры, формирующиеся в течение жизни человека, в которых представлена сложившаяся у него картина мира, социума и самого себя. Эти структуры оказывают непосредственное влияние на возможность воспроизведения имеющейся информации или интерпретации получаемой визуальной информации.

Культурная идентичность и множественность сценариев жизни современного человека формируются и конструируются в окружающем его визуальном поле. Транслируемые с многочисленных экранов визуальные образы окружают нас повсюду – дома, в городском пространстве, в офисе, на учебе. Они создают особую, насыщенную символическую среду обитания современного человека – медиареальность [4, с. 5].

Изображение сегодня становится главным способом передачи и получения информации (отсюда стремление большинства политиков иметь свой личный аккаунт в социальных сетях, где через фото – деловые и личного характера – можно управлять вниманием электората) и рождает новые формы понимания действительности.

Характер политического дискурса требует от политика как субъекта политической реальности тщательного планирования коммуникации, продумывания ее формальной и содержательной сторон. Его речь должна быть наполнена образами и символами, созвучными массовому сознанию; его образ должен быть построен в соответствии с правилами категоризации, чтобы электорат воспринимал политика как «своего».

Наличие большого числа участников в политическом дискурсе, а также его тяготение к метафоризации и символизации политической реальности оставляют широкое пространство для внушения и манипуляции. Порой выступление популярного политика лишено всякой аргументации, оно рассчитано на эмоциональное восприятие и/или апеллирует к глубинным структурам сознания; при этом формально может выглядеть как убеждение.

Несмотря на тяготение политической коммуникации к однонаправленности и дистанцированности от объекта воздействия (различных групп электората), она претерпевает значительные изменения, связанные с развитием гражданского общества и демократических институтов, возрастанием значимости политических воззрений каждого отдельного гражданина и его персонального выбора. В связи с этим встает вопрос не о субъектно-объектной, а о субъектно-субъектной модели политической коммуникации, в которой различные группы общественности выступают не пассивным объектом воздействия, а активным субъектом, не просто самостоятельно конструирующим политические смыслы в процессе потребления информации, но и являющимся активным участником политического диалога.

Разрешение вопроса о том, какая модель коммуникации лежит в основе политического дискурса – субъектно-субъектная или субъектно-объектная, наиболее приемлемо в пространстве национальных политических традиций и национальной политической риторики. В связи с этим интересно сравнить российский и австрийский политические дискурсы в их современном состоянии.

Современный российский политический дискурс является, с одной стороны, прямым наследником советской политической и риторической традиции, с другой – испытывает значительное влияние Запада. В качестве наследства от советской эпохи ему достался «ритуальный характер» политической коммуникации, «когда не столь важным было содержание адресуемых властью... интенций, сколько сам факт их произнесения в положенных ситуациях» [4]. Предпочтение субъектно-объектной модели политической коммуникации по-прежнему проявляется в неумении власти слушать, выборе в пользу силовых способов разрешения конфлик-

тов, нетерпимости к чужому мнению. Вместе с тем западное влияние очевидно в постоянном стремлении к обновлению тем и сюжетов, смене способов обращения к целевой аудитории, попытках организации интерактивного общения с ней.

В силу традиции и специфики российской политической культуры отечественный дискурс в политической сфере остро идеологичен и концептуален, что выражается, прежде всего, в обилии оценочных суждений даже в информационных материалах российских медиа. Он по-прежнему носит маскулинный характер, так как мужчины-политики в России всё еще более популярны, чем женщины. Именно с ними связываются массовые представления о силе и защищенности. Наиболее популярные российские политики настойчивы, напористы, порой агрессивны. Их популярность – во многом следствие глубинных, иррациональных факторов и составляющих массового сознания. Отсюда значительная доля иррациональности и в самой политической риторике (не столь важно, что сказал; важно, как сказал и какое впечатление произвел).

Что касается визуального аспекта российского политического дискурса, то здесь тоже все достаточно традиционно. Изображение российского политика или представителя власти в большинстве отечественных изданий – это фигура авторитетная (порой авторитарная), могущественная, обладающая значительным политическим и общественным влиянием, принимающая важные решения. Порой эти изображения могут быть выдержаны в ироническом ключе, но эта ирония относится, скорее, не к самому предмету изображения, а отражает российскую специфику отношения к власти: «она трактуется как привилегия, как условие богатства, больших возможностей и влияния» [1]. Ироническое изображение развенчивает представление о нем как о «народном избраннике» и подчеркивает его чисто прагматические намерения.

Такая ирония чаще всего характерна для неофициального или оппозиционного дискурса (изображения в социальных сетях или агитационных предвыборных листовках «малых» российских партий). В последнем случае она может приобретать характер острой сатиры. Тенденциозность российского политического дискурса находит отражение и в различных формах визуальной репрезентации. Причем чем выше статус политической фигуры, тем более пафосными и идеологизированными будут изображения.

В связи с этим особого внимания заслуживает визуальная репрезентация образа президента в современном российском политическом дискурсе. В начале 2000-х, когда Россия осуществляла политику интеграции в европейское (западное) экономическое и политическое пространство, на страницах российских и западных печатных и электронных изданий стали все чаще появляться «неформальные» изображения В. В. Путина – на прогулке с собакой, на лыжной трассе, в спортзале, в баре за бокалом пива и просмотром с коллегой Д. А. Медведевым футбольного матча, на рыбной ловле и т. д. Такие изображения представляли первого человека в РФ по-европейски простым, открытым, понятным и по-российски близким, «своим». Затем, по мере ухудшения отношений с Западом, с введением антироссийских санкций характер изображений стал меняться: президента все чаще стали изображать в официальной обстановке, на фоне официальной российской символики. По ходу общей милитаризации российского политического дискурса наиболее востребованными оказались фото президента в военной форме. Даже была выпущена серия стикеров с изображением В. В. Путина в форме разных родов войск.

Вместе с тем официальный образ президента смягчается его изображениями при занятиях различными видами спорта (борьба, горные лыжи...), хобби (сбор грибов вместе с С. Шойгу), при участии в значимых христианско-религиозных праздниках и ритуалах (богослужения в храме, погружение в крещенскую ку-

пель...), совместные фотографии со студентами, учеными, актерами, многодетными семьями и др.

Подобные визуальные образы не позволяют перечеркнуть образ «народного президента», открытого и человеческого.

При этом «мягкий вариант» фигуры премьера (как назвал его журнал «Русский Newsweek» в одном из последних своих номеров) – Д. А. Медведев с его селфи-галереей, I-фото и прочими «модерновыми фишками» никак не догоняет по популярности брутального и харизматичного Путина, что также скорее указывает на значительную долю иррациональности российской политической коммуникации.

Австрийский политический дискурс, наоборот, движется по пути от иррациональности к рационализации, что выражается в высоком уровне политической и гражданской рефлексии. Большое количество активных субъектов этого дискурса (в Австрии более 400 официально зарегистрированных партий) [7] и сильная демократическая традиция обуславливают такие характеристики австрийской политической коммуникации, как полифонизм и интертекстуальность [6]. При этом австрийский политический дискурс до мая 2019 г. также носил очевидно маскулинный характер (30 мая 2019 г. бундесканцлером была назначена Бригитте Бирляйн).

Эти характеристики находят соответствующую визуальную репрезентацию в фотоматериалах австрийских и в целом европейских массмедиа. Характер изображения первых лиц австрийского государства на протяжении последних десятилетий существенно не меняется. Скорее всего, мы имеем дело с традицией изображать первых лиц в особой демократической манере: живая мимика, много свободных, почти произвольных жестов; почти полное отсутствие постановочных фото (в отличие, к примеру, от американской или российской традиции).

Примечательно, что фотожурналисты не стремятся приукрасить или «омолодить» своего пожилого президента (Александр ван дер Беллену 75 лет): совершенно седые волосы, глубокие морщины, не очень здоровые зубы. При этом открытый пронизательный взгляд, устремленный прямо в камеру. Президент не боится фронтальных изображений, часто улыбается, иногда хмурится. Все изображения живые, подчеркивающие естественность и непринужденность объекта. Такие фото должны подчеркнуть, прежде всего, отсутствие дистанции между первым лицом государства и обычным гражданином, узнающим в президенте своего знакомого, соседа или даже самого себя.

Вообще, зрелость – это тоже часть австрийской политической традиции, поэтому у австрийских политиков не принято скрывать свой возраст. Наличие признаков возрастных изменений (седина, морщины и т. д.) свидетельствует о том, что человек, пришедший в политику, уже состоялся и достиг каких-то успехов в других сферах. На него смотрят как на уважаемого, опытного, здравомыслящего, мудрого. Эти качества присваиваются ему на основе устойчивых представлений электората о том, что собой представляет австрийская политика.

Себастьян Курц, занявший в декабре 2017 года должность бундесканцлера, казалось, призван был поколебать эти представления. Заняв пост главы кабинета министров в 31 год, он оказался самым молодым бундесканцлером за всю историю Австрии. Молодой, обаятельный и очень фотогеничный, он стал звездой австрийской и европейской прессы. За непродолжительный срок его пребывания в должности журналисты успели сделать огромное количество снимков молодого премьера. Все их объединяет нетрадиционная для австрийского визуального дискурса «красивость» и «глянцевость». Как будто премьером стал не бывший министр иностранных дел, а звезда телешоу. Неудивительно, что это раздражало значительную часть австрийской общественности, привыкшей к естественной зрелости. Они видели в жестах Курца позерство, обвиняли его в стремлении к

эффективности. В мае 2019 года парламент Австрии выразил недоверие правительству Курца, и оно в полном составе было отправлено в отставку.

При всей разности российской и австрийской политической традиции, в равной мере можно говорить об эффективности российской и австрийской политической коммуникации (в той степени, в какой она справляется с решением текущих политических задач).

Возвращаясь к анализу российских и австрийских политических дискурсов, можно отметить следующее. С точки зрения политической реальности, в российской политической коммуникации преобладает субъектно-объектная модель, где объектом воздействия выступают не структурированные группы электората, а огромная масса граждан. С языковой точки зрения можно говорить о субъектно-субъектной модели, когда каждый отдельный индивид генерирует свой индивидуальный набор смыслов и интерпретаций, подсказанных политическим контекстом. Австрийский же дискурс в обоих случаях опирается на субъектно-субъектную модель, в которой на первый план выдвигается индивидуальный осмысленный выбор.

Если рассматривать идеологическое пространство визуального в российском и австрийском политическом дискурсе, то можно отметить следующее. Российский политический дискурс в совокупности всех его визуальных репрезентаций – это сфера идеологии. Идеология предполагает всестороннее и полное видение мира: она развивает набор концепций относительно того, как должен быть устроен мир. Идеология сочетает в себе понятия и эмоции; при этом она старается дать ответы на все вопросы. Смотрящему она отводит роль пассивного наблюдателя. От него требуется принимать на веру все, что он видит.

Визуальные репрезентации концептов, преобладающих в австрийском политическом дискурсе, позволяют говорить о том, что там мы имеем дело с миром идей. В отличие от идеологии, это открытое пространство, в котором разного рода идеи зарождаются, апробируются, модифицируются, принимаются или отвергаются, а потом забываются. Все участники коммуникации в этом случае равны и в равной мере участвуют в смыслопорождении.

Таким образом, роль визуальной репрезентации в российском политическом дискурсе заключается, прежде всего, в создании и поддержании официальной идеологии, а в австрийском – в создании дополнительного канала для публичной коммуникации.

Литература

1. Аджимаз О., Кожемякин Е. Культурные модели визуальной репрезентации власти в дискурсе фотожурналистики // Современный дискурс-анализ. – 2011. – Вып. 4. – URL: <http://discourseanalysis.org/ada4/st34.shtml> (дата обращения: 05.05.19).
2. Вдовина Т. В. Визуальные исследования: основные методологические подходы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Социология. – 2012. – № 1. – С. 16–26.
3. Дроздова А. В. Визуальные образы повседневности в современной медиакультуре : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2017. – 278 с.
4. Негров Е. О. Официальный политический дискурс в современной России: стратегия развития // Политическая экспертиза (ПОЛИТЭК). – 2009. – Т. 5, № 4. – С. 105–114. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=13104021> (дата обращения: 31.10.19).
5. Неретина С., Огурцов А. Концепты политического сознания // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. – 2009. – № 1. – С. 17–78.
6. Спиридовский О. В. Интертекстуальность президентского дискурса в США, Германии и Австрии // Политическая лингвистика. – 2006. – Вып. 20. – С. 161–169.
7. Шаханин В. А. Политические партии в современной Австрии // Актуальные проблемы права : материалы III Международной научной конференции (г. Москва, ноябрь 2014 г.). – М., 2014. – С. 155–159.

Yulia Vladimirovna Arkhipova,
Cand. Phil. Sci., associate professor at Advertisement
and Public Relations Department,
Liberal Arts University (Yekaterinburg)

**Visualization and its role in the modern political discourse
(by the example of the Russian and Austrian political discourse)**

Political discourse is communication in the political sphere in which citizens obtain ideas about “politically correct, right” decisions. Verbal and non-verbal (visual) signs are becoming a means of transmitting information in social communication. Modern political discourse aims for visualization which directly relates to the global turn of modern mass communication from the speech code to the image. Here, a special role plays a visual representation as a reproduction of what a person has seen, heard, and felt with the help of visual images. Image is becoming the main way to disseminate and receive information.

The main method for studying the visualization of political discourse is the discourse analysis since the author of the study is primarily interested in the mechanisms of meaning generation in the process of visual communication, as well as the role of each of the actors in this process.

An analysis of the role of visualization in Russian and Austrian political discourse shows that the visual space in Russian political discourse is an ideological sphere where the viewer acquires the role of a passive observer. In the Austrian political discourse, the visual component emphasizes the democratic traditions of Austrian political communication and represents a sphere of ideas where every citizen is an active participant.

Keywords: political discourse; discourse analysis; visualization; visual representation; visual communication; concept.

Русская классическая музыка: западничество, славянофильство, интегрatism

В статье анализируются проблемы спора западников и славянофилов применительно к появлению и кристаллизации русской национальной музыкальной культуры в XVIII–XX вв. Рассматривается западнический (по генезису и семантике) характер самого проекта «русская национальная школа», конфликт теории и практики славянофилов, а также формирование платформы интегрatismа как проекта, объединяющего идеи и практику обоих дискутирующих лагерей.

Ключевые слова: западники; славянофилы; интегрatism; романтический национализм; Серебряный век; барокко; классицизм; предклассицизм; романтизм.

Да, мы были противниками их; но очень странными.
У нас была одна любовь, но не одинакая...
И мы, как Янус или как двуглавый орел,
смотрели в разные стороны в то время,
как сердце билось одно...

А. Герцен

Как известно, конкретные пути, предложенные российской духовной культурой для определения стратегического вектора развития отечественной цивилизации, были различны и даже внешне полярны. Традиционно принято констатировать ставший уже хрестоматийным спор западников и славянофилов; сам спор был духовно и социокультурно специфичен исключительно для России. Не только ни в одной европейской (или имеющей европейские культурные корни) стране ничего подобного не возникало, но даже в восточно-христианском, православном мире прецедентов чего-то подобного мы не встретим. Но и сам момент появления оппонирующих интеллектуальных лагерей и инициирования исторического спора был хронологически и процессуально чрезвычайно точно обусловлен. Первый прецедент будущей историософской дискуссии возникает в предельно четко обозначенный исторический отрезок – в середине XVII века, во время церковного раскола, в ходе «великой при» за веру (А. Герцен даже определил раскольников как «первых славянофилов») [4, с. 438]. Хронология явления предельно симптоматична: в таких обстоятельствах что-то подобное просто должно было произойти. Контуры же собственно спора западников и славянофилов наметились только в начале XIX века, в рамках возникновения кружков «Беседа» (протославянофилы), «Арзамас» и «Зеленая лампа» (протозападники). Настоящее же формирование обоих оппонирующих лагерей произошло позднее – в николаевскую эпоху (кружки Т. Грановского и Н. Станкевича, с одной стороны, и кружок Киреевских – с другой); Г. Шпет прямо отметил, что «о философском национальном сознании до уваровской эпохи (т. е. до николаевской. – Д. С.) говорить не приходится» [21, с. 242]. Данный период отличался внутренней глубинной противоречивостью, разнонаправленностью тенденций развития; всё это подталкивало мыслящую часть общества к постановке фундаментальных вопросов и породило историческую дискуссию. То есть эта дискуссия могла возникнуть только в петербургской России и только в эпоху Золотого века. Однако на самом же деле ситуация была

* **Дмитрий Владимирович Суворов**, канд. культурологии, доцент, лауреат премии им. П. П. Бажова (г. Екатеринбург).

намного сложнее и многопрофильней, и читается она не столь однолинейно. Особо – применительно к музыкальной культуре.

Суть в том, что сам масштабный и амбициозный проект под названием «Русская национальная музыкальная культура» был проектом чисто западным. Он мог состояться (и состоялся) исключительно в рамках процессов догоняющей модернизации, которая началась для России в середине XVII века и продолжается до сих пор по сложной нелинейной циклической экспоненте (описанной в трудах А. Ахиезера). Сам пафос создания «национальной композиторской школы» был пафосом выхода России из средневекового состояния, из добровольной самоизоляции (связанной с концептом «Третьего Рима») – и концептуально был озвучен двумя культурологическими трендами: «европейский концерт» (в Петровскую эпоху) и «Россия есть европейская держава» (слова Екатерины II).

Это «западничество» стартует буквально с первого «крика жизни» новой русской музыкальной культуры – с возникновения партесного стиля, сменившего собой старый (тоже «западный», византийский по генезису) знаменный распев и заимствованный из западноевропейской практики через посредство Польши и Украины. Даже сами жанры этого направления – хоровой концерт и кант – были «импортными», что подчеркивалось и терминологически. Причем сказанное отнюдь не исключало ни ярко выраженного своеобразия данной инновационной (для России) культуры, ни высоких художественных результатов последней (достаточно вспомнить пышную культуру полихорного хорового концерта Петровской эпохи, впоследствии восхищавшую Ф. Листа и Г. Берлиоза). Но и само это своеобразие и художественная изощренность также имели основой именно вышеописанную «западническую» ситуацию, наложившуюся на местную специфику: веками устоявшуюся традицию хорового творчества и исполнительства (при полной неразвитости всех остальных жанровых сфер, характерных для европейской музыки), догматический запрет православия на использование инструментального начала в культовой музыке (отсутствовавший на Западе – что сделало там невозможным и просто ненужным появление фигур типа Василия Титова, Николая Калашникова, Николая Бавыкина, Якова Резвицкого или Федора Редрикова и разработанной последними полихорной техники: все художественные эксперименты у европейских композиторов по определению реализовывались в вокально-инструментальном континууме). Не случайно, к слову, что сам жанр хорового концерта, возникший в Речи Посполитой (например, у известного композитора XVII века Мартина Мельчевского), «у себя дома» большого развития не получил, вытесненный *concerto grosso* (принципы которого в России сразу легли в основу именно жанра духовного концерта – и такое положение будет сохраняться вплоть до екатерининской эпохи, до времени А. Веделя, М. Березовского и Д. Бортнянского).

И еще один принципиальный момент. Все культурно-стилистические метаморфозы и модификации русского музыкального искусства Нового времени при внимательном рассмотрении оказываются синхронными и гомологически связанными с аналогичными в Европе. Так, отечественная барочная традиция, начавшаяся (как минимум) с замечательного украинского композитора и музыкального теоретика Николая Дилецкого (середина XVII века) и продолженная школой В. Титова, абсолютно синхронична с культурой европейского барокко. Переход к раннему классицизму («предклассицизму»), начавшийся в Европе примерно во второй трети XVIII века, с амплитудой в 20–30 лет (естественной в практике догоняющей модернизации), дает полную аналогию для музыки екатерининской эпохи, причем не только стилистически, но и эстетически: русская комическая опера В. Пашкевича и Е. Фомина и жанрово, и по качеству вполне сопоставима с образцами оперного творчества Ф. Филидора, А. Гретри и П. Монсиньи; а инст-

рументальное наследие Д. Бортнянского прямо перекликается с творчеством сыновей И. С. Баха и композиторов мангеймской школы (Ф. Гума, Я. Жах, Я. Я. Рыба, Х. Каннабих, Й. Штепан, И. А. Бенда, Я. Стамиц, Й. Мысливечек) Даже характерный для русской музыки XVIII века некоторый стилистический «микс», сочетание барочных, рокайльных, классицистских и предромантических элементов (характерный, например, для произведений И. Хандошкина, С. Дегтярева и корифеев петербургской хоровой школы), – не имманентен только для «догоняющей практики» России и имеет аналоги в европейской музыке того времени, как раз на стыке барокко и классицизма (например, в ранних симфониях Й. Гайдна, «Страстной» и «Траурной», и операх Х. Глюка).

Наконец, характерен и старт так называемой «русской классической музыки» (основоположником которой считается М. Глинка). Опять-таки общеизвестно: XIX век приносит с собой романтизм – и одну важнейшую составляющую философии последнего, известную как «романтический национализм». Именно в это время практически во всех европейских странах (а также в США и Латинской Америке) начинаются духовные движения, которые позднее будут квалифицированы как «национальное возрождение», что породит и катализирует стремление осмыслить феномен «национального духа» (начало было положено известными лекциями И. Г. Фихте о «deutsche Geist») и найти (либо даже виртуально воссоздать) искомое «национальное своеобразие». При такой парадигме духовного развития «национальные композиторские школы» просто обязаны были появиться – и они появились; даже чисто музыкальная стилистика европейской музыки меняется с универсалистской (барокко, рококо и классицизм) на «национально ориентированную» (романтизм, постромантизм). В России вся матрица истории музыки того времени – стопроцентно, «до запятых», проевропейская: появление новой «националистической» стилистики в виде жанров «русского романса» (форма и даже термин заимствованы из Испании!), ранней романтической оперы (от С. Давыдова и К. Кавоса до Н. Верстовского); наконец, кристаллизация всех данных тенденций и их наивысшее выражение в фигуре Глинки. Опять-таки стилистически в музыке начала XIX века (в инструментальных и хоровых сочинениях А. Алябьева, А. Варламова, А. Гурилева и раннего Глинки) соседствуют классицистские и романтические элементы – но это было типично для данного периода и в Европе (примерами служат ранние сочинения Ф. Шуберта и все творчество ранних романтиков Италии – Н. Паганини и школы бельканто, от Дж. Паизиелло и Д. Чимарозы до Дж. Россини, В. Беллини и Г. Доницетти).

Таким образом, до пореформенной эпохи вектор развития музыкальной культуры России был практически безальтернативно «западническим». Абрис будущего великого спора «западники – славянофилы» применительно к музыке начинает вырисовываться ближе к середине столетия (своего рода предтечей славянофилов в музыке можно считать А. Даргомьжского) и кристаллизуется в 60-х годах (в литературе и философии эти процессы протекали на поколение раньше). Что совсем интересно и поучительно: и само появление «музыкальных славянофилов» (конкретно – «Могучей кучки») было актом своеобразного (и непризнаваемого) западничества, поскольку всецело укладывалось в матрицу вышеописанного «романтического национализма» (курьез истории: чисто «почвенническая» идеологема «самодержавие, православие, народность» была заимствована Н. Карамзиным и С. Уваровым в... Германии, у гейдельбергских романтиков!). И здесь мы подходим к самому поразительному (и тщательно «ретушируемому») парадоксу, связанному с русским музыкальным славянофильством.

Суть в том, что, с одной стороны, чисто идеологическая полемика между западниками и славянофилами в области музыкальной культуры – именно в эти годы проходила в донельзя острой и подчас некорректной стилистике. Предельно

резкие эскапады «кучкистов» против «чуждого влияния» (к которому они относили и обе первые русские консерватории, и Русское музыкальное общество), жесткие критические выпады против «инородческих» исполнителей (типа Аделины Патти, Г. Венявского, Ф. Лауба, А. Вержбиловича и Л. Ауэра), трагически провальная попытка М. Балакирева противопоставить консерваторскому методу обучения свой собственный, а консерваторскому проекту – проект Бесплатной музыкальной школы (своего рода «народной консерватории») – все это уже тысячекратно описано, стало достоянием истории. Помимо естественного в тех условиях полемического запала (а также классической «техники отстройки от конкурентов» в лучших традициях паблик рилейшнз) – существенную роль играли и изменившиеся социокультурные обстоятельства великого спора. Ранний, классический этап дискуссии (в николаевскую эпоху, в период деятельности Н. Грановского, Н. Станкевича и братьев Киреевских) отличался чисто «академическим» стилем обмена мнениями; кроме того, тогда и в славянофильской среде помнили о чисто европейском генезисе собственного движения (всё тот же «романтический национализм»). В этом смысле, наверное, права В. Фёдорова, констатировавшая, что «западный, славянофильский и евразийский взгляды – это не пути, а ракурсы интерпретации» [7, с. 81]... Не то в пореформенную эпоху: уже в 60-х годах (а особенно ближе к 70-м, к моменту структурирования «второго поколения славянофилов») тон дискуссии меняется, появляется устойчивая негативистская тональность в высказываниях славянофилов (классика жанра – «Россия и Европа» Н. Данилевского, «Дневник писателя» Ф. Достоевского и все творчество К. Леонтьева). Выпады адептов «особого пути» против «европейцев» стилистически немалого уступали легендарной футуристической «Пощечине общественному вкусу»: в такой обстановке отнюдь не случайным инцидентом смотрится печально знаменитый агрессивный журналистский выпад В. Стасова против своих оппонентов (с журнальной угрозой Стасова уничтожить «западников»), закончившийся одиозным судебным процессом... Западники в такой обстановке не оставались в долгу, выражений тоже не выбирали: достаточно вспомнить Г. Лароша (квалифицировавшего «Кучку» как «проповедников музыкального безобразия») или Л. Ауэра, назвавшего тех же членов «Новой русской музыкальной школы» «сектой» и «группой националистов». Однако декларации декларациями, а практика – это совсем другое: и здесь имманентная природа музыкального искусства вносит свои целительные коррективы.

Для понимания описываемого феномена следует вспомнить об изначально «западническом» характере самого проекта «русской национальной композиторской школы», а также и о фундаментально общечеловеческой онтологии музыки как «звучащего эсперанто». Никакие «новации», никакие величайшие (без всяких кавычек) открытия «Могучей кучки» в области создания национального стиля не могут дезавуировать тот непреложный факт, что сами члены «Кучки» в своих творческих экспериментах опирались на сугубо европейскую художественную платформу (во всех аспектах, от древнегреческой ладовой системы и хорошо известных в европейской тонально-гармонической практике принципах остинатности, переменности и централизованности – до жанровых сфер и состава симфонического оркестра). То есть музыканты-славянофилы сражались с западниками, опираясь на предельно сомнительные эстетические позиции, и этого не могли не понимать наиболее прозорливые из них (такие, например, как А. Бородин, по многим показателям выглядевший настоящим «диссидентом» в рядах «Кучки»). Наделавшее столько шума «паломничество» Н. Римского-Корсакова в Санкт-Петербургскую консерваторию сперва в виде вольнослушателя, затем профессора этой самой консерватории (ныне носящей его имя!) воспринималось в обоих дискутирующих лагерях как символическое поражение славянофильства (что, в об-

щем, соответствовало действительности): для М. Мусоргского, как хорошо известно, этот факт стал одной из трагедий, приведших композитора к духовной и физической катастрофе... В этом смысле самым символическим документом эпохи служит статья Н. Римского-Корсакова «Вагнер и Даргомыжский», написанная им в предельно полемическом (антизападническом) тоне и... не предназначавшаяся для печати (т. е. написанная для самого автора, своего рода озвученная рефлексия последнего). Трагифарсовости ситуации добавляет тот общеизвестный факт, что именно Римский-Корсаков был едва ли не самым значимым русским «вагнерианцем», наиболее полно претворившим в своем оперном творчестве фундаментальные принципы великого немецкого музыкального реформатора.

И здесь русская музыкальная (и шире – художественная) практика демонстрирует тот прекрасный результат, к которому, увы, до сих не пришла отечественная философско-идеологическая «теория». С. Аверинцев называл взаимоотношения западников и славянофилов «взаимопором» [7, с. 220], а современная исследовательница К. Касьянова констатирует: «Они... были согласны друг с другом в своих нравственных реакциях и в своей моральной интуиции» [11, с. 51]. Дело, однако, еще глубже и парадоксальней, и не сводится только к «моральной интуиции» – суть в том, что фактически и те и другие были культурологическими европейцами в самом глубинном, экзистенциальном смысле. Представляется, что В. Межуев выразил этот момент с точностью диагноза: «Русские западники XIX века не были русофобами, а первые славянофилы не были врагами Запада; они в равной степени любили Россию и Запад, хотя и по разным основаниям. Те и другие признавали свое родство с Западом, но расходились в понимании того, в чем оно состоит. Каждому из них был дорог свой Запад, и в этом вся проблема» [7, с. 144]. А. А. Кара-Мурза дополняет этот тезис следующим: «Те и другие – европейцы, только выступающие за разную Европу» [7, с. 378] (просветительскую или патриархально-«романтическую», по мысли А. Кара-Мурзы). Таким образом, несмотря на все полемические перебраны, была готова почва не только для компромисса, но и для синтеза. Таким синтезом стал интегратизм – духовно-эстетическое направление с тенденцией к снятию полемических крайностей в позициях западников и славянофилов при творческом синтезе и дальнейшей разработке наличествующих в их платформах позитивных моментов. Этот программный пункт явственно присутствует уже у А. С. Пушкина, позднее – у П. И. Чайковского, главного столпа русского музыкального западничества (который в своих критических статьях постоянно высказывался против противопоставления обоих направлений и почти демонстративно подчеркивал те общие черты, которые, по его мнению, сближают его с Римским-Корсаковым). Интегратской по духу была и знаменитая пушкинская речь Ф. Достоевского (именно этот программный момент речи Фёдора Михайловича вызвал неподдельное возмущение убежденного антиевропейца К. Леонтьева). Теоретически же данную позицию осмыслил и провозгласил поэт и философ В. Соловьёв – как на уровне деклараций («Нам не нужно самодовольное славянофильство, и нам не нужно слепое западничество»), так и на уровне законченных философских и религиозных концепций (пример – знаменитый теократический проект Соловьёва). В рамках музыкальной культуры сделать этот исторический шаг было гораздо проще, нежели в любой иной духовной сфере (по вышеописанным причинам) – и этот шаг был сделан в следующем поколении русских композиторов, в Серебряном веке (в том числе и по причинам торжества эстетики модерна, удачно синтезировавшей позитивные элементы предшествующего художественного опыта). В новых условиях старая дискуссия, что называется, «отступала с боем», угасая и вспыхивая отдельными «остаточными» конфликтными точками – типа скандальной статьи В. Стасова «Не дадим прививать сифилис русскому искусству» (посвященной, что характерно, картине

В. Серова «Девочка с персиками!») или поздним идейным метаниям Римского-Корсакова (в последние годы жизни сочувствовавшего, как известно, черносотенному «Союзу русского народа»). Римский-Корсаков, как известно, в стенах Санкт-Петербургской консерватории взрастил и воспитал едва ли не всех петербургских музыкальных корифеев Серебряного века, от членов «беляевского кружка» (А. Глазунов, А. Лядов, А. Гречанинов, А. Аренский, М. Ипполитов-Иванов) до И. Стравинского и Н. Черепнина, и при этом, высказываясь о творчестве своих питомцев, постоянно (и, можно сказать, с неким вызовом) выказывал собственное сдержанно-критическое отношение и демонстративную дистанцированность, часто – с несправедливой прогностикой, типа «забыт он будет скоро» (сказано о творчестве А. Аренского). Совсем показательно, что его ученики никогда не ставили Римскому-Корсакову в вину эти эскапады и боготворили своего учителя, прекрасно понимая природу «брюзжания» своего шефа и драматизм его внутреннего мировоззренческого конфликта...

Остается только сказать, что в XX веке в области музыкальной культуры описанный исторический спор, уже фактически преодоленный (хотя бы в эстетической области), был искусственно «реанимирован» сталинской «гиперпатриотической» идеологией (фактически – уродливой реинкарнацией «романтического национализма», которая вообще была характерна для режимов фашизоидного типа). Именно с гипертрофированно-славянофильских позиций велось нападение на корифеев отечественной музыки в 1948 году (как и впоследствии в Китае, в годы «культурной революции»); да и «аргументы», пущенные в ход А. Ждановым, зачастую почти цитатно повторяли Стасова. Характерно, что именно этот момент впоследствии вызвал язвительную сентенцию Родиона Щедрина о «сонатной форме, которую, конечно, изобрели в Вышнем Волочке...». «Мертвый хватает живого»: и в наши дни выродившееся «неославянофильство» время от времени проявляет себя в музыкальной области – то в виде вызывающего противопоставления «православной» и «католической» традиций (достаточно вспомнить грубую и вызывающую эскападу одного из екатеринбургских архиереев в концертном зале филармонии на исполнении католической духовной музыки А. Гречанинова), то в виде печально знаменитой «войны семитов и антисемитов» в Ленинградской консерватории на рубеже советской и постсоветской эпох, то (уже в наши дни) в виде скандальной инициативы «Литературной газеты» насчет необходимости возведения памятника Г. Свиридову в Москве, где «главный патриотический композитор России» (это о Свиридове) был противопоставлен «космополиту» А. Шнитке и «эмигранту» М. Ростроповичу...

Литература

1. Бердяев Н. А. Судьба России. – М. : Сов. писатель, 1990. – 346 с.
2. Биллингтон Дж. Лики России. Страдание, надежда и созидание в русской культуре. – М. : Логос, 2001. – 248 с.
3. Бушков А. А., Буровский А. М. Россия, которой не было-2: Русская Атлантида. – Красноярск : Бонус ; М. : ОЛМА-Пресс, 2000. – 512 с.
4. Герцен А. И. Былое и думы. – М. : Дет. лит., 1970. – 576 с.
5. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. – Л., 1984.
6. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. – Одесса, 1900. – 432 с.
7. Западники и националисты: возможен ли диалог? / сост. А. Трапкова. – М. : ОГИ, 2003. – 480 с.
8. Ильин И. А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее. – М., 1992.
9. Кавелин К. Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. – М. : Правда, 1989. – 653 с.

10. Кантор В. К. Русский европеец как явление культуры. Философско-исторический анализ. – М. : РОССПЭН, 2001. – 704 с.
11. Касьянова К. О русском национальном характере. – М. : Академ. проект ; Екатеринбург : Дел. книга, 2003. – 559 с.
12. Киселёв Г. С. Человек, культура, цивилизация на пороге третьего тысячелетия. – М. : Восточная лит. РАН, 1999. – 87 с.
13. Лихачёв Д. С. Раздумья о России. – СПб. : Логос, 1999. – 672 с.
14. Лотман Ю. М. Современность между Востоком и Западом // Знамя. – 1997. – № 9. – С. 157–162.
15. Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Труды по русской и славянской филологии. Т. XXVIII, Литературоведение. – Тарту, 1977.
16. Мень А. В. о. История религии : в 8 т. – М. : Слово, 1991–1992.
17. Новый Колокол. Литературно-публицистический сборник / ред. Н. Белинкова ; обл. Е. Герчук. – М. : Весть-ВИМО, 1994. – 480 с.
18. Пушкарев С. Г. Обзор русской истории. – СПб. : Лань, 1999. – 431 с.
19. Пятигорский А. М. Индивид и культура. Интервью с А. Пятигорским // Вопросы философии. – 1990. – № 5. – С. 93–104.
20. Степун Ф. А. Сочинения / сост. В. А. Кантор. – М. : РОССПЭН, 2000. – 998 с.
21. Шпет Г. Г. Сочинения. – М. : Правда, 1989. – 601 с.
22. Эпштейн М. Н. Постмодерн в России. – М., 2000. – 368 с.

Suvorov Dmitriy Vladimirovich,

Cand. Sci. (Culturology),

the winner of the P. P. Bazhov Writer's Prize (Yekaterinburg).

**Russian classical music: a pro-Western,
pro-Slavic, and pro-Integrity stance**

The article analyzes the problems of the dispute between Westerners and Slavophiles concerning the emergence and crystallization of Russian national musical culture in the XVIII–XX centuries. The author considers the Western (in genesis and semantics) nature of the project "Russian national school", the conflict of theory and practice of Slavophiles, as well as the formation of the platform of integration as a project that combines the ideas and practices of both debating camps.

Keywords: Westerners; Slavophiles; integration; romantic nationalism; Silver age; Baroque; classicism; pre-classicism; romanticism.



Требования к оформлению и порядку представления статей в журнал «Вестник Гуманитарного университета»

«Вестник Гуманитарного университета» включен в **Российский индекс научного цитирования** (лицензионный договор № 136-03/2014). Журнал размещается в РИНЦ на сайте Научной электронной библиотеки постатейно (**полные тексты в открытом доступе**).

Журнал принимает к публикации теоретические, научно-методические, научно-практические статьи по следующим наукам:

- Экономика
- Юриспруденция
- Философия

К изданию преимущественно принимаются статьи, ранее нигде не публиковавшиеся. Если статья создана на основе какого-либо научного исследования (диссертации), это необходимо указать в ссылке.

Требования к оформлению материалов

- Текстовый редактор Word 2003–2007, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 12, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 0,7 см; поля: сверху, снизу – 2 см, слева, справа – 3 см.
- Объем статьи до 40 000 знаков (с пробелами, включая сноски).
- Ссылки на литературу помещаются в квадратных скобках с указанием номера источника в списке литературы и номера страницы (например, [2, с. 15]), список литературы – в конце статьи.
- Таблицы представляются в формате Word. Таблицы в тексте должны нумероваться и иметь заголовки, размещенные над полем таблицы.
- Иллюстративные материалы принимаются только в черно-белых тонах.
- Статье должен быть присвоен код УДК.

ОБЯЗАТЕЛЬНО УКАЖИТЕ СЛЕДУЮЩИЕ СВЕДЕНИЯ:

- **На русском и английском языках** приводятся:
 - **название статьи;**
 - **сведения об авторах:**
фамилия, имя, отчество **полностью;**
ученая степень, ученое звание, должность;
место работы – **полное название организации;**
контактная информация: адрес электронной почты (*укажите, согласны ли Вы опубликовать его*), телефон;
 - **аннотация** (150–250 слов);
 - **ключевые слова** (5–6 слов или словосочетаний).

Журнал рецензируемый. Все материалы проверяются на наличие заимствований через систему «Антиплагиат». Текст рукописи должен содержать более 70 % оригинального текста. Автор может представить рецензию на статью специалиста в данной области знания (доктора или кандидата наук), что не исключает дополнительного рецензирования. **Для магистрантов и аспирантов** необходим отзыв-рекомендация научного руководителя или представление профильной кафедры.

Рецензию, рекомендацию или представление необходимо заверить подписью и печатью организации и представить в редакцию (лично либо отсканированный вариант по электронной почте).

Авторы статей несут ответственность за точность приведенных фактов, статистических данных, собственных имен и прочих сведений, а также за содержание материалов, не подлежащих открытой публикации.

К изданию принимаются материалы, подлежащие открытой публикации. Автор(ы) должны письменно выразить согласие на размещение материалов в открытом доступе (на сайте журнала, в системе РИНЦ и других базах данных), указывая «согласен(на) на размещение материалов в открытом доступе» в письме либо в конце текста статьи.

Приветствуются работы, в которых содержатся ссылки на материалы, опубликованные в «Вестнике Гуманитарного университета».

Публикации бесплатные. Авторский гонорар не выплачивается.

Статьи направляются на электронный адрес редакции ektbriogu@mail.ru с указанием в теме письма «Вестник ГУ, область наук», например «Вестник ГУ, экономика». При успешном рецензировании редакция высылает автору ответ о приеме статьи в определенный номер журнала.

Редакция оставляет за собой право не публиковать статью или рекомендовать ее доработку с учетом замечаний. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной форме. Материалы, переданные в редакцию, не возвращаются.

Периодичность издания – 4 номера в год.

Сроки представления материалов к публикации:

№ 1 – до 1 февраля

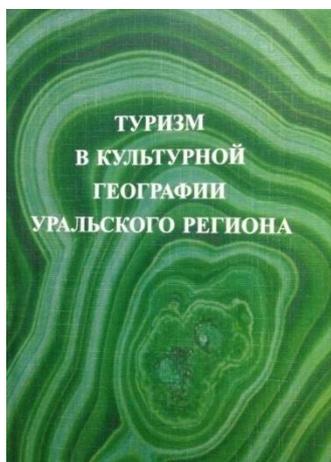
№ 2 – до 1 мая

№ 3 – до 1 августа

№ 4 – до 1 ноября

Адрес редакции: г. Екатеринбург, ул. Железнодорожников, д. 3, к. 207,
тел. (343) 365-99-73.

**Приглашаем Вас опубликовать свои работы
в «Вестнике Гуманитарного университета»!**



Туризм в культурной географии Уральского региона : монография / Л. А. Мясникова, С. А. Рамзина, О. Ю. Зотова [и др.] ; под общ. ред. д-ра филос. наук, проф. Л. А. Мясниковой. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2017. – 362 с.

ISBN 978-5-7741-0269-3

В монографии представлены две основные линии анализа: культурная география Урала как «методологическая сетка» и «питающая среда», в которой развивается региональный туризм; виды и направления туризма, наиболее характерные для региона и способные влиять на его культурно-географические образы.

Рекомендуется специалистам – практикам и теоретикам туризма, гостеприимства, краеведам, регионоведам, культурологам, культурным антропологам.

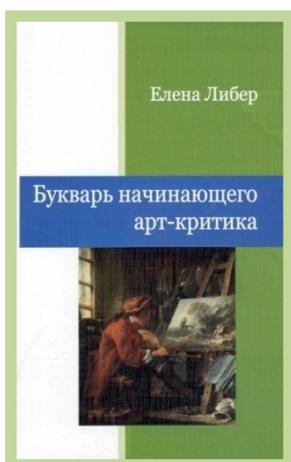


Мясникова Л. А., Шайгарданова Н. Л.

Советский Эдем : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2016. – 209 с.

ISBN 978-5-7741-0264-8

В монографии осуществляется анализ советского парка культуры и отдыха. Советский парк представлен как культурный феномен, являющийся вариацией городского публичного парка, как звено культурно-исторической трансформации садов и парков. Вместе с тем парк культуры и отдыха является воплощением советского идеологического проекта по формированию нового человека и нового общества. Для авторов парк – идеальное место человека, попытка вернуться в утерянный рай, но понятий по-советски. Изменение советской культуры, идеологии, общества соотносятся с пространственно-смысловыми изменениями парка. История парка предстает как зеркало истории страны. Монография будет интересна философам, культурологам, историкам, а также специалистам по социально-культурным практикам организации досуга, туризма, арт-проектирования и др.



Либер Е.

Букварь начинающего арт-критика : учебное пособие. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2015. – 214 с.

ISBN 978-5-7741-0231-0

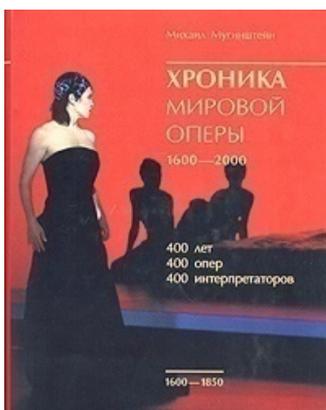
Учебное пособие «Букварь начинающего арт-критика» охватывает основные формы профессиональной деятельности историка искусства и арт-критика: визуальное исследование, анализ, интерпретацию и оценку произведения искусства. Пособие учит понимать визуальные искусства, писать о них эссе, обзоры и исследовательские работы; знакомит с современными теориями искусства и методологией анализа произведений искусства. Пособие обращено к студентам высшим учебных заведений, изучающим визуальные искусства, а также к студентам-журналистам, специализирующимся в области культурной журналистики. Оно также содержит полезные рекомендации для преподавателей-инструкторов, в том числе рабочую программу практикума «Как писать об искусстве?»



Границы искусства и территории культуры : сб. науч. ст. / сост. и науч. ред. Л. А. Закс, Т. А. Круглова. – Екатеринбург : Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина : Гуманитарный университет, 2013. – 261 с.

ISBN 978-5-7741-0220-4

Авторы статей – философы и культурологи продолжают исследование специфики современной художественности, начатое в сборнике «Онтология искусства» 2005 года. В настоящем сборнике представлен итог работы серии теоретических семинаров, в центре которых традиционно центральная проблема философской эстетики – природа искусства – исследуется сквозь призму концепта «границы». Идея подобного подхода принадлежит известному российскому эстетике А. Ф. Еремееву. В книге обобщаются методологические поиски внутренних границ искусства: показана неисчерпаемость классической парадигмы философии искусства, а также предлагаются к обсуждению новые концепции на базе освоения опыта современной западной и отечественной философии искусства, осмысливается трансформация художественной онтологии под влиянием новых культурных феноменов постиндустриального общества: электронных медиа, компьютерных игр, рекламы. Сборник адресован исследователям искусства и культуры (эстетикам, искусствоведам, филологам), преподавателям и студентам, всем, кто интересуется искусством, его сложным «устройством» и существованием.



Мугинштейн М. Л.

Хроника мировой оперы. 1600–1850. Екатеринбург : У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного университета), 2005. – 640 с. : 947 ил.

ISBN 5-94799-423-2

Книга представляет первую в России систематизированную по хронологическому принципу 400-летнюю историю оперы: содержание 200 опер – большинство из них малоизвестны в России, – комментарий, сведения о постановках, аудио- и видеозаписях, насыщенная информация о композиторах и интерпретаторах, именные указатели. Прилагается компакт-диск с записями фрагментов важнейших сочинений.

«Хроника мировой оперы» не только летопись жанра в его значительных образцах, но и живая картина современного мирового театра, частью которого предстает Россия.

Предназначена для профессионалов и любителей оперы, а также для широкого круга читателей.



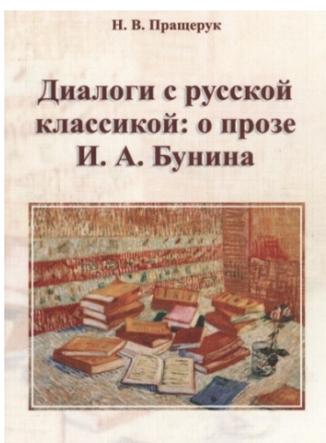
Мугинштейн М. Л.

Хроника мировой оперы. 1851–1900. Екатеринбург : Антверта (при участии изд-ва Гуманитарного университета), 2012. – 616 с. : 688 ил.

ISBN 978-5-905148-06-4

Книга продолжает издание *авторской* энциклопедии, начатое в 2005 («Хроника мировой оперы. 1600–1850»). Она представляет первую в России систематизированную по хронологическому принципу 400-летнюю историю оперы: содержание, увлекательный комментарий, сведения о постановках, аудио- и видеозаписях, насыщенная информация о композиторах и интерпретаторах, именные указатели. «Хроника мировой оперы» не только летопись жанра в его значительных образцах, но и живая картина современного мирового театра, частью которого предстает Россия.

Предназначена для профессионалов и любителей оперы, а также для самого широкого круга читателей.



Пращерук Н. В.

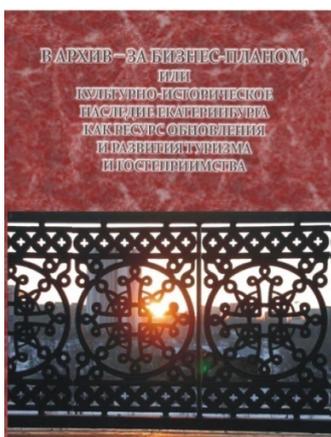
Диалоги с русской классикой: о прозе И. А. Бунина : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2012. – 144 с.

ISBN 978-5-7741-0187-0

В монографии исследуется диалогический потенциал прозы И. А. Бунина (1870–1953). Опираясь на идеи философскокоммуникаторов XX века – М. Бубера, К. Ясперса, М. Бахтина, В. Библера и др., автор показывает, как в художественной практике писателя выстраивается диалогический способ общения с русской литературной классикой XIX века.

На материале произведений 1910–1940-х годов исследуются конкретные межтекстовые связи, механизмы взаимодействия художников, специфика и предмет диалога Бунина с предшественниками. Выявляется, как соединяются в творчестве писателя определенность авторского видения и желание услышать голос собеседника.

Книга адресована преподавателям, студентам, изучающим эстетику, культурологию, теорию и историю литературы, а также мировоззренческие и методологические основы гуманитарных наук.

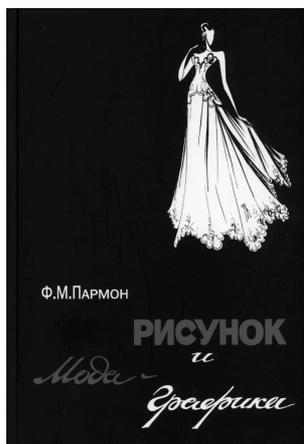


В архив – за бизнес-планом, или Культурно-историческое наследие Екатеринбурга как ресурс обновления и развития туризма и гостеприимства : колл. монография / Л. А. Мясникова, С. Ю. Каменский, С. А. Рамзина [и др.]; под общ. ред. проф., д-ра филос. наук Л. А. Мясниковой. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2011. – 368 с. : цв. фото.

ISBN 978-5-7741-0165-8

Одна из первых монографий, в которой исследуются возможности использования культурно-исторического наследия для развития туризма и гостеприимства Екатеринбурга.

Рекомендуется специалистам-практикам и теоретикам социально-культурного сервиса и туризма, краеведам, регионоведам, культурологам.



Пармон Ф. М.

Рисунок и мода-графика : учебник для вузов. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета, 2002. – 256 с. ил.

ISBN 5-901527-14-3

В книге излагается изобразительная грамота, рассматривается рисунок как наиболее быстрое и подвижное средство выражения творческой мысли художника. Большое внимание уделяется специальной художественной графике – мода-графике, составлению многопредметных художественно-графических композиций на основе предварительных зарисовок фигур человека в костюме или группы предметов/натюрморт/.

Основное внимание уделяется рисованию фигуры человека. Оригинальность издания заключается также в изложении изобразительной грамоты и мода-графики впервые с учетом направленности и специфики подготовки специалистов.

Для студентов вузов, а также колледжей, техникумов, училищ.

**По вопросам приобретения книг обращайтесь
в редакционно-издательский отдел Гуманитарного университета.
E-mail: ektbriogu@mail.ru**

МАГИСТРАТУРА

Гуманитарный университет объявляет прием на обучение по программам магистратуры на 2019/2020 учебный год по следующим направлениям:

- **Психология** (37.04.01)
- **Экономика** (38.04.01)
- **Юриспруденция** (40.04.01)

Срок обучения в магистратуре составляет 2 года по очной форме, 2,6 года по очно-заочной и заочной форме*

Подготовка магистров в университете осуществляется:
- за счет ассигнований федерального бюджета;
- на платной основе.

Количество бюджетных мест:

- **Психология** (37.04.01)
Очная форма – 7 мест
Очно-заочная форма – 6 мест
- **Экономика** (38.04.01)
Очная форма – 9 мест
Очно-заочная форма – 6 мест
Заочная форма – 5 мест
- **Юриспруденция** (40.04.01)
Очная форма – 8 мест
Очно-заочная форма – 9 мест
Заочная форма – 10 мест

Прием документов в магистратуру проводится в следующие сроки:

бюджет

- все формы обучения – с 1 июня по 9 августа

внебюджет

- очная форма – с 1 июня по 23 августа
- очно-заочная форма – с 1 июня по 25 сентября
- заочная форма – с 1 июня по 24 октября

Телефон приемной комиссии: (343) 369-10-11

* 2,5 года по очно-заочной и заочной форме (юриспруденция)

АСПИРАНТУРА

В аспирантуру Гуманитарного университета на конкурсной основе принимаются граждане Российской Федерации, имеющие высшее профессиональное образование на уровне дипломированного специалиста или магистра по следующим направлениям:

- Психологические науки (37.06.01)
- Экономика (38.06.01)
- Юриспруденция (40.06.01)
- Философия, этика и религиоведение (47.06.01)
- Культурология (51.06.01)

Срок обучения в аспирантуре составляет 3 года (очная форма), по заочной форме – 4 года.

Подготовка аспирантов в университете осуществляется на платной основе.

Телефон приемной комиссии: (343) 369-10-11

Прием документов с 1 июня 2019 г. по 13 сентября 2019 г.

Авторы статей несут ответственность за точность приведенных фактов, статистических данных, собственных имен и прочих сведений, а также за содержание материалов, не подлежащих открытой публикации.

Точки зрения авторов статей и редакции могут не совпадать.

Н а у ч н о е и з д а н и е

**Вестник Гуманитарного университета
2019. № 4 (27)**

Главный редактор Л. А. Закс

Редактор С. В. Фельдман
Переводчик Н. Н. Шабалова
Оригинал-макет В. В. Курьянович

Знак информационной продукции
(в соответствии с Федеральным
законом № 436-ФЗ от 29.12.2010)



Подписано в печать 23.12.2019.
Дата выхода в свет 27.12.2019
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 11,63
Тираж 100 экз. Заказ №

Гуманитарный университет
620041, г. Екатеринбург,
ул. Железнодорожников, 3.
Лицензия № 2114 от 26.04.2016

Отпечатано с оригинал-макета
в копировальном центре
Гуманитарного университета
620041, г. Екатеринбург,
ул. Железнодорожников, 3